

V Международная научная конференция

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Самара

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Современная филология : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.).

С56 Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2017. iv, 98 с.

ISBN 978-5-9905791-6-3

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Современная филология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аскерова Н. И.**
Сюжетная линия бытовых сказок. 1

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Курбанова С. Б.**
Своеобразие портретной характеристики образов хорезмских дастанов. 4
- Садокова А. Р.**
Японские народные предания о мостах. 6
- Соловьева Н. В.**
Текст волшебной сказки как объект лингвистического анализа 8

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гафурова Х. Ш.**
Дневниковая литература Японии как литературно-художественный жанр эпохи Хэйан и её эстетика . . 12
- Малкова Т. Ю.**
Гоголевские традиции в изображении демонических образов и мотивов в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 15
- Мирошников А. Г.**
Китобойный промысел и формальная логика: крах рационализма в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» 18
- Перескокова К. И., Шорохова И. А., Маринина М. В.**
Топос уральской поэзии 20
- Рылова К. Ю.**
Эстетика сюрреализма в репрезентации антиномий бытия: «Чёрная обезьяна» З. Прилепина 22
- Федоренко О. Я.**
Живопись как способ выражения художественной условности в драматургии Т. Уильямса. 26

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Abduvalieva G.**
The status of suffixation as a word creating means 29
- Балашова К. Ю.**
Феномен цельноформленной единицы виртуальной речи «ВКонтакте» 31
- Головина Е. В.**
Модель концепта «мода» (на примере романа Э. Золя «Дамское счастье»). 34
- Juraev Z. N., Abdulazizova S. G.**
Teaching foreign languages at the beginning stages through a role-playing games. 38
- Zaynobiddinova G. B.**
Teaching unprepared speech in English on the basis of reading texts 40

Захарова М. А., Шорохова И. А. Средства влияния в гороскопах: лингвистический аспект	41
İsmayil Z. H. Semantics of some words used in Nakhchivan dialects and accents	45
Коновалова Э. К., Паперная Н. В. Особенности употребления эмоциональных конструкций в английской диалогической речи	47
Коробкина Н. И. Метафоризация значения окказиональных словосочетаний (на материале современного русского языка)	50
Кузнецова Е. П., Девятова С. А. Роль грамматических навыков в системе формирования иноязычной коммуникативной компетенции	53
Мамаджанова Н. Средства, выражающие эмоциональность в разговорной речи	55
Мартынова Е. А. Специфика политической лексики в текстах англоязычных антиутопий	56
Махмудова Н. Р. Comparative analysis of the concept «woman» in English and Uzbek proverbs	59
Mingboyeva M. N., Latibjonov A. A. The role of intonation in translation	62
Мусатова Г. А. Сложноподчиненные предложения с уступительной семантикой: общая характеристика, структура, особенности употребления в современной речи	63
Парпиева Н. И. Синтаксические свойства событийных глаголов	66
Rakhimova I. B. Teaching foreign languages through short video clips	68
Тихомиров С. М. Представленность синонимии в жаргоне наркотизма	70
Щукина Г. О. Компоненты «SCHWEIN» и «COCHON» в составе немецких и французских фразеологизмов с точки зрения ономастиологии: сходства и различия	72
Якубжонова Р. М. Problems of translation of the English Gerund and its components in different system of languages	76
Adjabi Y. Arabismen als interkulturelles sprachliches Zeichen in der gegenwärtigen deutschen Literatur	78
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Виткин С. Ю., Захарова М. В. Системы управления контентом (CMS) электронного информационного ресурса: определение понятия, функции и классификация	83
Манукова Е. Ю., Захарова М. В. Использование сервисов мгновенного обмена сообщениями в современной массовой коммуникации	85
Навасартян Л. Г. Дисфемизмы как средство искажения информации в печатных СМИ	88
Никулина М. С., Захарова М. В. Авторский контент сайта. Копирайтинг и рерайтинг. Фотобанки. Лицензирование контента	90
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Салтовская Н. А., Сарычева Е. И. Гендерные аспекты перевода художественных текстов	93
Шичкина М. Г. Tracing the factor of language difference in distinctions between English and German versions of John Steinbeck's «The Grapes of Wrath».	95

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Сюжетная линия бытовых сказок

Аскерова Назира Иззатулла кызы, научный сотрудник
Нахичеванское отделение Национальной академии наук Азербайджана

Бытовые сказки различаются по своему содержанию и теме. Эти сказки, для которых характерно использование загадок, трудных вопросов и мудрых ответов, объединяют в себе сюжеты о жестоких и глупых правителях, высмеивающие глупость, жадность и бездарность.

Происхождение бытовых сказок различно, как и их темы. Источник сюжетов о непутевых детях, разбойниках и ворах связан с повседневной жизнью. Бытовые сказки имеют свой круг сюжетов, образов, специфические методы художественного воздействия. В отличие от волшебных сказок, их герои живут в реальном мире, достигают желаемого с помощью смекалки и ума. Их поступки иногда противоречат этическим нормам общества, в котором они живут. Эти сказки емкими художественными средствами отражают образ жизни народа, его быт и повседневность, традиции и обычаи, борьбу, желания, надежды и чаяния. Здесь говорится о встрече представителей народа с правителем, визирем, муллой, торговцем и другими, о проблемах социальной несправедливости, бесправия, бедности, нужды. Главные герои бытовых сказок достигают желаемого за счет ума, смекалки, предприимчивости, справедливости, совести, правдивости, побеждают с помощью моральных качеств. В образах этих героев народ воплощает свои мечты и желания. В этих сказках отчетливо проявляется правда реальной жизни. Сказки, построенные на вопросах и ответах, по своему характеру близки волшебным сказкам. В волшебных сказках герой достигает своих желаний с помощью сложных действий, событий, пройдя многочисленные испытания. А в бытовых сказках аналогичного типа побеждает ото человек, кто ставит перед соперником неразрешимые вопросы-загадки или наоборот, кто находит правильный ответ на вопросы и загадки. [4, с. 230]. В некоторых сказках этого типа основу сюжета составляет вопрос-загадка. События заканчиваются после того, как найден ответ на эту загадку.

В сказке «Три принца» важное место занимает мотив испытания нареченного/нареченной. В сказке описывается, как три брата, закончив учебу и постигнув науки, с разрешения отца направляются в путешествие. Они не спеша едут и достигают одной страны. Падишах этой страны находит братьев очень умными и способными и доволен ими. Падишах выдает свою дочь за старшего брата, свадьбу играют сорок дней и сорок ночей. Затем средний

и младший братья продолжают свой путь. На развилке двух дорог они расстаются, каждый из них достигает какой-то страны. Средний брат также за счет своего ума и терпения женится на дочери падишаха. Также и младший брат выполняет задание мудрого старца, которое не смог выполнить ни один богатырь, и с его помощью проникает во дворец к девушке. После этого девушка говорит отцу, что если юноша ответит на ее вопросы, то она выйдет за него замуж. Молодой человек находит ответы на вопросы девушки. Она соглашается выйти за него. После свадьбы отец спрашивает, в чем был смысл вопросов-ответов, девушка объясняет:

— Я послала ему алмаз, сказала, я тверда, как алмаз, ты не сможешь исполнить все мои желания.

Юноша сказал:

— Я понял, поэтому алмаз я возвращаю тебе смятым. Если твои желания будут чрезмерны, я сомну их так же.

Девушка продолжила:

— Затем я послала бриллиант, это значило — я прекрасна, как бриллиант.

Юноша ответил:

— Мой ответ таков: я купил еще более дорогой бриллиант и отправил тебе, что значит — и я прекрасен. Но рядом я положил два рубина: посмотри же, если от двух таких прекрасных людей, как мы, родятся два сына, красивых, как рубины, что за чудо случится (1, с. 306).

Как видно, вопросы и загадки более всего нацелены на то, чтобы проверить, насколько умен и находчив герой. Парень и девушка соревнуются с помощью вопросов и загадок. В такого рода соревновании нет ни победителя, ни побежденного, обе стороны демонстрируют свой ум и сообразительность, на основе чего принимается решение о свадьбе. В этой сказке все три брата-принца женятся на принцессах не за счет своего происхождения. Принцессы дают согласие выйти за них замуж потому, что каждый из братьев успешно проходит испытание, справляется с предложенным ему заданием. Следовательно, по древнему свадебному обычаю, основную роль играло не происхождение жениха, а его умения и способности (3, с. 55).

Сказка «Поставим на пути лестницу» полностью построена на загадках, хотя и в некоторой степени перекликается с современной ей сказкой «Падишах и башмачник» [8, с. 199]. Как и у других народов, суть бытовых

сказок, имеющих форму диалогов и построенных на загадках, составляют противоречия. Одна сторона с помощью загадок испытывает другую сторону, которая ломает голову, готовит ответ. Один умен, находит ответ, другой же не может дать ответа. Тем самым девушка посредством загадок проверяет ум, сознательность молодого человека. Если парень беден, девушка больше всего ценит его ум. Если есть ум, богатство заработает, если же нет — потратит и то, что есть, так рассуждает девушка и подвергает его испытанию. И здесь парень, дав правильный ответ на вопрос девушки, получает ее любовь. Во многих сказках юноша снимает чары, наложенные на девушку, и должен дать ответ на ее загадки. В некоторой части сказок данного типа преимущественно проверяется, испытывается физическая сила нареченного. Эта особенность отчетливо видна в сказке «Соловей Хазарандастана». Бильгейс ханым согласна выйти только за того юношу, который победит ее в поединке. Младший принц выполняет это условие и получает ее согласие [5, с. 117].

Этот мотив широко распространен в наших дастанах. Данная особенность ярко проявляется и в «Книге моего деда Коркуда», в части Бамсы Бейрек. Бейрек приходит на зеленое поле, где разбит шатер его невесты Банучичек. Девушка, закрыв лицо, чтобы он не узнал ее, выходит к юноше, спрашивает, зачем он пришел и подвергает его испытанию — стрельбе из лука и борьбе. М. Х. Тахмасиб, указывая на широкое отражение этого обычая в наших дастанах, пишет: «Но эти состязания, в древности опиравшиеся на необходимость проверить прежде всего физическую силу юноши, испытать его, постепенно начинают уступать большее место испытаниям, проверяющим рассудительность юноши, его ум, находчивость в разговоре» [9, с. 82]. В сказке «Два брата» основная суть проявляется в параллелизме «разумный-дурачок».

«В некотором царстве, в некотором государстве, в деревне жила-была одна семья, и было у них два сына. После смерти родителей братья остались одни. Старшего брата считали умным, а младшего — дурачком [6, с. 52]. И все развитие событий связано с этим. В сказке именно в связи с совершением братьями «разумных и дурацких» поступков, происходят интересные события, создается комический эффект. В целом, в бытовых сказках конфликт развивается в рамках повседневной жизни. В бытовых сказках бытовые мотивы формируют основу сюжета. Эта особенность охватывает все внутрижанровые типы бытовых сказок. Широко распространены среди бытовых сказок и наиболее популярны в народе сказки про плешивого. В сказке «Плешивый Мамед» Мамед, обращаясь к падишаху, говорит: «Как же ты можешь быть падишахом с таким умом?» В сказке про плешивого описывается, как скупой торговец заставил плешивого работать до вечера и дал ему за труды только крошки черствого хлеба. В сюжет включается дополнение, рассказывающее о приключении жены торговца со старостой, с помощью него проясняются характеры героев. Воспользовавшись этим происшествием, плешивый до конца разоблачает врага. В ходе

событий выявляется ум, смекалка, храбрость плешивого, жадность торговца и двуличие старосты. Староста с целью отомстить плешивому, говорит торговцу, который хочет дать ему взятку второй раз: «Ты больше плешивых не присылай, приходи тихонько сам и принеси мне сто туманов»

Сказка «Догадливый плешивый» начинается так: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были муж и жена. У них был плешивый сын. Муж умер. Мать вырастила сына. Плешивый и говорит: — Мать, какое наследство от отца осталось? Мать отвечает: — Среди гусей соседа-торговца есть один хромой гусь — это наш» [2, с. 104]. Сказку, начинающуюся таким образом, можно разделить на три этапа: условия, разоблачающие кривду; борьба плешивого с кривдой; победа правды. В наших сказках плешивые являются носителями различных функций. Например, в данной сказке плешивый догадлив. Плешивый сражается с визирем, злой старухой и разбойниками. С помощью своего ума и смекалки он всегда ставит их в трудное положение. Он унижает их всех перед падишахом. Затем визирь так кричит от злости, что умирает. «Падишах начинает искать себе нового визиря. Плешивый слышит об этом, наряжается, прихорашивается и приходит к падишаху. «Да здравствует падишах, пусть возьмет меня к себе визирем».

Плешивый в азербайджанских сказках, как и в сказках других тюркских народов, — это герой, который не отступает от своей цели, не терпит несправедливости, с помощью ума и смекалки разоблачает кривду, не боится трудностей. Ввязаться с ним в спор и превзойти его в хитрости невозможно. В фольклоре народов мира есть множество героев, подобных плешивому. Например, в русских сказках — это Иван-дурак, в индийских — сирота-грязнуля и другие. Но если эти герои добиваются желаемого в основном посредством волшебства, плешивый, как мы уже показывали, достигает своей цели посредством ума и смекалки (8, с. 201). Плешивый всегда готов к борьбе. Его борьба проявляется в любой области общественной жизни. Иногда эта борьба начинается просто ради самой борьбы, но по большей части она является закономерным результатом общественно-экономических противоречий. В целом, в сказках про Плешивого отчетливо проявляется назидательный характер, жизненный опыт. В сказке «Ширванский кади» кади (судья) описывается как отрицательный герой, как злая сила. Внешне кади — благородный человек. Он шагает так осторожно, что не раздавит и муравья. Целый день он молится в мечети, совершает намаз. На самом же деле — это один из жуликов, который, сколотив банду жульня, всегда выходит сухим из воды. Главный герой сказки «Имам» также во многом напоминает нечистого на руку кади. Народу он представляет себя как имама, на самом деле же занимается злыми делами; в сказке описывается, как для своей выгоды он с помощью интриг разрушает самую счастливую семью. Такое представление героев с позиции острой критики — нередкое явление в фольклоре [7, с. 95]. Главные герои сказок «Ширванский кади» и «Имам»

не походят не только на Плешивого, но и на тех торговцев и кади, с которыми он сталкивается. Торговцы и кади, которым противостоит Плешивый, — это просто проигравшие участники забавных приключений. Обе стороны, противостоящие друг другу в этих приключениях, используют хитрость. Плутство Плешивого вызывает одобрение у слушателя, а поступки торговца и кади, которых он побеждает, не вызывают ненависти, а только лишь грустную усмешку.

Теперь рассмотрим сказку «Хасан Гара» Шах Аббас из-за измены одной жены отдает приказ уничтожить всех женщин в стране. Народ объясняет недалекому прави-

телю, что все женщины не могут быть неверны и продажны. Здесь с помощью бывшего визиря Хасана Гара показывается, как мужественны, находчивы и предприимчивы бывают женщины.

В целом, в бытовых сказках конфликт развивается в рамках повседневной жизни. В бытовых сказках бытовые мотивы формируют основу сюжета. Эта особенность охватывает все внутрижанровые типы бытовых сказок. Таким образом, общие черты сказочного жанра оригинальным образом проявляются в бытовых сюжетах, в особенностях содержания и формы в зависимости от принципов их создания.

Литература:

1. Жемчужины азербайджанской литературы. Сказки. Баку: Язычы, 1985, 502 с.
2. Антология азербайджанского фольклора. Нахчыванский фольклор. Баку: Завтра, 1994, 377 с.
3. Алиев, О. Особенности бытовых сказок. / Дед Коркуд Научно-литературный сборник. Баку: Седа, 2002, № 2, с. 114–118.
4. Алиев, О. Сказки / История азербайджанской литературы: В 6-ти томах, т. I. Баку: Наука, 2004, с. 217–240.
5. Алиев, О. Система образов бытовых сказок / Серия гуманитарных наук. Известия. 2010, № 2, с. 58–64.
6. Следы народной памяти. Баку: Наука, 2005, 144 с.
7. Казымоглы, М. Народные шутки: некоторые терминологические трудности // Исследования устной народной литературы Азербайджана. Т. XVI, Баку: Седа, 2005, с. 94–102.
8. Пашаев, Г. Жанры Керкукского фольклора. Баку: Наука, 2003, 320 с.
9. Тахмасиб, М. Х. Азербайджанские народные дастаны (средние века). Баку: Наука, 1972, 398 с.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Своеобразие портретной характеристики образов хорезмских дастанов

Курбанова Саида Бекчановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

В статье анализируется своеобразие портретной характеристики образов хорезмских дастанов. На примерах дастанов цикла «Гороглы» и цикла «Ашик», раскрываются отличительные черты портретной характеристики дастанов романтического и героического типа.

Ключевые слова: «Гороглы», «Ашик», дастан, портрет, образ, эпос

The given article is devoted to analyzing the peculiarities of portrait image in Khorezm dastans. The distinctive features of romantic and heroic types of dastans have been revealed on the examples of the dastans «Gorghli» and «Ashyk».

Keyword: «Gorghli», «Ashyk», dastan, portrait, image, epos

В Хорезме распространены дастаны, составляющие цикл «Ашик», которые были созданы раньше, чем дастаны цикла «Гороглы». В них большое место занимают народная фантазия и вымысел. Экспозиция «ашикских» дастанов обычно развивается по традиционной схеме, действие начинается со сновидений. После этого начинаются основные приключения главного героя.

Вторая схема «ашикских» дастанов — встреча главного героя с красавицей во время охоты. Эта встреча становится прелюдией к последующим событиям. В цикле «ашикских» дастанов нет мотива испытаний жениха в стрельбе из лука, борьбе и скачках. «В романтических дастанах сюжет брачной поездки, героического сватовства полностью теряет свою реальную бытовую основу, связанную с пережитками старинных брачных и семейных отношений», — отмечают В.М. Жирмунский и Х. Зарифов [6, с. 332].

Соотношение поэзии и прозы в хорезмских дастанах, их функция и место в раскрытии основной идеи играют особую роль в композиции. В дастанах «Ашик» превалирует поэтическая часть, которая в большинстве случаев берет на себя функции прозаических текстов в таких компонентах композиции, как описание портретов персонажей, пейзажа. Вот как описывается портрет Хилолы из дастана «Ашик Гариб и Хилола пери»:

У нее глаза газели,
Вся грудь в рубинах и бриллиантах,
С любовным трепетом в душе
Это Хилола идёт [1, с. 61].

А вот как даётся портрет Асилхон в дастане «Асил и Карам»:

С черными бровями,
С жемчужно-белыми зубами,

Выступает словно пава
Нежные возлюбленные идут [2, с. 287].

Портреты героев выразительно и кратко описаны и в прозаической части дастанов. Вот как даётся портрет Саядхан в дастане «Саяд и Хамро» «...на голове у неё золотое свадебное украшение, стройная, изящная, лунолика. В тонких одеждах великолепная девушка» [8, с. 120].

Портреты персонажей в таких дастанах подчеркивают их красоту и привлекательность. Это касается не только портретов женских персонажей, но и мужских. Так, при описании портрета Гариба выделяется, прежде всего, его красота, а не сила:

У него каждый волосок блестит
Как жемчуг и рубин,
Многие девушки очарованы им.
Его стан и походка сводят всех с ума,
Трудно перечислить все качества его [4, с. 287].

Внешность Хамро описывается по-другому: Глянула Саядхан на смеющееся лицо Хамро, на его тонкие брови, жемчужные зубы, на чудные косички, на его лебединую шею, услышала его сладкие речи, заглянула в черные глаза и потеряла сознание» [8, с. 34].

В дастанах часто употребляется диалог героев. В диалогах раскрываются характеры, черты главных героев. В дастане «Саяд и Хамро» диалог двух влюбленных ярко раскрывает их характеры:

Хамро: Нас преследует войско,
Как считаешь, не лучше ли бежать. (Построчный перевод)

Саядхан: Если это предопределено судьбой,
Лучше примем бой [1, с. 63]. (Построчный перевод)

В данном эпизоде нашли свое выражение такие качества, как смелость, находчивость, боевитость Саядхана.

Подобного рода действия, характерные для женщин, являются средством, свойственным лишь архаическому эпосу.

В. М. Жирмунский связывает образы данной категории с амазонками из древнейшей греческой мифологии и относит их основу к периоду матриархата [7, с. 224]

Устные варианты этих дастанов по художественным достоинствам не отличаются от рукописных вариантов. Но язык их приближается к живому разговорному. В основном в них рассказывается о жизни царевичей и принцесс на фоне любовных отношений, что придаёт описанию событий лирический характер. В остальных узбекских вариантах, за исключением хорезмского, поэзия и проза представлены в равных частях.

При описании портретов джигитов больше внимания уделяется их физическим качествам. Вот как дан портрет Кунтугмыша: величавый, как лев вид как у дракона, сильный, слово Рустам, грозен, как тигр, грандиозен, как туча [5, с. 199].

В дастанах этого типа большое место уделяется описанию природы. Пейзаж помогает раскрыть духовный облик персонажей, в них воплощаются эстетические взгляды авторов дастанов, они придают плавность композиции произведения: «Смотрит-чудный сад. Спелые яблоки, фрукты, соловьи поют, горлинки отдыхают, родники журчат» [8, с. 25]. В некоторых случаях описание пейзажа даётся в краткой стихотворной форме:

В саду расцвели цветы,
О любви поют соловьи... [1, с. 300]

Или:

Алые цветы в саду.
Поют опьянено горлицы, соловьи,
Повсюду разнесся запах амбры, мускуса,
Твои сады, словно сад Эрема [2, с. 365].

Такой характер поэтических и прозаических компонентов касается не только дастанов «Ашик», но и второго типа дастанов, в основе которых лежат сказочные мотивы. А в дастанах цикла «Гороглы» эти компоненты несколько обособлены. Во-первых, поэтические компоненты дастанов этого типа превосходят в 2–3 раза аналогичные компоненты дастанов «Ашик». Ибо деятельность героев этих дастанов проходит большей частью в борьбе, схватках и наряду с любовной линией через все произведение красной нитью проходит линия защиты родины, что, в свою очередь, способствует увеличению объёма прозаического текста. Увеличение объёма поэтической части позволяет подробно и детально описывать портреты ге-

роев и пейзаж. Произведения этого цикла имеют героический характер и портрет должен давать представление не только о красоте, но и о физических достоинствах.

Подобный мотив, представляющий собой один из образцов письменного эпоса, наглядно проявляется в одной из версий широко распространённого в Хорезме эпоса «Гороглы» — «Хирмон-дали». Обратимся к портрету Хирмон-дали в одноимённом дастане цикла «Гороглы»: «Она обладала силой сорока джигитов, знаниями сорока джигитов властью священного Сулеймана, красотой Юсуф-Зулайхи» [4, с. 264].

В зачине данного дастана даётся такая характеристика Хирмон-дали: «Хирмон-дали исполнилось двадцать лет. Она была и бахши, и палван. И во многие места отправилась извещение о том, что переигравший её в пении и борьбе, будет её мужем, а проигравший — лишится головы. После этого, прибывшие из Хорезма бахши, палваны уступали ей и в пении, и в борьбе. Таким образом, сложили свои головы триста шестьдесят бахши, палванов» [10, с. 273]. Как отмечает С. П. Толстов, обычай состязания с женихом с последующим выходом замуж за него в случае проигрыша, имеет отношение к обычаям и традициям сакских племен, проживавших в Хорезме [9, с. 323].

Портрет Гороглы сильно отличается от образов джигитов из дастанов «Ашик» своим физическим совершенством, подчеркнута крепким телосложением: «Оседлав коня, который был готов умчаться под небеса, красовался парень ростом два метра, плечи метра полтора, с закручивающимися усами, горящими глазами» [10, с. 45].

В другом месте к его портрету добавлены новые штрихи: «Огромный, могучий парень, который на каждом плече мог поднять быка» [10, с. 49].

Эта конкретизация описания не случайна. «Портрет положительного героя в народных дастанах в большинстве случаев даётся в различных ситуациях, действиях, раскрывая образ его мыслей и дел» [11, с. 289]. Характерно, что портрет Гороглы зачастую даётся в неразрывной связи с его боевым конём, ибо эпических героев трудно представить без коня. Портрет героя связан с его ролью и местом в дастане. В портретах женщин героических дастанов, которые показаны не в батальных сценах подобно Хирмон-дали и Айсултан, а в сценах любви, подчеркиваются истинно женские качества. Портрет снохи Гороглы сказителей каракалпакской и казахской школы, который отражается и на композиции дастанов.

Литература:

1. Ашикнаме, 1-книга, Ургенч, «Хорезм», 2006.
2. Ашикнаме, 2-книга, Ургенч, «Хорезм», 2006.
3. Ашикнаме, 3-книга, Ургенч, «Хорезм», 2006.
4. Ашикнаме, 4-книга, Ургенч, «Хорезм», 2009.
5. Булбул тароналари, Ташкент, «Фан», 1971.
6. Жирмунский, В. М., Зарифов Х. Узбекский народный героический эпос. — М., 1947.
7. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение, — Л.: Наука, 1979.

8. Саёд ва Хамр. Ташкент, «Фан», 1964.
9. Толстов, С. П. Древний Хорезм, — М.: Изд. МГУ, 1948.
10. Гороглы. Ургенч, «Хорезм», 2004.
11. Саидов М, Ўзбек дostonчилигида бадий махорат, Ташкент, «Фан», 1969.

Японские народные предания о мостах

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В культуре всех народов мира мосты занимают особое место. С мифологической точки зрения, они выполняют сакральную функцию и являются символом переправы, связи мира мертвых и мира живых. Они служили постоянным напоминанием ныне живущим о единстве этих двух миров, их близости, а также о быстротечности и иллюзорности земной жизни.

При этом, конечно, нельзя забывать и об утилитарном назначении мостов. Как известно, Япония — горная страна, страна, по территории которой протекает огромное количество горных и равнинных рек, и потому строительство мостов издавна было необходимым условием для возможности вообще передвигаться по стране. Напомним также, что мосты, воспринимаемые как «пограничье» между миром людей и «иным» миром, истариги играли чрезвычайно важную обрядовую и магическую роль в жизни японского общества, были местом традиционных новогодних гаданий и поклонения особым Божествам мостов, которые были призваны охранять жителей близлежащих деревень от болезней и несчастий.

Как видно, роль мостов в жизни японцев — будь то жизненно необходимое или ритуально-сакральное — была чрезвычайно велика. Передвижение по Японии всегда было делом нелегким, и потому «жизнь за мостом», равно как и «жизнь за горой» представлялась совершенно иной — нереальной, фантастической, а мир там — недостижимым. Это способствовало повышению внимания к событиям и людям, проживающим в пределах досягаемости, и как следствие — к появлению большого числа легенд и преданий, связанных с героями, культурными достижениями и природными объектами небольшой по размеру территории, то есть «своей» деревни или «своего» района. Более того, сформировалось не только очень внимательное отношение к истории и культуре своей «малой родины», но и в дальнейшем — к развитию краеведения и локальной фольклористики, что способствовали тщательному собиранию и записи легенд и локальных преданий.

Вероятно, именно в контексте этого, внимание народной традиции стали привлекать не только значимые объекты — горы, равнины и реки, но и микрообъекты, в том числе мосты. В результате оказалось, что народные легенды и предания о мостах, в большинстве случаев локальных, представляют собой весьма значительный корпус

текстов, разных по месту бытования и чрезвычайно интересным по сюжету. Корпус текстов оказался столь внушительным, что представилось возможным даже выделить некоторые сюжетные закономерности. Потому, как нам кажется, условно народные предания о мостах, их происхождении и специфике в японской народной повествовательной традиции можно разделить на три группы:

— предания о мостах, связанные с реальными историческими героями и событиями.

— предания о мостах, связанные с проявлением чуда — религиозно-нравственного или природного характера. Эти предания нередко имеют дидактическую основу и утверждают повторяемость известного чуда (при создании определенных условий) и в наши дни.

— предания о мостах, являющих собой знамения, знак предопределения судьбы.

В качестве примера преданий первой группы можно привести фольклорный цикл полуострова Идзу, который находится сравнительно недалеко от Токио. В давние времена он считался местом далекой ссылки, был диким и малодоступным. Еще в конце XI в. туда был отправлен в ссылку будущий военный правитель Японии, один из самых известных людей в истории страны — Минамото Ёритомо. С его именем связано происхождение большого числа топонимов на этом полуострове, в том числе и название нескольких мостов. Так, например, существует мост с названием *Хэби-га баси*, что буквально означает «Змеиный мост». Рассказывают, что Минамото Ёритомо нередко посещал синтоистский храм Мисима-дзиндзя, где молился о своем скорейшем возвращении из ссылки. Однажды Минамото попал под сильный дождь и не мог перебраться через разлившуюся речку. Не желая замочить одежды, он схватил за хвост проползающую мимо длинную змею, раскрутил ее и перекинул на другой берег так, что она, словно канат, зацепилась за растущее на берегу дерево. Тогда Минамото привязал хвост змеи к дереву на своем берегу и по змее, словно по мосту, перешел на другой берег. После этого на том месте, где Минамото Ёритомо проложил «живой» мост, построили настоящий крепкий мост и назвали его *Хэби-га баси* [1, с. 61].

Другая история о Минамото Ёритомо объясняет происхождение моста *Комацумэ-баси*, что значит «Мост лошадиного копыта». Рассказывают, что однажды Минамото

отправился опять-таки поклониться богам в храм Мисима-дзиндзя. Однако когда он переезжал через реку по бамбучному мосту, конь вдруг встал и не желал двигаться вперед. Он только бил копытом. На том месте образовалась выемка. И долгое время всем приходилось аккуратно ее объезжать. Спустя время там построили новый мост и дали ему имя «Мост лошадиного копыта» [1, с. 53].

Что касается преданий второй группы, то она является наиболее многочисленной. Сюда можно отнести тексты, основанные как на синтоистском, так и на буддийском чуде. Однако большая часть такого рода историй связана с буддийскими храмами и входит, как правило, в «легендарную историю храма», подтверждая способность буддизма и его божеств творить чудеса.

В этой связи показательными являются истории о мостах города Кавагаэ (префектура Сайтама), также расположенного не очень далеко от Токио. Достопримечательностью этого города среди прочих считается древний буддийский храм Китаин, не раз сыгравший важную роль в истории страны. Так вот около этого храма и сегодня находятся два удивительных моста. Первый из них имеет весьма специфическое название. Он известен как *Бива-хаси* («Мост бива»; речь идет о старинном струнном инструменте — *бива*).

Рассказывают, что свое название он получил после одного необычного случая. Как-то вечером монахи возвращались в храм Китаин, как вдруг обнаружили, что потеряли дорогу. Они вышли к реке, но не могли найти того места, где реку можно было перейти вброд. Они долго ходили по берегу, желая спросить у кого-нибудь дорогу, но вокруг никого не было. Наконец, к реке вышел слепой сказитель *бива-хоси*. (Словом *бива-хоси* в средневековой Японии называли певцов-сказителей самурайского эпоса. Они исполняли свои сказы, сопровождая себя на *бива*.) Монахи храма Китаин спросили у него дорогу, но певец ничего не ответил, а лишь подошел к реке и положил на воду свой инструмент *бива*. К изумлению монахов, река в этом месте стала вдруг сужаться и сузилась настолько, что через нее стало возможным просто перешагнуть. В память об этом чуде построили мост, который назвали *Сэмбабива-хаси*, что можно перевести как «Мост, где бива / укрощает / чудесную волну». Но это название оказалось слишком длинным для повседневного использования, и со временем мост получил более простое название — *Бива-хаси*. Однако память о его чудесном происхождении сохранилась. Существует поверье, что если встать на мосту и посмотреть вниз, то заметишь, как твое отражение, сначала четкое и ясное, постепенно начинает исчезать. Если же пройти по мосту трижды, то отражение больше не покажется вовсе [3, с. 12–13].

Весьма поучительной представляется и другая история, связанная с мостами храма Китаин. Так, один из мостов в окрестностях храма называют *Доробо-хаси* («Воровской мост»). Это странное название появилось в давние времена, когда еще через большой овраг, что около храма, был проложен узкий деревянный мост. Овраг был такой

глубокий, что огромные криптомерии, растущие по его склонам, казались стоящими далеко внизу, если смотреть с моста. Однажды вор с богатой добычей прибежал по этому мосту в храм Китаин. Он надеялся спрятаться здесь и схоронить свои сокровища. Настоятель храма увидел вора, подошел к нему и начал говорить тихим спокойным голосом. Затем настоятель пригласил вора в храм и долго беседовал с ним, наставляя на истинный путь. Вор внял словам настоятеля, покаялся в грехах и стал вести праведную жизнь. Но мост, по которому он прибежал в храм, с тех пор стал обладать удивительной силой. Если кто-то пытался украсть из храма Китаин какую-то вещь и вынести ее за пределы храма, то на мосту, который миновать никак было нельзя, эта украденная вещь сама выскакивала из рук или кармана вора и падала в овраг. Найти ее было уже невозможно [3, с. 20–21]. Интересно, что этот мост существует до сих пор и всем посетителям храма с удовольствием рассказывают эту поучительную историю.

Однако не обязательно истории о чудесных мостах должны были быть привязаны к конкретным храмам. Существует большое число локальных преданий о небольших и известных только местным жителям мостах. К таким можно отнести, например, предание о мосте на маленьком острове Догасима около полуострова Идзу. Название этого моста — *Догасима-но юругибаси* («Качающийся мост Догасима»).

Рассказывают, что некогда недалеко от острова Догасима жили морские пираты, которые грабили маленькие суденышки и совершали набеги на прибрежные деревни. Однажды они ворвались в деревню Таго на острове, унесли все, что могли унести, и оставили стариков и детей в слезах и печали. Пираты были очень довольны своей добычей. Однако едва они вступили на узенький мост через реку Танигава, протекающую на острове, как вдруг мост затрясся, а потом стал раскачиваться из стороны в сторону. Он раскачивался все сильнее и сильнее, пока пираты все до одного не попадали в глубокую пропасть. С тех пор люди стали называть этот мост Качающимся, то есть *Юругибаси*. До сих пор существует поверье, что когда по этому мосту проходит человек с дурными мыслями и намерениями, мост обязательно начинает покачиваться [2, с. 10–11].

Тексты третьей, условно выделенной нами группы легенд и преданий о мостах, в большей степени, чем две другие, наполнены мистикой и тяготением к неведомому. Сюда следует отнести произведения, основанные на так называемом культе *хасихимэ* (букв. «Принцесса моста»). Речь идет о преданиях, известных во многих районах страны, объединенных в целом одним сюжетом и образующих некий цикл *хасихимэ дэнсэцу* («Легенды о Принцессе моста»). Все они имеют романтико-историческую основу, потому что повествуют о несчастной любви знатной девушки (которую в японском фольклоре принято называть *химэ*), часто исторически достоверного лица, которая в порыве ревности, полная печали, бросилась с моста. Это событие способствовало появлению то-

понимов, типа «Девичий мост» или «Мост печали». Известен и Шепчущий мост, ступая на который, как бы слышишь тихий шепот и вздохи погибшей девушки [5, с. 221–223].

Кроме того, девушка, столь достойно погибая (с точки зрения средневековой японской морали), не умирала, а, согласно синтоистским представлениям, превращалась в божество *ками* и почиталась как бог — хранитель моста [4, с. 247]. Однако случалось и обратное. Существует предание, что одна юная особа во времена правления императора Сага (годы правления 809–823) бросилась из-за жгучей ревности в воды реки Удзигава в окрестностях Киото, но, съедая злобой, приняла образ демона — *они* и стала вредить жителям тогдашней столицы Киото [4, с. 263]. При этом считается, что такая трактовка образа более поздняя, а в древности эта краса-

вица не только почиталась, но и воспевалась. История ее гибели вдохновляла самых разных поэтов, а ее популярность среди влюбленных куртизанок и синтоистских жриц была столь велика, что эта дева, настоящее имя которой так и осталось неизвестным, получила новое личное имя. Сегодня она известна всем, как *Удзи-но хасихимэ* (букв. «Принцесса моста в Удзи»).

Как видно, разнообразие японских народных повествований о мостах достаточно широко и охватывает самые разные стороны японской культуры — от народных повествований о жизни и деятельности реальных исторических лиц национального масштаба до местных народных культов и представлений о необычном и мистическом. Но именно в этой масштабности и разноплановости и состоит специфика народной культуры и фольклора японцев.

Литература:

1. Идзу-но дэнсэцу (Легенды [полуострова] Идзу). Сост. Ёсикава Юко — Сидзуока, 2001. — 254 с.
2. Идзу-но мукасибанаши (Сказки Идзу). Сидзуока, б/г. с. 10–11. — 64 с.
3. Кавагоэ-но дэнсэцу (Легенды Кавагоэ). Кавагоэ, 2000. с. 12–13–152 с.
4. Кавагути Кэндзи. Нихон-но камисами дзитэн ёми токи (Энциклопедия японских синтоистских божеств: чтение, толкование). — Токио, 2001. — 292 с.
5. Японские народные сказки. В 2-х т. Т. 2 / Пер. с яп. и сост. В. Марковой; Примеч. В. Марковой, А. Садовой. — М., Книжный клуб Книговек, 2015. — 352 с.

Текст волшебной сказки как объект лингвистического анализа

Соловьева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной университет

В статье анализируются различные подходы к изучению текста волшебной сказки как объекта лингвистического исследования. Внимание уделяется трем основным направлениям: лингвоцентрическому направлению, в рамках которого изучаются особенности функционирования языковых единиц и категорий в тексте; текстоцентрическому направлению, представляющему текст как результат и продукт творческой деятельности; антропоцентрическому направлению, связанному с интерпретацией сказочного текста в аспекте его порождения и восприятия. Перспективным признается сочетание вышеуказанных направлений изучения.

Ключевые слова: текст, направление исследования, лингвоцентрический, текстоцентрический и антропоцентрический подходы

Текст волшебной сказки представляет собой сложный объект исследования по причине многоплановости и многоуровневости его организации. Важнейшими составляющими выступают не только языковые средства, позволяющие воплотить творческий замысел, но и отображаемая действительность и традиция как компонент фольклорного сознания и его текстового воплощения. Перечисленные выше особенности, а также связь теории текста с психологией, философией, социологией, культурологией объясняют множественность подходов к изучению текста волшебной сказки.

В настоящей работе мы видим свою задачу в обобщении корпуса исследований по проблеме фольклорного текста с целью систематизации имеющихся данных и выявления специфики изучения текста волшебной сказки как одного из видов фольклорного текста.

Исследование текста волшебной сказки может осуществляться в рамках лингвоцентрического, текстоцентрического и антропоцентрического подходов [7, с. 31].

В рамках лингвоцентрического подхода внимание исследователей сосредоточено на изучении особенностей функционирования языковых единиц и категорий в фоль-

кларном тексте. По справедливому замечанию Б.Н. Путилова, определяющим художественным средством в фольклорном тексте является слово. «Многие слова языка фольклора живут двойной жизнью: как обозначение вещного мира и как символы, знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [6, с. 185]. Другими словами, помимо обязательного денотативного содержания фольклорное слово обладает обязательным коннотативным содержанием, определяющимся внутри-текстовыми связями и фольклорным авантекстом (термин С.Ю. Неклюдова), т. е. компонентами народной традиции, отражающими национальное мировоззрение. К другим чертам фольклорного слова, обусловленным семантическим, синтаксическим и прагматическим аспектами, принадлежат обобщенность семантики (способность не только передавать понятие, но и традиционный культурный смысл), блоковость (способность к реализации заданных свойств в рамках фольклорного текста) и вариативность (возможность сосуществования фольклорных аллолексов со сходными коннотациями и дистрибуцией). «Целый фольклорный текст можно описать через комплекс составляющих его семантических полей, представленных в виде словаря. Элементы подобного словаря обычно теряют собственное конкретное значение (синтагматическое), приобретая значимость (и, соответственно, новые валентности в пределах некоторой замкнутой, жестко организованной системы (парадигматической)» [4].

Текст может быть рассмотрен и как многосоставная композиция, каждая часть которой обладает своей семантикой, и как самостоятельное семантическое (содержательное) целое. В рамках текстоцентрического подхода текст представляется как результат и продукт творческой деятельности.

В фольклористике сказочный текст рассматривается как многоуровневая иерархическая система, для описания структур которой используются различные методы. Так, одними из наиболее значимых работ для изучения структуры и семантики сказок были труды В.Я. Проппа. В «Морфологии сказки» выделяются универсальные элементы, выполняющие определенную функцию в сказочном повествовании. На более высоком уровне абстракции определяются инварианты этих элементов. Инварианты (под которыми подразумеваются функции в терминологии В.Я. Проппа) образуют основу любой сказки, ее содержание может быть передано при помощи последовательности функций, причем функции упорядочены определенным образом (наличие одних функций обуславливает наличие других, некоторые пары функций связаны отношениями дополнительной дистрибуции). Таким образом, функции могут быть определены как единицы семантического описания сказки, порядок их следования отождествляется с грамматикой.

Для структурализма, развивавшегося в рамках фольклористики и этнографии, характерен уровневый подход

в изучении сказочных текстов. В работе американских исследователей П. Маранды и Э. Кенгас-Маранды «Структурные модели в фольклоре» отмечается, что «корректный анализ фольклорного текста должен использовать информацию разных уровней: знание языка, различных языковых коннотаций, а также категорий фольклорной традиции и бытовой культуры» [9].

Авторы статьи «Грамматика сказки» С. Фотино и С. Маркус моделируют процесс понимания сказочного текста и выделяют уровень сегментов-событий и уровень нарративных сегментов, объединяющих значимые для хода повествования сегменты-события. Недостаток этой интересной попытки создать чисто формальный критерий для анализа сказок, как указывают и сами авторы, состоит в том, что на начальном этапе такого анализа, а именно при выделении сегментов-событий и дальнейшем их отождествлении, уровень субъективности достаточно высок, и это не позволяет с уверенностью пользоваться данным критерием или создать надежную классификацию по указанному признаку [9].

Литовская исследовательница Б. Кербелите предлагает уровневое описание сказочных текстов с учетом их имплицитных смыслов. Степень абстракции описания возрастает от уровня к уровню. На первом уровне выделяются элементарные сюжеты, в которых изображено столкновение двух персонажей, при этом один из них достигает цели (начальная ситуация — акции персонажей — результат). Персонажи называются по выполняемой в тексте функции, их действия описываются лексическими средствами самого текста. На втором уровне действия персонажей обозначаются обобщенно, подчеркивается их значение для элементарного сюжета. На третьем уровне только значимые действия персонажей (акции) выражаются в абстрактной форме.

В представленных выше работах авторы идут от синтагматического анализа к парадигматическому и семантическому, сначала выделяя единицы для анализа текста, а затем изучая законы, по которым эти единицы группируются. В отличие от них, датский фольклорист Б. Холбек в своей монографии «Интерпретация волшебной сказки» («Interpretation of Fairy Tales», 1987) рассматривает влияние парадигматических законов строения волшебной сказки на последовательность сказочных действий. В основе исследования лежит принцип семантических оппозиций. Базовыми для исследования выступают оппозиции по социальному положению, возрасту и полу. В зачине и развязке волшебной сказки находят отражение все три типа оппозиций. В начале сказки герой занимает низкое социальное положение, в семье он подчиняется старшим, он не имеет брачного партнера; в конце сказки предстает противоположная картина: герой добился высокого положения, стал взрослым, т. е. прошел обряд инициации, имеет собственную семью. Далее в сказке выделяется ряд эпизодов, каждому из которых соответствует собственная оппозиция или система оппозиций. С помощью тех же оппозиций описываются и действующие лица. По мнению

Б. Холбека, «синтагматическое строение сказки подчинено парадигматическому, т. е. различные эпизоды, описывающие перемещение по тем или иным осям координат, могут в некоторых пределах меняться местами, в то время, как порядок функций, описывающих то или иное конкретное перемещение, остается неизменным» [5].

Анализ формального, контекстного и содержательного уровней фольклорного текста представлен в работе И.А. Голованова «Фольклорный текст как многоуровневая структура» [2, с. 148–151]. Предлагается рассматривать фольклорный текст по трем направлениям: текст — не-текст; текст — контекст; художественный текст — нехудожественный текст.

Текст в отличие от не-текста интегрирован в культуру этноса, представляет ее сакральную подсистему. Не-текст не фиксируется в коллективной памяти, он имеет мгновенный характер.

Фольклорные произведения не имеют устойчивой формы, они представляют собой устойчивую комбинацию элементов традиции, которая реализуется в каждом акте исполнения. «В основе всевозможных многочисленных вариантов фольклорного употребления (исполнения, записи) лежит некая абстрактная модель инвариантного свойства, возникшая как системная единица вербального уровня, служащая в данной коммуникативной ситуации способом интеллектуального или вполне практического освоения мира» [7, с. 33]. В различных вариантах может меняться объем текста, его лексическое и фразеологическое наполнение, последовательность структурных элементов, но эти вариационные изменения совпадают с правилами текстуализации и не выходят за пределы допустимой разработки темы. Вышеизложенное позволяет говорить о содержании текста как о его инвариантной сущности и считать варианты текста референциально тождественными. Важно подчеркнуть, что содержание определяется не только словесным текстом, но и событием, в рамках которого текст произносится: «Всякое изложение фольклорного произведения вписано в синхронно сосуществующую с ним (и в этом смысле являющуюся его контекстом) невербальную модель. Оно неотделимо от ее элементов...они равноправно участвуют в хранении, передаче, воспроизведении сообщения и его семантики» [4].

Эстетическое начало фольклорных текстов, обусловленное потребностью людей в эстетизации и субъективно окрашенными переживаниями, делает их художественными явлениями. Рассказчик выбирает заслуживающий внимания материал, обыденный текст постепенно приобретает характер обращения к коллективу, многократность воспроизведения и контекстуальное варьирование завершают процесс перехода от бытового рассказа к художественному творчеству.

В рамках антропоцентрического подхода, связанного с интерпретацией сказочного текста в аспекте его порождения и восприятия, выделяются когнитивное, деривационное, прагматическое и психолингвистическое направления.

В фокусе внимания когнитологов, изучающих фольклорные тексты, находятся концепты фольклорной картины мира. К специфическим отличительным чертам фольклорного концепта можно отнести: монологичность (хранение коллективного опыта автором и слушателями, воспроизведение содержания текста с минимальными изменениями); отражение устойчивых коллективных установок в части аксиологической составляющей (отражение ценностей коллектива и однолинейность оппозиционного моделирования мира); своеобразие языкового выражения, (обусловленность средств выражения творческим замыслом автора и воплощение в тексте через смысловые структуры, актуализованные посредством сюжетных, композиционных, жанровых моделей, конструктивных тематических элементов — мотивов и конструктивных стилистических элементов — формул). Изменения концептуального содержания объясняются изменениями общественного, а следовательно, фольклорного сознания и ценностной системы общества, а так же обусловлены жанровыми особенностями. «Концепт порождает культуру и порождается ей», т. е. содержание фольклорного концепта формируется под влиянием фольклорного дискурса и в то же время обуславливает содержание фольклорного дискурса [цит. по: 3, с. 23].

Деривационное направление анализирует процессы образования фольклорного текста и лежащие в их основе мыслительные операции: «Образовать текст — значит образовать мысль, так как мысль, заключенная в тексте, составляет его глубинный уровень, содержательную основу» [7, с. 32]. По наблюдениям Л.Г. Бабенко, при создании текста на глубинном уровне активно функционирует закон инкорпорирования, включающий процесс образования семантической структуры — предикацию и результат этого процесса — номинацию [1, с. 22].

Как полагает Л.Н. Мурзин, на лексико-грамматическом уровне действуют два других взаимосвязанных и противоположно направленных текстовых механизма: контаминация, направленная на развертывание текста, и компрессия, предназначенная для его свертывания: «Контаминация и компрессия — это способы проявления в тексте более общих, универсальных текстообразующих законов развертывания и свертывания, так как и те и другие связаны с тема-рематической организацией высказывания. Развертывание направлено на рему, поскольку развертывается наиболее важная информация, а свертывание сопряжено с темой, так как опускается, редуцируется именно то, что менее информативно значимо» [8, с. 75].

В рамках прагматического направления фольклорный текст рассматривается как сложный речевой акт, осуществляемый с определенными намерениями и использующий комплекс языковых и стилистических средств для оказания воздействия на адресата. М. Венгранович подчеркивает коллективный и активный характер восприятия фольклорного текста, обуславливающий варьирование содержания и структуры текста и внетекстовых элементов в зависимости от реакции слушателей. Слушатели стано-

вятся соавторами текста, не только осмысляющими его, но и воспроизводящими его новый вариант в следующем акте фольклорной коммуникации [7, с. 34].

Психолингвистическое направление представляет текст как динамический процесс порождения / восприятия, находящийся в основе коммуникативной деятельности. Модель порождения текста включает три основных этапа: мотивацию и замысел; осуществление плана; сопоставление реализации и замысла. Восприятие текста первоначально связано с восприятием материального выражения, затем осуществляется переход от материального образа языкового знака к образу его содержания [8, с. 74–75]. Интересными представляются выводы Л. В. Сахарного относительно того, что сказочный текст хранится в памяти в виде набора ключевых слов, которые эксплици-

руются при его воспроизведении. Проведенные исследования показали, что помимо воспроизведения ключевых слов существенным моментом является соположение элементов текста. Так, в начале воспроизводится экспозиция сказки, затем — развязка и, в последнюю очередь, развертывание.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам остановиться на всех проблемах, связанных с осмыслением сказочного текста как многоуровневой структуры и многообразием подходов к его изучению. Перспективы дальнейших исследований мы видим в сочетании лингвоцентрического, текстоцентрического и антропоцентрического направлений, так как они дополняют друг друга и позволяют раскрыть сущность текста волшебной сказки наиболее полно.

Литература:

1. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с. С. 22
2. Голованов, И. А. Фольклорный текст как многоуровневая структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7. с. 148–151.
3. Крючкова, Н. В. Концепт-референция — коммуникация. Саратов: ИП Баженов, 2009. 391 с.
4. Неклюдов, С. Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. / Сост. В. Е. Добровольская, Н. В. Котельникова. Вып. 8. М.: ГРЦРФ, 2005. с. 22–41. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/peckludov21.htm> (дата обращения: 24.02.2017).
5. Рафаева, А. В., Рахимова Э., Архипова А. С. Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/archipovarafaeva.htm> (дата обращения: 24.02.2017).
6. Сердюк, М. А. Слово в фольклорном тексте: семантическая структура и субстанциональные свойства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 96. с. 184–191.
7. Стекольников, Н. В. Фольклорный текст как объект лингвистического исследования // Вестник ВГУ. 2014. № 3. с. 31–35.
8. Темкина, В. Л., Семынина О. А. Современные подходы к анализу языка художественной литературы // Вестник ОГУ. 2013. № 6. с. 72–77
9. Тумаркина, И. Л. Методы формального анализа фольклорного текста // Летняя школа по формальным методам в фольклористике — 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_tumarkina1.htm (дата обращения: 24.02.2017).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дневниковая литература Японии как литературно-художественный жанр эпохи Хэйан и её эстетика

Гафурова Хакима Шавкатовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
Университет мировой экономики и дипломатии (г. Ташкент, Узбекистан)

В последнее время в мире заметно возрос интерес к японской истории, литературе и к культуре в целом. Самобытные элементы национальной культуры, знакомство с японской литературой позволяет нам прикоснуться к духовному миру японского народа.

Рассмотрение вопроса формирования японской литературы способствует более глубокому пониманию особенностей национальной культуры Японии.

Необходимо осознавать, что познание чужой культуры способствует более глубокому изучению своей культуры, а также является своеобразным мостом для создания межкультурной коммуникации.

В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос эстетики женской средневековой дневниковой литературы Японии.

В средневековой Японии литературное произведение включало в себя комплекс морально-этических, эстетических, духовных и нравственных постулатов, который оформлялся в канонизированном поэтическом формате. Все жанры художественной литературы были ориентированы на эмоциональную насыщенность, эстетическую значимость, нравственную ценность повествования. Реальность событий и эмоциональное восприятие данной реальности стало одной из незыблемых основ художественного произведения.

На такой основе формируется особый тип писателя, который, с одной стороны, был обязан отражать «только то, что было на самом деле», т. е. исторические события, которые происходили в жизни. С другой стороны, он был связан с функцией канонизации художественной литературы, что диктовало ему принципы создания прозы с соблюдением национальных традиций и этикета. Вместе с тем он неразрывно был связан с судьбами конкретных людей, обрисовкой их внутреннего мира. Для этого нужно было сохранить и передать определенные нормы поведения и этики, диктуемые социумом.

В таком формате требований важно было уследить за реальным ходом исторических событий, выразить собственную нравственную позицию в отношении этих событий, не приукрашивать окружающий мир и не искажать его фантазией, прислушиваться к себе и своим чувствам как к единственно правильному способу отражения со-

стояния, использовать лишь те приёмы, которые не нарушали бы реальность, способные служить воспитанию и сохранению этико-нравственных постулатов [1]. Этот вид художественного дневниково-мемуарного произведения был назван «*никки*» (дневник).

В эпоху Хэйан [2] были созданы такие выдающиеся произведения, как «Дневник Мурасаки Сикибу», «Тоса никки», «Дневник эфемерной жизни», «Сарасина никки» и др. Дневниковая литература в Японии стала сугубо национальной и самостоятельной разновидностью художественного слова.

Жанровые, тематические и стилистические особенности развития дневниковой литературы эпохи Хэйан характеризуют ее *причастность к культурной жизни аристократии*, которая стала почвой для становления и расцвета поэзии и прозы классического периода.

Для художественной японской традиции свойственно посвящать свой труд душевно-психологическому и эмоционально-эмперическому состоянию человека. С одной стороны, литература играла роль воспитателя, а с другой — хранителя комплекса человеческих качеств, ценностей, общественных норм и нравов. В литературе того времени ценился традиционализм, через который она могла передавать новым поколениям цепь незыблемых постулатов и поведенческих линий. Литература превратилась в некоего *хранителя нравственно-эстетических и эмоциональных принципов* общества [3]. Это стало одной из особенностей художественной, в том числе и дневниковой, литературы эпохи Хэйан.

Особый стиль и язык произведения, эмоциональная насыщенность, передача реальности через индивидуальное участие, использование утонченных стихотворений для настроения и оценки характера исторического события; для усиления лиризма и интимности, конструирование фабулы произведения вокруг главного героя — все эти особенности «*никки*» выделяют ее из общего фона.

Большое влияние на дневниковую литературу оказала поэзия и постоянная практика стихотворного способа межличностного общения аристократии. Содержащиеся в дневниках стихотворные вставки действительно становятся органическим продолжением характеристики внутреннего состояния повествователя. Из вкраплений они

превращались в художественный способ раскрытия эмоционально-психологического состояния, внутреннего мира автора, его страданий и чувств, усиливая то настроение, которое полнее соответствовало тому или иному моменту.

Как считает Митицуна-но хаха (935–996), автор «Дневника эфемерной жизни» [4, 140]. Помимо того, что автор описывает подробности своей жизни, он ещё и задумывается над смыслом жизни и над тем, как люди проживают свою жизнь. Это такое произведение, где через стихи автор раскрывается перед читателем, и именно большое наличие стихотворного материала способствует раскрытию внутреннего мира главного героя, являясь тем самым, одним из эстетических элементов дневниковой литературы.

Таким образом, дневник — это литературное произведение, в котором проявились эстетические интересы автора.

Одним из принципов мировоззрения, пронизывающим все элементы хэйанского общества, был эстетизм [5]. Культ красоты, служение прекрасному, умение увидеть красивое в самых обычных вещах — все это руководило жизнью аристократии, её действиями и мышлением.

В дневниках преобладает ощущение универсальности красоты, которая в данный период трактовалась как безусловная эстетическая категория. Поэтому Т. П. Григорьева называет эту пронизанность сущего идеалами прекрасного «движением красоты» [6, с. 225]. Она подчеркивает, что «для японцев красота изначальна, абсолютна, но это не мешало ей менять свой лик. В период Нара красивыми считались яркие тона и краски, в период Хэйан — более спокойные, а в период Муромати — и вовсе приглушенные» [7, с. 229]. Т. П. Григорьева выводит смысловую формулу красоты, свойственную японской культуре: «Японцы понимали красоту «недуально»: красота и есть добро. Красота неотъемлема от истины. ... Красота нравственна, иначе она не стала бы законом искусства, его движущей силой» [8, с. 247].

Китайская литература, имевшая в то время влияние на японскую, призывала к утонченности, к изысканным манерам, а буддизм требовал духовной утонченности. Для японцев это означало поиск совершенства всех элементов культуры, поэтому японцы не знали себе равных в искусстве написания стихов, посвященных описанию внутреннего состояния героя произведения [9].

Эмоциональность вышла на первый план в качестве основного признака эстетизма. Вся обстановка двора правителя, все окружающее, весь уклад жизни аристократов создавали хорошую почву для проявления эмоциональности. Однако это не означало свободного выражения эмоций, накала страстей и пламенных эффектов. Японцы взяли эмоциональность в строгие рамки. В обстановке с множеством эстетических элементов не могли присутствовать логика и рационализм. Эстетика эпохи Хэйана требовала, чтобы каждое проявление чувств было рафинированным, дозированным, скрытым от внешнего взора. В японских произведениях отсутствует манера описы-

вать сильные душевные переживания с мощным всплеском эмоций. Бурные эмоции скрыты в настроении героев и их поведении. Иными словами, в обществе аристократов существовала особая мораль, предписывающая эстетическое поведение каждого. И малейшее отступление от этого каралось общественным презрением.

Все, что допускалось, — это проявить воспитанность, способность красиво сложить танка, умело воспользоваться поэтическими образами и выражениями. Так создавалась благоприятная обстановка для многочисленных поэтических турниров при дворе. Такое окружение способствовало появлению плеяды блестящих литераторов. Именно от эпохи Хэйан происходит тот японский эстетизм, который и сегодня жив в японцах высоко оценивающих средневековые литературные произведения, их особый эстетизм и одухотворенность, присущие аристократам.

В этот период этикет понимается как норма, регулирующая и вводящая в заданные рамки межличностное поведение членов социума. В этические нормы, присущие обществу, внедряется китайское философское понятие «жэнь» — человечность в качестве показателя этикета. Обладание «жэнь» подразумевало владение культурным кодом (или грамматикой) общения. Этикет как способ культуры общения был тесно связан с «юэ» (музыкой) и «вака» (песенной поэзией). Отсутствие «жэнь» подразумевало отсутствие у человека этикета, и, следовательно, отсутствие в нем гуманизма [10].

Владение этикетом подразумевало способность жить в условиях межличностных коммуникаций. Объединение на основе этикета должно было привести к созданию коллективной модели сознания, поэтому художественные тексты играли ключевую роль в организации коллективных действий. Японская культура этого времени была по преимуществу культурой соучастия, [11] совместного творения и бытия.

Присущий классической японской поэзии постулат «очарования вещей» стал использоваться для передачи ощущения «быстротечности момента», «печали» в связи его неповторимостью, исключительностью, очарованием природы, всего окружающего мира. Так рождалась утонченная меланхолия поэзии, передающая ощущение быстротечности и утраты красоты.

В. Н. Горегляд назвал это состояние «эфемерностью». [11, с. 177] По его мнению, «эфемерность в дневниковой литературе отражает в себе личностный и общий план. В личностном плане он означает бренность и неизбежный уход из жизни, в общем плане — возвращение к нравам, обычаям, истокам».

Чувствительность как характеристика утонченной восприимчивости человека всего окружающего становится важнейшей чертой японской классической литературы. Эстетика «очарования вещей» также присутствует и в дневниковой литературе при прозаическом описании ощущений, и в эмоциональных стихотворных вкраплениях. Например, в «Дневнике Мурасаки Сикибу» отмечено: «Нет слов, чтобы выразить, как прекрасен дворец

Цутимикадо, когда наступают предвестники осени»; «Это время года само полно прелести, поэтому молодые люди стали кататься на лодках» [13, с. 399–444]. Выражение эстетических вкусов автора отражает внутреннюю красоту самого повествователя и участников действия.

Японцы умели увидеть красоту не только окружающей природы, но и внешнего облика человека; считается, что у женщины длинные черные волосы, которые свободно распущены по плечам, — один из признаков ее красоты. В рассыпанных волосах японцы видят воссоединение душевной красоты с внешней красотой. Внешнюю красоту создать несложно, но в соединении с внутренней красотой, включающей образованность, владение правилами этикета, нормами эстетики, заданными рамками поведения, человек может стать объектом поклонения. Не зря в хэйанский период, как правило, поэт или поэтесса признавались красивейшими людьми. Естественно, такую красоту, созданную рафинированностью внешнего и внутреннего облика, могли позволить себе только аристократы.

В отношениях между мужчиной и женщиной также культивировалось стремление к прекрасному, к гармонии взаимоотношений. Высказывание суждений, отражающих утонченность, изысканный вкус, и умение ненавязчиво показать свой внутренний мир, способность умение принять и оценить внутренний мир другого человека и многое другое определяли взаимоотношения между мужчиной и женщиной в состоянии влюбленности.

Мужчина должен быть галантным и искушенным в искусстве любви, тонко чувствующим изысканность общения, умеющим создавать стихи по случаю. Женщина также должна уметь образно выразить свои тонкие чувства, ощущения, красиво изложить их. Одежды мужчины и женщины несли огромную смысловую нагрузку, выражая их придворный статус, утонченный вкус.

В дневниках часто использовался психологический прием параллелизма, когда возникали сопоставления между чувственным состоянием героя и природой, между состоянием души и изменчивостью природы. Горечь рас-

ставания и утраты органически выражал рисунок увядающей осени, смена времен года символизировала быстротечность всей жизни и каждого дня, бурная река означала стремительно уносящийся жизненный поток и т. д. Таким образом, в дневниковой литературе умело использовалась бытующая поэтическая традиция символики природы, трав, цветов, конкретного пейзажа, грома, молнии, ветра, листьев. [14]

Используемая в дневниковой литературе концепция эстетизма оказывалась тесно связанной с состоянием чувственного мира человека, что придавало таким произведениям особую одухотворенность и искренность.

К эстетическим особенностям дневниковой литературы также относится ответственность героя и персонажей за собственные поступки, которые являются особой кармой, ответом за былые ошибки в прежней жизни. Страдания неизбежно приходят после ошибок, воздаяние за них означает естественный ход событий. Все это усиливает эстетику «очарования вещей», печали, мимолетности жизни, непрочности окружающего мира, приводит к ощущению быстротечности чувств и любовных наслаждений. В дневниках усиливается культ прекрасного, культ красоты, которой угрожает неизбежная гибель и исчезновение. Тогда появляется понимание особой ценности и неповторимости человеческой личности, его духовной жизни.

Эстетика дневниковой литературы обуславливала утонченность не только поведения, но и художественного мышления, пропагандируя высокие нравственные идеалы.

Эстетизм как отличительный признак культуры придворной аристократии продолжал существовать, и спустя много лет, даже после перехода власти к военному сословию (самураям). Традиции эстетизма продолжали культивироваться аристократами в качестве знака их кастовости и внутреннего превосходства над пришедшими к власти сословием самураев, никак не могли проявлять себя в качестве благовоспитанных людей, ценящих красоту и изящество, поскольку они были людьми военного дела, со своими целями и правилами поведения, чувством долга. [15, с. 444].

Литература:

1. Имаи Такудзи 平安日記文学の研究 (Исследования хэйанской дневниковой литературы). — Токио, 1999; Исихара Сёхэй. 日記文学辞典 (Энциклопедия дневниковой литературы). — Токио: Бэнсэй, 2000.
2. Эпоха Хэйан (794–1192гг.) — период в истории Японии, назван по местонахождению императорской столицы Хэйан (современный Киото) // Коллектив авторов. Япония: Справочник. — М., 1991.
3. 前近代女性居司会家・社会・女性: 古代から中世へ / (Общество, дом и женщина: в древности и средние века) — Токио, 1997; Фукуто Санаэ. 平安時代朝女の生き方 (Женщина эпохи Хэйан). — Токио, 2004; Кумэ Кунитакэ. 日本文化史の研究 (Исследования по истории японской культуры). — Токио, 1991; Нисимура Тору.
4. В. Н. Горегляд. Японские средневековые дневники. — Санкт-Петербург, 2001, с. 140.
5. Тэрада Тоору. 平安時代の日記文学 (Дневники эпохи Хэйан). — Токио: Бэнессекохорэшн, 1995.
6. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция. — М.: Наука, 1979. — с. 225.
7. Григорьева, Т. П. Указ. раб. — М.: Наука, 1979. — с. 229.
8. Григорьева, Т. П. Указ. раб. — М.: Наука, 1979. — с. 247.
9. Donald Keene. Anthology of Japanese Literature. From the earliest era to the mid-nineteenth century. — London: Grove press, 1956; Shuichi Kato. A history of Japanese literature. The first thousand years. — N. Y.: Kodansha America, 2002.

10. Штейнер, Е. С. Феномен человека в японской традиции // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. — М., 1990.
11. Оиэ Эусукэ. 中世の日記の世界 (Мир средневековых дневников). — Токио, 2003; 日記と文学 (Дневники и литература). 国文学研究資料館. — Токио, 1984.
12. Горегляд, В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. — М.: Наука, 1975. — с. 177.
13. Японские средневековые дневники. — СПб., 2001. — с. 399, 444.
14. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция. — М.: Наука, 1979; Евдокимова А. А. Человек и мир в японской классической прозе: Пособие по спецкурсу. — Уфа, 1998.
15. Самураи (от глагола — «самурау» — «служить») — военно-феодалное дворянство. Как сословие начало выделяться с X в. и оформилось с установлением первого военно-феодалного правления дома Минамото // Япония: справочник. — М., 1991. — с. 444.

Гоголевские традиции в изображении демонических образов и мотивов в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Малкова Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы ГБОУ г. Москвы «Школа с углубленным изучением английского языка № 1359 имени авиаконструктора М. Л. Миля»

Современное литературоведение проявляет большой интерес к проблеме диалога культур. В этом отношении творчество М. А. Булгакова репрезентативно, поскольку тесная связь с русской классической литературой XIX века является одной из особенностей его поэтики.

Для булгаковедов давно решённым стал ответ на вопрос, почему писатель в своём творчестве обращался к Гоголю. Сам Булгаков в письмах неоднократно называет его своим учителем. По словам биографа П. С. Попова, «девяти лет Булгаков зачитывался Гоголем» [13, с. 535]. А в середине двадцатых годов автор «Мастера и Маргариты» скажет: «Из писателей предпочитаю Гоголя, с моей точки зрения, никто не может с ним сравняться» [14, с. 360]. Булгакова волновали как различные стороны гоголевского наследия, так и личность великого предшественника. Его объединяла с Гоголем та поразительная наблюдательность, которая слишком часто переступала грани реалистической прозы. И тогда живой быт со всем чёрточками подмеченного превращался в фантазмагорию. Недаром В. А. Каверин подметил, что у Булгакова в любую минуту может возникнуть гоголевский «Нос» [7, с. 88]. Но самосознание Михаила Афанасьевича самосознание не ученика, а наследника, продолжателя традиций, которые своеобразно преломились и в творчестве Булгакова в целом, и в «Мастере и Маргарите» в частности.

Если говорить о последнем романе Булгакова, то, как верно отметила М. Г. Васильева, «традиции Гоголя в романе «Мастер и Маргарита» охватывают все смысловые уровни художественного текста» [3, с. 13]. В рамках данной работы мы рассмотрим, как гоголевское «присутствие» отразилось в демонических образах и мотивах романа Михаила Булгакова.

Демонологическая линия в романе наиболее тесную связь обнаруживает с «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Весь сонм упырей, ведьм, русалок, чёрных котов,

появляющихся на страницах булгаковского романа, не раз встречался нам в гоголевских повестях. Вспомним сцену из романа Булгакова, когда Маргарите в лунную майскую ночь оказывают торжественный приём «прозрачные русалки», «нагие ведьмы» [2, с. 609]. Этот эпизод вызывает у нас несомненные ассоциации с повестью Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Примечательно, что и сам образ Маргариты-ведьмы — это не присущий русскому фольклору облик древней горбатой старухи, а образ красивой молодой женщины, подобный той, какую создал Гоголь в «Майской ночи».

В «Мастере и Маргарите» затёртые метафоры, связанные с упоминанием «нечистой» силы, по-гоголевски реализуются и обыгрываются. Словно отдавая дань Гоголю, «бюрократическая» просьба «черти меня б взяли» [2, с. 557] немедленно удовлетворяется, и от «просителя» остаётся пустой костюм. Но если в повестях Гоголя нам непонятно, кто стоит за подобными проделками (например, в «Майской ночи»: «А что б ты подавился этими галушками! — подумала голодная тёща, как вдруг тот поперхнулся и упал» [4, с. 123]), то Булгаков не скрывает, что именно демонические силы реализуют метафоры.

В гоголевских традициях выполнены мастером Булгаковым сатирические главы романа, рисующие московские похождения свиты Воланда, которые напоминают нам о злокозненности «нечистой» силы в «Вечерах...». Но гоголевский чёрт из повести «Ночь перед Рождеством» совершает злые пакости, руководствуясь, в основном, личными мотивами (мстит кузнецу Вакуле), а проделки Коровьева, Азazelло, Бегемота, вследствие причастности последних к ведомству Воланда, представляют собой россыпь зла наказующего.

Интересен и тот факт, что чёрт в повести «Ночь перед Рождеством» крадёт месяц, который, по словам К. Кедрова, «в сознании верующих олицетворяет собой Христа» [8, с.

13]. И таким образом, чёрт на некоторое время лишает людей божественного света. Эта деталь подчёркивает мысль Мережковского о том, что «в религиозном понимании Гоголя чёрт есть мистическая сущность,... в которой сосредоточились отрицание Бога, вечное зло» [10, с. 213]. Следовательно, демонические силы в повестях Гоголя есть олицетворение абсолютного зла, что во многом определено природой фольклорных народных представлений, а также их романтической трактовкой.

Зло у Булгакова неразрывно связано с Добром, возможно, поэтому Воланд так хорошо чувствует себя в лунном свете. А для того, чтобы вершить правосудие, лунный свет даже необходим, так как именно в этом божественном свете явственнее обнажаются пороки и добродетели людей. Нужно заметить, что «Мастер и Маргарита» в соответствии с рамками и законами романа — мифа не даёт однозначных интерпретаций: луна в произведении выступает как амбивалентный символ. Анализируя роман Булгакова, И. Белобровцева и С. Кульюс пришли к следующему выводу: «...наделённость ночного светила особыми функциями свидетельствует о склонности Булгакова к созданию собственной лунной мифологии» [1, с. 37]. Лунный свет является локусом Иешуа и в то же время многими нитями ведёт к Воланду. В целом же Воланд олицетворяет не столько мрак, сколько тень, недаром Левий называет его «повелителем теней» [2, с. 715]. А тень, хотя и находится ближе к мраку, чем к свету, но всё же предполагает в себе наличие последнего.

Таким образом, мы обнаруживаем на страницах булгаковского романа своеобразную полемику с гоголевской трактовкой зла и демонических сил. Однако это «преодоление» не исключает переключек с «Мастера и Маргариты» с гоголевскими традициями.

Мотив дьявольских денег как испытания людей, лежащий в основе повести «Вечер накануне Ивана Купала», продолжает в своём произведении и Булгаков. «Из-под купола, ныряя между трапециями, начали падать в зал белые бумажки...Зрители стали их ловить. Поднимались сотни рук, зрители сквозь бумажки смотрели на освещённую сцену и видели самые верные и праведные водяные знаки» [2, с. 493]. Так же как и Петро в гоголевской повести, зрители Варьете не устояли перед искушением, и потому наказание неизбежно. Муки Петро объясняются «божьей напастью» [4, с. 105] за совершённые грехи. А наказание жадных до денег зрителей Варьете — дело рук Дьявола. И это естественно: ведомство Справедливости воздаёт каждому по заслугам.

Вопрос о немецкой национальности Воланда во многих исследовательских работах трактуется как очередное указание на «мефистофельские» истоки булгаковского Сатаны. Но тема «немецкости» чёрта развивалась ещё Гоголем. Так, в «Пропавшей грамоте» мы встречаем следующее выражение: «черти на немецких ножках увивались около ведьм» [4, с. 144], а в «Ночи перед Рождеством» автор пишет: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли» [4, с. 154]. Следовательно, в

понимании Гоголя чёрт — немец — это своего рода маргинал, выходец из иного, ирреального мира. Причём эти резиденты Зла не могут перейти через определённую межевую полосу, границу Божественного центра. Святое знамение, «чур» их останавливает, недаром Вакула творит святой крест над чёртом, чтобы подчинить его себе, а казак из повести «Пропавшая грамота» осеняет крестом карты. Немцем называет себя и Воланд в романе Булгакова, который одновременно указывает на связь своего персонажа с творчеством как Гёте, так и Гоголя.

Сюжетная линия Воланда в романе «Мастер и Маргарита» генетически восходит и к гоголевскому «Вию».

В мире Воланда и Иешуа так же, как в ночном мире мифологического Хаоса, частью которого является Вий, нет места временному и конечному. Это духовный мир без границ и рубежей, в котором жизнь и смерть слиты воедино. Здесь красота — абсолютная красота и уродство — абсолютное уродство. Так же как и гоголевская ведьма, которая предстаёт перед Хомой Брутом то как «красавица, когда-либо бывшая на земле» [5, с. 167], то в виде уродливого позеленевшего трупа, Гелла на страницах булгаковского романа то шокирует буфетчика Сокова своим видом и безукоризненной фигурой, то пугает фининспектора Римского «пятнами тления на груди» и «трупной зеленью на руках» [2, с. 527]. В своём уродстве обе ведьмы (и у Гоголя, и у Булгакова) абсолютны, всё безобразное и страшное сочетается в их облике, отсюда синий или позеленевший цвет кожи, трупные пятна. Как и ведьма-панночка, пытающаяся прорваться сквозь магический круг и погубить Хому Брута, Гелла рвётся в кабинет финдиректора. И обеих ведьм останавливает крик петуха, который, по народным поверьям, разгоняет всякую нечисть.

Страшная тайна иного мира в облике ведьмы приходит к Хоме. А булгаковская Маргарита по своей воле становится ведьмой, существом, стоящим на грани двух миров.

Полёт Маргариты, как и полёт Хомы, — это духовное парение, освобождение духа. В такие минуты откровения проявляет себя музыка Хаоса. Бесовская, желанная и страшная музыка овладевает сердцем Хомы во время его фантастического полёта, она «звенит, и вьётся, и подступает, и вонзается в душу какую — то нестерпимую трелью» [5, с. 156]. Музыка вальса, быть может, одного из тех, что будет слушать Маргарита вместе с Мастером в мире неземном, сопровождает и полёт булгаковской героини. «Взмахнув ею (щёткой — Т. М.), она вылетела в окно. И вальс над садом ударил сильнее... Вылетела в переулок. И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс» [2, с. 597].

Ещё один мотив, мотив страха-тоски, которому Гоголь придавал большое значение, проходит через весь роман Булгакова. У обоих авторов это не страх-боязнь (страх в обыденном, обывательском смысле), а страх-тоска (мистический страх) — безотчётное и неопределённое чувство тревоги, беспокойства. Хома страшится, предчувствуя Вия. В романе Булгакова страх-тоску испытывают почти все герои, соприкасающиеся с миром Воланда.

«Воланд ... без улыбки уставился на Мастера. Но тот неизвестно отчего впал в тоску и беспокойство...Маргарита прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и слезах» [2, с. 648]. Лишь после укула тоска покидает Ивана Бездомного. Страх-тоску испытывает даже знаменитый Тузбубен. «Лишь только пёс вбежал в кабинет финдиректора, он зарычал, оскалив чудовищные желтоватые клыки, затем лёг на брюхо, и с каким-то выражением тоски и в то же время ярости в глазах пополз к разбитому окну. Преодолев свой страх, он вдруг вскочил на подоконник и, задрвав острую морду вверх, дико и злобно завыл» [2, с. 552].

В вечерних сумерках усталому прокуратору мерещится, что кто-то сидит в кресле, и почти сразу на него находит тоска. И мы понимаем, что Пилату не померещилось, и Некто, чьё присутствие вызывает страх-тоску, действительно сидел в кресле прокуратора Иудеи.

Иррациональные и безотчётные проявления тоски — это предчувствие Воланда, иного бытия, соседствующего с реальным миром и порой напоминающего о себе. Предчувствия эти перекликаются с роковыми знаками в судьбе Хома, постепенно нарастающими с приближением трагической развязки.

В романе «Мастер и Маргарита» есть персонаж, подобный образу гоголевского Вия. Это Абадонна (еврейск. — «губитель»), демон смерти, обладающий смертоносным взглядом. Но если взгляд Вия скрыт под огромным веками или ресницами (в переводе с украинского языка слово *вія* означает «ресница» [11, с. 235], то Абадонна прячет его за тёмными очками.

«— Абадонна, — негромко позвал Воланд, и тут же из стены появилась фигура какого-то худого человека в тёмных очках. Эти очки почему-то произвели на Маргариту такое сильное впечатление, что, тихонько вскрикнув, она уткнулась лицом в ногу Воланда» [2, с. 621].

Заметим, что философ Хома Брут погибает вовсе не от взгляда Вия, а от собственного взгляда на него, дерзнув принять вызов всемогущего врага. Взглянув в глаза смерти, он не выдерживает испытания. А доносчик и шпион барон Майгель погибает тотчас же, стоит лишь Абадонне снять очки. И неважно, встретились ли герои глазами. Взгляд ангела бездны смертоносен в любом случае.

Если сравнивать самого Воланда с Виём, то булгаковский Сатана в отличие от героя гоголевской повести обретает в романе зримые черты. Но когда в конце повествования Воланд предстаёт в своём истинном обличьи, становится трудно ответить на вопрос — каков же он настоящий. Воланд сохраняет свою тайну, как и Вий, который остался для нас комплексом предчувствий.

Анализируя роман Булгакова, М. Г. Васильева пришла к выводу, что «на нравственном уровне романа гоголевские традиции связаны с темой продажи души дьяволу, со-

единяющей «Мёртвые души», «Портрет» и «Мастера и Маргариту» [3, с. 13]. Добавим, что с повестью «Портрет» связывает «Мастера и Маргариту» также мотив безумия людей, прикоснувшихся к миру дьявольских сил. Приступы безумия посещают всех, кто покупал портрет демонического ростовщика. В романе Булгакова от умопомешательства страдают не только отдельные люди, но и целые организации, соприкоснувшиеся с inferнальным миром в образе Коровьева, Азazelло, Бегемота. Сумасшествие, как отмечают Г. Лесскис и К. Атарова, является одной из сквозных тем романа. «Почти все персонажи романа в тот или иной момент чувствуют себя на грани безумия, или их принимают за сумасшедших» [9, с. 386].

Мольер в «Тартюфе» писал: «Коль бог решил нас наказать, он нас лишает разума» [12, с. 19]. Именно небесной карой объясняет художник, нарисовавший дьявольского ростовщика, несчастья, случившиеся с ним. А безумие конферансье Бенгальского, поэта Бездомного, управдома Босого, служащих Зрелищной комиссии — это дело рук Дьявола, вершащего Справедливость.

Нельзя не заметить определённого портретного сходства Воланда и демонического ростовщика. У гоголевского персонажа «непомерно высокая фигура», «горячий бронзовый цвет лица», «страшные глаза» [6, с. 101]. Воланд также «высокого (почти громадного) росту» [2, с. 387], а «кожу на лице как будто навеки сжёг загар» [2, с. 615]. Сходство такой портретной характеристики, как цвет лица, может быть объяснено обращением авторов к одному и тому же народному поверью о том, что при падении в ад дьявол обжёт себе лицо и навеки остался темнолицым. (Ср.: народная пословица «темнолик яко диавол»).

Таким образом, влияние традиций Н. В. Гоголя на демонологическую линию романа «Мастер и Маргарита» очень сильно, что обуславливается интересом Булгакова к личности и творчеству Гоголя. Мы обнаружили и переклички образов (Вий — Абадонна, ростовщик — Воланд, чёрные коты, ведьмы, русалки), и переклички мотивов (мотив дьявольских денег, мотив полёта как духовного освобождения, мотив безумия людей, соприкоснувшихся с ирреальным миром, мотив страха-тоски и т. д.) Особенно сильно влияние Гоголя в сатирических главах «Мастера и Маргариты», изображающих похождения свиты Воланда. Продолжая традиции великого предшественника, которого, по словам П. С. Попова, Булгаков «неизменно ставил себе за образец» [13, с. 541], автор «Мастера и Маргариты» преодолевает романтические взгляды Гоголя на Дьявола как на вечное и абсолютное Зло, отрицающее Бога. Булгаков создаёт образ Князя Тьмы, чьё предназначение в мире — вершить Справедливость. Его «дух зла и повелитель теней» [2, с. 715] неразрывно и органически связан с Иешуа, творящим Милосердие.

Литература:

1. Белобровцева, И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. — М.: Книжный клуб 36,6, 2007. — 492 с.

2. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Романы. — М.: Современник, 1987. — с. 383–748.
3. Васильева, М. Г. Гоголь в творческом сознании М. А. Булгакова: Автореферат дис. канд. филол. наук / Томский государственный университет. — Томск, 2005—23 с.
4. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в 8 т. — М.: Правда, 1984. — Т. 1. 395 с.
5. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в 8 т. — М.: Правда, 1984. — Т. 2. 372 с.
6. Гоголь, Н. В. Портрет // Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения. — М.: Художественная литература, 1984. — с. 87–125.
7. Ермолинский, С. Воспоминания о Булгакове // Театр. — 1966. — № 9. — с. 81–92.
8. Кедров, К. Поэтический космос. — М.: Советский писатель, 1989. — 478 с.
9. Лескис, Г., Атарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». — М.: Радуга, 2007. — 517 с.
10. Мережковский, Д. С. Гоголь и чёрт // Мережковский Д. С. В тихом омуте. — М.: Советский писатель, 1991. — с. 196–254.
11. Мифы народов мира в 2 т. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — Т. 1. — с. 235.
12. Мольер Ж.-Б. Тартюф, или Обманщик // Мольер Ж.-Б. Пьесы. — М.: Моск. рабочий, 1979. — с. 5–95.
13. Попов, П. С. Биография Булгакова // Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. — М.: Современник, 1989. — с. 537–572.
14. Чудакова, М. О. Гоголь и Булгаков // Гоголь: история и современность. — М.: Современник, 1985. с. 345–363.

Китобойный промысел и формальная логика: крах рационализма в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»

Мирошников Алексей Геннадьевич, студент
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва)

Целью данной статьи является анализ текста романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» с точки зрения отношений категорий Рационального-Иррационального, проблематики иррациональной сущности Мира, Бытия и отсутствия путей рационализации представлений о нем.

Ключевые слова: Герман Мелвилл, американский романтизм; XIX век, иррационализм

Особенности композиции и тематического наполнения романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» часто оказываются в центре внимания как исследователей, так и читателей. Особенно часто в рамках обсуждений данного романа упоминаются главы, которые мы условно определим как «энциклопедические» и «производственные». Под «энциклопедическими» мы будем понимать главы, в которых Мелвилл, ссылаясь на данные современной ему науки, приводит различные классификации видов китов, историко-культурологические исследования образов китов в искусстве и т. д. (например, глава XXXII. «Цетология» [2, с. 176). «Производственными» будем называть главы, в которых происходит пошаговое описание всех этапов, которые составляют китобойный промысел (в качестве примера приведем главу ХСII. «Серая амбра» [2, с. 443]). Следует прежде всего задаться вопросом: Зачем в художественном произведении приводятся столь подробные научные сведения, а также сведения о тонкостях китобойного промысла? Нам кажется, что эти тематические пласты в сочетании с непосредственным сюжетным планом произведения необходимы Мелвиллу для выражения главной философской

идеи романа — идеи краха рационального мышления Человека перед абсолютно иррациональной по своей сути Природой (шире — Миром, Бытием как таковым).

Практически все сюжетное (и внесюжетное, включая упомянутые выше главы) содержание романа можно рассмотреть как иллюстрации к понятиям о рациональных формах познания и основным категориям формальной логики как выявления и формулировки правил вывода одних знаний из других и правил определения понятий [3, с. 618]. Вспомним самое начало романа, представляющее собой так называемые «Извлечения» [2, с. 35] — выдержки из множества текстов, содержащие в себе описание или хотя бы упоминание китов. Этот сборник цитат из самых разнообразных источников, включая Библию и путевые заметки путешественников XVIII–XIX веков, представляет собой, по сути, попытку формулирования понятия (термин «понятие» мы определяем как воплощенный в словах продукт социально-исторического процесса познания, выделяющий и фиксирующий общие существенные свойства... предметов и явлений [3, с. 571]). Использование разнообразных источников служит для формулирования наиболее полного и емкого понятия, однако ни в одном из из-

влечений не дается конкретной дефиниции понятия «Кит». Более того, многие цитаты имеют скорее мистический, нежели научный характер: «Там плавают корабли; там Левиафан, которого Ты сотворил играть в нем» [2, с. 36]. Присутствие ссылок на подобные «темные» источники с самого начала настраивает на определенный лад: с точки зрения сюжета читатель начинает сомневаться в благополучном исходе предприятия, организованного капитаном «Пекода», а с точки зрения, при которой роман рассматривается как иллюстрация к процессу познания некоего объекта, возникают сомнения по поводу самой возможности этого познания — как будет видно из дальнейших рассуждений, небеспочвенные.

Поиск точного значения понятия «Кит» становится в каком-то роде необходим и героям романа, ведущим охоту на Моби Дика: охота на Белого Кита в рамках нашей работы может быть рассмотрена как процесс познания, сам Белый Кит — как объект этого познания; причем сразу же следует оговорить то, что объект познания в романе имеет явно иррациональную природу: Моби Дик существует скорее как персонаж рассказов моряков, он неуловим, практически бессмертен, появляется в нескольких местах одновременно — и при этом, несмотря на всю свою мифичность, наносит очевидный ущерб охотникам-китобоям.

Стоит отметить, что ввиду явного символического характера романа многие художественные образы, включенные в текст произведения, обладают огромным потенциалом с точки зрения различных возможных интерпретаций. И одним из самых сложных и многозначных символов, символов, «истинно темных в своей глубине» [1, с. 36], в романе Мелвилла является сам Белый Кит. Символическая природа романа «Моби Дик», равно как и сам образ Моби Дика — предмет для отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи мы выбираем наиболее широкую (и потому наиболее подходящую в рамках избранной темы) из всех возможных трактовок: по нашему мнению, образ Белого Кита необходим Мелвиллу для выражения иррациональной природы самого широкого из возможных объекта познания — то есть Бытия, Мироздания. Текст романа, таким образом, получает гносеологический характер, а упомянутые нами «энциклопедические» и «производственные» главы оказываются необходимыми для создания убедительной модели гносеологической ситуации. Теперь необходимо проследить, какие этапы предшествовали появлению изображаемой в тексте ситуации, а также описать ее характер.

Итак, после определения объекта познания, попыток формулирования понятий перед Познающим (в роли Познающего выступают условные главные герои романа — команда «Пекода») встает задача установления связей между понятиями и формулирования вывода, иначе говоря — построения суждений и умозаключений. Для выполнения этой задачи Познающему необходимо получить опыт — и здесь на помощь рационализму приходит эмпиризм — если в «научных» главах мы наблюдаем аккумуля

цию теоретических обобщений и работу теоретического аппарата, то в главах «промысловых» изображаются попытки получения непосредственного опыта (в том числе и с помощью чувственного познания — не случайно столько внимания уделяется запаху амбры). Одного только рационализма для получения знания (на внешнем, сюжетном уровне текста получение знания соответствует поимке кита), однако эмпиризм не заменяет рационализм в качестве основной системы познания, но сосуществует с ним.

Как изображается работа рационалистического метода в тексте романа? Начиная с общей (впрочем, подробнейшей для своего времени, хоть и устаревшей на сегодня) классификации семейства китовых (Глава XXXII. «Цетология» [2, с. 176]), Мелвилл переходит через перечень произведений изобразительного искусства, в сюжетах которых фигурируют киты (Главы с LV по LVII [2, с. 303–312]) к сравнительному описанию частей тел различных видов китов (Главы LXXIV и LXXV [2, с. 366–370]). Здесь мы видим иллюстрацию одновременно и сравнительно-исторического метода изучения познаваемого объекта, и гораздо более общего положения теории познания — дедуктивного метода. Собственно, все движение романа можно представить как переход от общих положений к частному — от исследования океана (а в основном — убийства китов по пути к основной цели путешествия) к встрече с Белым Китом (о роли этой встречи мы еще скажем более подробно).

Еще одной составляющей познавательного процесса, как было указано выше, является эмпирический метод получения опыта на практике. Мелвилл иллюстрирует его с помощью еще одного тематического блока глав (например, Глава CXXV. «Лаг и линь» [2, с. 546], уже упомянутая нами глава XCII «Серая амбра»). Эти главы с формальной точки зрения представляют собой детальное поэтапное описание процесса поимки кита, его разделки и обработки добытого природного сырья. В нашей интерпретации, в которой Белый Кит символизирует Мир в самом широком смысле, эти описания можно определить как попытки Познающего познать Мир с помощью опыта, получаемого в том числе и на основе своего рода моделирования (китов, убитых командой судна по пути и не являющихся конечной целью путешествия, можно охарактеризовать как своеобразные «модели» Моби Дика).

И если «Извлечения», приведенные в начале текста романа, можно соотнести с установкой понятий, то «теоретические» и «промысловые» главы скорее напоминают высказывание суждений, формулирование теорий (практикой же может являться только столкновение с Белым Китом, и эта практика необходима для получения конечного Знания).

В итоге такая гносеологическая ситуация должна бы привести к получению непосредственного Знания, то есть некоему выводу, умозаключению. Однако непосредственное столкновение с Миром, с Действительностью заканчивается абсолютным крахом всей рационалистической системы Познания — три финальные главы пред-

ставляют собой сюжетно насыщенное (по сравнению с предыдущими главами) повествование о полном уничтожении китобойного судна. Выстроив с помощью художественных образов оппозицию рациональных способов познания с одной стороны и иррациональной сущности Бытия с другой, Мелвилл указывает на полную беспомощность указанных методов в ситуации непосредственного столкновения с объектом познания.

С данной точки зрения не столь важно, какая из возможных трактовок образа Белого Кита окажется наиболее близкой к замыслу романиста. Моби Дика можно воспринимать как образ Бога, Природы, концентрированного Зла, некоей силы Возмездия (подобная мистическая трактовка возможна, если отталкиваться от библейской этимологии имени капитана судна) — любая из этих интерпретаций оказывается верной, так как любая из перечисленных материй является иррациональной по своей природе, в то время как методы познания (борьбы, и т. д.), которыми пользуются персонажи, совершенно рационалистичны. Получается, что ближе всего к разгадке тайны Моби Дика подошел герой-рассказчик Измаил, который в главе XLII «О белизне кита» [3, с. 230] подходит к описанию объекта познания героев романа скорее с поэтической и мистической точки зрения, мысля не столько понятиями, сколько образами.

Литература:

1. Иванов, В. И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. [Текст] — М.: Искусство, 1995. — 670 с.
2. Мелвилл, Герман [Melville Herman]. Моби Дик, или Белый Кит. Пер. с англ. И. Бернштейн, И. Гуровой, М. Лорие, С. Сухарева. [Текст] — М.: АСТ, Neoclassic, 2016. — 740 с.
3. Философия: учебник. // Под общ. ред. В. В. Миронова [Текст] — М.: Норма: ИНФРА-М. 2015. — 928 с.

Топос уральской поэзии

Перескокова Ксения Игоревна, учащаяся
МАОУ «Гимназия № 76 г. Челябинска»

Шорохова Инга Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Уральский государственный университет физической культуры (г. Челябинск)

Маринина Марина Владимировна, учитель латинского языка
МАОУ «Гимназия № 76 г. Челябинска»

В работе рассматривается представление категорий пространства в стихотворениях поэтов Урала второй половины XX в. и начала XXI в. Систематизируются виды художественного пространства. Проводится анализ стихов с целью определить особенности видения пространства в гендерном аспекте.

Ключевые слова: гендер, категория пространства, виды пространства, уральская поэзия

Категория пространства в поэзии отражает представление поэта об окружающем мире, поэтому важно исследовать данную категорию. Также стоит отметить, что поэтическая характеристика пространства, на наш взгляд, довольно заметно различается в зависимости от гендерной

Роман Мелвилла был создан в период расцвета американского романтизма. Романтизм же, как течение, еще на этапе развития своих прото-форм (и в первую очередь во время развития готической литературы в английском предромантизме) являлся своеобразной реакцией на рационализм и эмпиризм эпохи Просвещения. В данном смысле Мелвилл является продолжателем разработанной еще европейскими авторами традиции, но именно в центральном произведении Мелвилла полемика с Просвещением выражается столь ярко и прямолинейно. Рациональное мышление, по Мелвиллу, оказывается способным лишь к опосредованному познанию рационально преобразованной, но остающейся при этом совершенно иррациональной природы Бытия. Проблема в том, что это рациональное преобразование искажает представления Познающего о Познаваемом, не предоставляя, таким образом, возможности к получению сколько-нибудь объективного знания. Категория иррационального, которая характеризует собой в том числе и такие категории, как Природа, Мир, Бытие, Бог, совершенно недоступна для механизмов рационального познания, в чем и заключается крах рационализма, изображаемый Мелвиллом в романе «Моби Дик, или Белый Кит» с помощью художественных образов.

принадлежности автора. В этом заключается актуальность нашей работы.

Предмет работы — категория пространства в стихотворениях поэтов Урала конца XX в. и начала XXI в. Цель — определить гендерное различие в представлении

категории пространства в стихотворениях поэтов Урала конца XX в. и начала XXI в.

В работе используется герменевтический метод для интерпретации поэтического текста и прием сравнения для сопоставления произведений разных авторов.

Единственное четко сформулированное определение художественного пространства мы нашли в работе Н.А. Николиной «Филологический анализ текста»: пространственная организация событий текста и система его пространственных образов [2]. Однако для удобства нами было создано практико-ориентированное определение этого понятия: место существования и формы движения материи в художественной реальности.

Далее мы систематизировали виды художественного пространства, опираясь на исследование Ю.М. Лотмана «В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь» [1] и выделили 20 позиций по принципу противоположности: открытое / закрытое; линейное (направленное) / нелинейное (ненаправленное); плоскостное / объемное и т. д.

В своей работе мы анализировали стихотворения нескольких русских поэтов второй половины XX — начала XXI веков: вторая половина XX века — Константин Скворцов и Людмила Татьяничева; рубеж веков — Виталий Кальпиди и Нина Ягодинцева; начало XXI века — Константин Рубинский и Евгения Коробкова.

Для примера представим анализ стихотворений поэта-женщины.

В стихотворении Людмилы Татьяничевой «Вывёртывая душу наизнанку» наиболее часто используются такие виды пространства:

— взаимопроницаемость (4): *вывёртывая душу наизнанку, но вот цыганка возникла снова, хлестала вербой, она меня казнила по ночам;*

— разделенное (3): *я изгоняла, хлестала вербой, я изгоняла;*

— «то» пространство (3): *дышал июль прохладой лесной, знакомую полянку, вывёртывая душу наизнанку;*

Людмила Татьяничева очень интересно описывает два пространства: «то» пространство как отражение нашей реальности и «это» пространство, которое поделено надвое, на цыганку и на нее саму. Во внутреннем мире поэта происходит борьба этих двух пространств. Автор пытается избавиться от цыганки, «вывертывая душу наизнанку», отправляя ее в «то» пространство, по всей видимости, желая мыслить здраво и спокойно, а она в ответ появляется вновь и заставляет автора двигаться, поддаваться эмоциям. Так происходило до тех пор, пока цыганка все же не исчезла окончательно. Именно тогда поэтесса осознает, что те два пространства внутри нее никогда не были разделены. Происходит объединение внутренних пространств. Поэтом, когда второе пространство исчезает, то частично исчезает и первое. Это приводит к тому, что автор закрывается и внутренне переживает, что не осознала единства этих пространств ранее.

Таким образом были проведены анализы трех стихотворений каждого выбранного автора и по их результатам сделан обобщенный вывод об особенностях видения пространства уральских поэтов.

Проанализировав произведения Константина Скворцова, мы пришли к выводу, что он разделяет пространство на женское и мужское. Пространство женщины обычно заполнено и ограничено, при этом данное ограничение распространяется и на пространство мужчины. Последнее в основном открыто, а мужчина находится в движении, которое зачастую направленно к дому, ассоциируемому с женщиной.

Пространство в стихотворениях Виталия Кальпиди очень разнообразно. Его описание позволило ввести «новые» типы пространства, которые не были отмечены в найденной нами научной литературе: появление, отрицание пространства и т. д. Поэт часто использует волшебое пространство и, как следствие, для его стихов характерно взаимопроницаемость пространств, что, вероятно, связано с направлением, в котором работает автор, — символизм.

В стихах Константина Рубинского мы можем видеть, что автор находится в постоянной динамике. Будь это переход из одного пространства в другое или просто линейное движение. Поэт практически не останавливается, а если это и происходит, как в стихотворении «Хоть наступил он и внезапно», то на непродолжительный период времени.

Людмила Татьяничева в своих произведениях постоянно манипулирует пространствами. Так, с помощью внешнего мира, «чужого» и «того» пространств автор описывает внутренний мир, «свое» и «это» пространств. Стоит отметить, что пространство у этого поэта в большей степени связано с внутренними переживаниями, поэтому внешние факторы воспринимаются как нечто незначительное.

Нина Ягодинцева в своих стихотворениях не ассоциирует себя с лирическим героем: повествование ведется от лица мужчины или от собирательного лица. Все три произведения объединяют ограниченное и немаркированное пространство, а также умерщвление движения. Создается впечатление, что лирический герой статичен, а мир вокруг него движется, и в нем совершаются какие-либо действия.

Стихотворения Евгении Коробковой характеризуются пространственной цикличностью. Автор в произведениях не связывает себя с лирическим героем, повествуя от лица мужчины или третьего лица. Одной из особенностей мировосприятия поэта является ограниченность женского пространства, влияющая на видение пространства мужчиной. Также часто наблюдается взаимопроницаемость топоса.

В ходе исследования мы определили виды пространства, наиболее часто используемые всеми поэтами — мужчинами и женщинами соответственно: взаимопроницаемое — 16/19; ограниченное — 12/10; открытое — 14/2; точечное — 7/12; линейное (направленное) — 11/7; «то» пространство — 10/5; линейное (ненаправленное) — 7/8; замкнутое — 7/7; умерщ-

вление движения — 4/9; заполненное — 9/2; «это» пространство — 6/4; волшебное (воображаемое) — 9/0; разделённое — 5/4; закрытое — 5/4; внутренний мир — 3/6; дом — 6/1; немаркированное — 1/6.

Важную роль играет значительная разница в использовании видов пространства поэтами мужчинами и женщинами соответственно: открытое — 14/2, волшебное (воображаемое) — 9/0, заполненное — 9/2, дом — 6/1, «то» пространство — 10/5, линейное (направленное) — 11/7; точечное — 7/12, немаркированное — 1/6, умерщвление движения — 4/9.

Полученные данные привели нас к выводу о том, что мужчины неограниченны пространством, и при этом пространство для них весомо, значимо, наполнено. Также мужчины придают важное значение пространству дома, хотя в большей части находятся за его пределами — в волшебном или «том» пространстве.

В свою очередь женщины либо мало передвигаются, либо совсем не двигаются (умерщвление движения). Возможно, по этой причине поэты-женщины не обозначают пространство, не выделяют его особенностей. Также

нужно отметить то, что авторы-женщины описывают окружающее их мир точно, то есть выделяют отдельные детали, не акцентируя внимания на полной картине пространства.

Анализируя стихотворения уральских поэтов, мы выявили несколько видов пространства, не встреченных нами в научной литературе. К ним относятся отрицание, появление, исчезновение пространства и цикличное пространство. Нами было замечено, что цикличное пространство встречается только в произведениях поэтов-женщин.

Таким образом, виды пространств, используемые поэтами, существенно отличаются именно по гендерному признаку. Пространство поэтов-мужчин более открыто, чем у женщин, поэтому они передвигаются свободно. В свою очередь женщины представляют пространство как нечто ограниченное, замкнутое, точечное. Однако и мужчины, и женщины едины в представлении существования взаимопроницаемых пространств. Наличие взаимопроницаемого пространства может свидетельствовать о том, что это характерная черта художественного сознания.

Литература:

1. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. — М.: Просвещение, 1988. — 352 с.
2. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 256 с.

Эстетика сюрреализма в репрезентации антиномий бытия: «Чёрная обезьяна» З. Прилепина

Рылова Кристина Юрьевна, аспирант
Иркутский государственный университет

Статья рассматривает проявление сюрреалистической эстетики в романе З. Прилепина «Чёрная обезьяна». Центральное место отводится проблеме духовной стагнации героя, утратившего семейное единство и оказавшегося в ситуации экзистенциального тупика. Концептуальное значение в исследовании указанной проблематики отводится корреляции сюжетных линий в тексте.

Ключевые слова: З. Прилепин, «Чёрная обезьяна», внутренний кризис, утрата семейного единства, эсхатологические мотивы

«Роман З. Прилепина «Чёрная обезьяна», впервые опубликованный в 2011 году, был встречен критикой весьма неоднозначно. В частности, спорную оценку вызвала композиция произведения, в которой сочетаются две сюжетные линии: история главного героя, оказавшегося в экзистенциальном тупике, и повествование о детях-убийцах, представленное вставными новеллами. В. Курицын, А. Латынина, Р. Сенчин [3; 4; 7], склонны рассматривать подобный приём в качестве очевидной композиционной и идейной неувязки, демонстриру-

ющей отсутствие единства романной структуры: «общая история склеивается неохотно», а «смысл в спешке расплывается» [3]. Другие, напротив, указывают на художественную целостность романа, архитектура которого очевидным образом соотносится с проблематикой текста в целом (Л. Данилкин, Л. Калиниченко, А. Рудалёв, А. Татаринцев) [1; 2; 6; 8], поскольку «здесь всё друг с другом увязано, зарифмовано и закольцовано» [1].

А. Рудалёв, в частности, отметил, что уже в первой главе автор «рассыпал символы и сигналы, которые будут

проявляться и раскрываться на всём протяжении текстового пространства» [6]. А. Латынина считает такие символические детали и образы «тонкими ниточками», которые не способны связать «разрозненные части повествования» [4, с. 164]. Таким образом, дискуссионность вопроса очевидна, и его решение требует более детального рассмотрения прилепинского текста. Не претендуя на целостный анализ романа, обратимся к исследованию особенностей его структуры.

Абсолютное начало «Чёрной обезьяны» становится своеобразным смысловым центром, актуализирующим два взаимосвязанных ключевых мотива: *«Когда я потерялся — вот что интересно... Бредёшь, за собой тянешь нитку, истончаешься сам, кажется, вот-вот станешь меньше иглочного ушка, меньше нитки, просочившейся туда и разъятой на тысячу тонких нитей — тоньше самой тонкой из них <...>»* [5, с. 5].

Во-первых, художественной реализации требует заявленный мотив потерянности: герой утрачивает жизненные ориентиры и находится в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Это обуславливает поэтику броуновского движения в композиционном строении «Чёрной обезьяны».

Во-вторых, в приведенной цитате отражён мотив поиска связующей нити — неких первопричин, объясняющих ситуацию бытийного тупика и ариадниной нити для выхода из лабиринта. Но «таких событий всё больше, они уже не вмещаются в одну жизнь, жизнь набухает, рвёт швы, отовсюду лезет её вновь нарощее мясо» [5, с. 59], поэтому интенции хаоса в романе Прилепина получают больше прав.

Безымянный прилепинский герой на протяжении всего текстового пространства мучительно пытается сложить происходящие события в «чёткий рисунок» [5, с. 280], в единую картину: *«Вся эта двухнедельная круговерть — она должна разбираться на составляющие, как формула! Должна иметь одну внятную мелодию, которую просто надо уловить и разложить по нотам»* [5, с. 275]. Условно говоря, цель самоанализа в романе — создать партитуру хаоса. А. Рудалёв обращает внимание на двойственность прилепинского героя, одна часть которого «едва идёт по жизни, плутает», а другая «пытается, по мере сил, осмыслить, увидеть цельную картину этого движения» [6]. Концептуальное значение в этой связи обретает параллелизм ситуаций, возникающий между детскими воспоминаниями и вставными новеллами: ретроспекция в этом контексте становится попыткой преодоления героем негативного опыта.

Ориентация на музыкально-смысловую соотнесённость сюжетных линий в повествовании подчёркивается рефреном *«хоть бы кто-нибудь пришёл и убил нас всех»*, артикулированным в романе трижды. Сначала эту фразу «чужим, невыносимым» [5, с. 121] голосом повторяет мать из новеллы о напавших на древний город «недоростках», затем её произносит героиня эпизода об африканских детях-убийцах и, наконец, эти слова в финале

произведения шепчет жена главного героя, оказавшаяся в психиатрической больнице.

Воспроизводится фраза в контексте общей для всех трёх случаев ситуации утраты семейного единства, когда отец, погружаясь в грязь окружающей действительности, становится предателем по отношению к своей семье. Так, сын героя первой вставной новеллы узнаёт о том, что отныне его отец «работает при нечистой канаве» и «свои монеты тратит на рабынь» [5, с. 121]. Во второй новелле отец отвергает своего незаконного сына и «привозит из города» [5, с. 179] дурную болезнь, которой заражает жену. Непреодолимое отчуждение главного героя от супруги толкает его к «нескладёхе» Альке, в результате чего он теряет собственных детей. Символический эпизод, в котором герой ломает построенный детьми домик, «где живут мама и папа» [5, с. 52]. И несмотря на то, что в дальнейшем он стремится не потерять ни одной детали конструктора, ничего собрать из «разноцветных руин» [5, с. 217] так и не удаётся. Это иллюстрации или умозрительные примеры, которые проигрываются, чтобы их избежать?

Как отмечает А. Татаринцов, «в «Чёрной обезьяне» основой является не событие, а непрояснённое, мутное состояние и ощущение, что необходим некий стержень, который позволит прервать падение персонажа» [8]. Собственно, с этого «падения» и начинается роман. В детстве, увидев мистическую старуху в чёрном, герой «ссыпался с дерева, оставив клочья белой кожи на хлётких, корябистых ветках» [5, с. 6]. В юности, чтобы избежать службы в армии, «нырнул головой об асфальт» [5, с. 97]. Само пространство, в котором разворачиваются основные события, предстаёт как преисподняя, в которую погружается герой: *«Август, август, откуда ж ты такой пропечённый и тяжкий выпал, из какой преисподней»* [5, с. 66]: «на куполах церкви можно жарить мясо или глазунью» [5, с. 89], а деревня напоминает «пережаренный пирог» и «пахнет кислой жжёной капустой» [5, с. 75].

Критик А. Рудалёв приходит к выводу о том, что для прилепинского героя «вопрос преодоления уже не ставится», «происходит только фиксация падения в скважину» [6]. Итогом рефлексии героя становится убеждение в природной подлости человека: *«Я вспомнил одни, потом другие, затем третьи свои дурные поступки — подлые, отвратительные, гадкие, — и в одну секунду стало ясно, что в том, где нас не застали, включив белый свет и указав пальцем, мы не раскаиваемся никогда. Спим со своей подлостью в обнимку: хоть как-то живая душа рядом, хоть кто-то тихо греет душу»* [5, с. 156].

Череда этих поступков соотносится в сознании героя с детским воспоминанием о хаотичном движении отвратительных опарышей на теле мёртвой свиньи: *«Влезли в кусты, Гарик вытолкнул меня вперёд, я увидел мёртвую свинью, кажется, она была без головы, я не успел рассмотреть — сразу отвернулся. На свинье, на её теле, на боку почти ровным кругом, густой наилёпкой копошились несколько сотен опарышей»*.

Они шевелились непрестанно, и это шевеленье...» [5, с. 238].

В осмыслении реальности ведущей в прилепинском тексте становится категория ужасного, актуализирующая эсхатологические мотивы, связанные с идеей возмездия, Страшного суда. «Кошмарным образом отложенных последствий» [1] происходящего становятся в романе дети. По Прилепину, в сознании «ангельской природы» [5, с. 15] ребёнка представление о категориях добра и зла изначально отсутствует. Показателен ретроспективный эпизод, описывающий игру в войну с пластмассовым зайцем: «Заяц играл с другими игрушками — видимо, солдаты ещё были, большие, прямые, бестолковые. Почему-то мне было всё равно, что огромные зайцы воюют с солдатами, — никаких моих представлений о мире это не нарушало» [5, с. 39]. Упоминание о том периоде связано с воспоминанием о живших на крыше дома голубях, традиционно олицетворяющих мир и гармонию.

Грязь окружающей действительности ребёнок постигает через мир взрослых. Символическое наполнение получает сцена, в которой герой наблюдает за тем, как мальчик лизет грязный поручень в электричке: «Повернувшись спиной к родителям, встав коленками на лавку, он лизал железный поручень, и делал это довольно долго. Всю мерзость, которую перенесли на своих потных руках прошедшие сквозь наш вагон, мальчик уже пожрал» [5, с. 64].

В дальнейшем мы сталкиваемся с не менее знаковым эпизодом, где «молодая некрасивая девка» просит отца «пожечь» в печи слепых и писклявых котят: «Девка опустила подол, котята высыпались на вкривь и вкось разбросанные возле печки дрова <...> Мужик открыл заслонку и стал по одному забрасывать котят в огонь» [5, с. 77]. Дети у Прилепина — те же слепые котята, неспособные защититься от жестокой реальности. Неслучайно, наблюдая за ребятами из-за забора детского сада, герой про себя сравнивает их с «двуногим кутёнком» [5, с. 240]. Во вставной новелле о древнем городе есть упоминание о том, что отцы жестоких «недоростков» «мягкие, как гнилые яблоки» [5, с. 136], очевидно именно поэтому сами дети становятся «страшнее любых отцов» [5, с. 136]. Ребёнок не способен сознательно сопротивляться негативному опыту, в результате чего накопленное «взрослое» рано или поздно вытесняет его «ангельскую природу». Это противоборство обуславливает поэтику антиномий в романе: детского и взрослого, чёрного и белого, добра и зла.

Предпочитавший в детстве другим игрушкам белого зайца, сыну и дочери герой преподносит чёрную обезьяну, длиннорукую и безобразную, случайно купленную в магазине по дороге к любовнице. Немаловажно, что отец дарит её после окончательной размолвки с женой, уход которой обнаруживает по всей квартире «плотные сгустки пустоты» [5, с. 154].

В «чёрную обезьяну» превращается один из детей во вставной новелле о захвативших город «недоростках»:

«Мальчик зажмурился, но всё равно успел заметить, как лицо одного человека стало чёрным... а когда смола стекла, на пористой, как сыр, голове остались смотрящие в пустоту два глупых, выпученных, словно бы обезьяньих глаза» [5, с. 130].

Во второй новелле армия обезумевших детей-убийц командир Господу Видней напрямую сравнивает с «шустрыми обезьянами»: «Шустрые вы обезьяны, — сказал он совсем незлобно. — Возьмите еды с собой и отправляйтесь на улицу. Если сюда приедет полицейская машина — расстреляйте её» [5, с. 189]. Происходящее расценивается ими в парадигме игры, и даже человеческие жертвы становятся забавой. Так, тело убитого охранника представляется в какой-то момент той самой чёрной обезьяной: «Перепрыгнув через мёртвого врача, мы с Президентом первыми ворвались в коридор. Там был охранник, он сразу кинул оружие перед собой, но никто на это не обратил внимания. Пока мы стреляли в него, он сначала обратился в обезьяну, потом в жабу, потом умер и начал таять» [5, с. 188].

В этой связи стоит обратить внимание на мотив потери человеческого, актуализированный в одном из эпизодов романа, в котором солдат рассуждает о судьбе белой рабыни: «Эта женщина тоже ходила в пурпуре, она имела прислугу, а теперь она ходит в общую лохань на виду у всех. Скоро она перестанет стесняться себя и будет вести себя хуже, чем обезьяна» [5, с. 118].

Неслучайно в сознании героя всплывает детское воспоминание о человекоподобной собаке, умеющей улыбаться и произносить отдельные звуки: «Шершень был дворнягой, умел улыбаться и произносить слово «мама» <...> «Мама» он произносил, когда зевал, — как-то по-особенному раскрывалась тогда его огромная чёрная пасть, и издаваемый звук неумышленно и пугающе был схож с человеческим словом» [5, с. 60]. Зеркальное отображение этот образ получит и во вставной новелле: «У мальчика возле дома жила большая собака. Она разевала огромную чёрную пасть, и вдруг раздавалось: «Мама» [5, с. 124].

Именно тогда герой совершает своё первое сознательное предательство. «В страсти по новому псу» он избавляется от надоевшего Шершня, оставляя его одного на незнакомой станции [5, с. 63]. Этот поступок позже идентифицируется им самим как подлость, свойственная исключительно миру взрослых: «Я затаился. В ту минуту во мне поселился взрослый человек, тать, подлец, вун» [5, с. 62].

Но с бессознательной жестокостью мальчик сталкивается гораздо раньше, «бредя за старшими без всякой мысли в голове» [5, с. 41]. Герой становится свидетелем жестокого убийства старшими товарищами беззащитных голубей, оказавшихся в ловушке: «Серый с серьёзным лицом работал прутом, и если попадал в летящую птицу — голубь замертво падал, неестественно вывернув крылья и топорица коготки. Я из-

редка взмахивал руками, изображая, что занят тем же самым» [5, с. 43]. После совершённого мальчик долго смотрит на свои дрожащие руки, подавляя острое желание их укусить.

Показательно, что этот эпизод также проецируется на вставную новеллу об африканских детях: «Президент умел ловить птиц, и потом мы вытягивали из них перья, считая на пальцах, сколько перьев нужно потерять птице, чтобы она догадалась умереть» [5, с. 180]. Позже также безжалостно дети расправляются с людьми: «В палатах недоростки срывали с больных маски... или вынимали из тел трубки, вставленные некоторым куда-нибудь в живот, а потом опять вставляли... или выдирали иглы, воткнутые в вены затем, чтобы залить по прозрачным проводам в тела больных нужную им воду. Мы смотрели, что будут делать больные без своих трубок и масок, а потом стреляли в них» [5, с. 188].

Сюжетно обыгрывается автором образное выражение «дети — цветы жизни». Так, головы «недоростков» во время штурма древнего города украшают венки из свежих цветов, а африканские подростки выбирают для себя цветные рубашки. Мучимый страшными кошмарами с детьми-убийцами как главными действующими лицами, герой разбивает стоящий на подоконнике горшок с цветком. Связь с собственными детьми отныне безвоз-

вратно утрачена. Отец больше не способен защитить их от губительного влияния жестокой реальности, соответственно, становится потенциальным виновником преждевременного взросления: его ребёнок перестаёт быть ребёнком.

В конце романа герой предпринимает попытку восстановления этого единства, желая усыновить больного сына убитой проститутки Оксаны. Но мальчик отказывается от подаренных деталей конструктора, из которых так и не удаётся восстановить домик, «где живут мама и папа» [5, с. 52], а его бабушка констатирует духовную гибель героя, окончательно превратившегося в чёрную обезьяну: «Ты сюда шёл — руки висят, кожи не видно, весь чёрный и будто в шерсти: зверь лесной» [5, с. 278].

Заканчивается роман сюрреалистическим описанием «внутреннего ада», в котором в сознании лишённого рассудка героя, наконец, складывается общая картина первопричин бытийного тупика: «Пахло кислым молоком, больницей, дохлой собачатиной, старым голубиным помётом, человеком <...> Где-то неподалёку бесслёзно ныл ребёнок, еле-еле, словно от голода, словно от ужаса, тоскливо и непрестанно» [5, с. 284]. Для того чтобы потерять в себе человека и превратиться в чёрную обезьяну, достаточно пойти на компромисс с собственной совестью, а последствия — страшны и необратимы.

Литература:

1. Данилкин, Л. Чёрная обезьяна. Лучший роман З. П. [Электронный ресурс]. — URL: <http://prilepin.ru/livejournal.com/40713.html> (дата обращения: 25. 02. 2017).
2. Калинин, Л. А. Мифопоэтика произведений З. Прилепина (на примере романов «Чёрная обезьяна» и «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7 (49). — с. 83–86.
3. Курицын, В. В бочке дегтя. О романе З. Прилепина «Чёрная обезьяна» [Электронный ресурс]. — URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/smi-o-romane-chjornaja-obezjana/odnako2.html> (дата обращения: 25. 02. 2017).
4. Латынина, А. «Даже уж не знали, за что похвалить...» К рассуждениям по поводу романа Захара Прилепина «Чёрная обезьяна» // Новый мир. — 2011. — № 10. — с. 158–165.
5. Прилепин, З. Чёрная обезьяна. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.
6. Рудалёв, А. Апокалипсис уже наступил... [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/9/ru13.html> (дата обращения: 25. 02. 2017).
7. Сенчин, Р. Два в одном [Электронный ресурс]. — URL: <http://old.litrossia.ru/2011/22/06221.html> (дата обращения: 25. 02. 2017).
8. Татаринов, А. Прилепин и Шаров [Электронный ресурс]. — URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/smi-o-romane-chjornaja-obezjana/parus.html> (дата обращения: 25. 02. 2017).

Живопись как способ выражения художественной условности в драматургии Т. Уильямса

Федоренко Ольга Ярославовна, аспирант
Московский городской педагогический университет

Статья посвящена исследованию живописи как одному из наиболее ярких способов выражения художественной условности в драматургии известного американского писателя XX столетия Т. Уильямса. Автор показывает, как использование различной цветовой гаммы в художественном дискурсе драматурга способствует передаче отношений между героями и реализации основного конфликта произведения. В статье также представлен анализ приема использования света и тени, рекомендуемого Т. Уильямсом, столь значимого для всего его творчества.

Ключевые слова: Т. Уильямс, американская драма, пластический театр, цветовая символика, аллюзия.

Литература, как известно, является одним из основных направлений творческой деятельности. В XX—XXI вв. в ней отчетливо прослеживается тенденция к объединению различных видов искусства. Склонность к подобному синтезированию обнаруживает драма, которая «обретает свою подлинную глубину и силу эстетического воздействия», прежде всего в театре [1, с. 90]. Драматическое произведение при постановке на сцене не просто исполняется, оно переводится режиссером и актерами на язык театра. В связи с этим писатели-драматурги, учитывая специфику театрального воплощения своего творения, разрабатывают оригинальную систему художественно-изобразительных средств, необходимых для создания спектакля.

Оригинальное сочетание таких средств можно обнаружить и в творчестве выдающегося американского писателя и драматурга Т. Уильямса. Одним из современных аспектов научного постижения произведений известного автора является проблема взаимодействия видов искусства в его «новом пластическом театре», теоретическая концепция которого изложена в авторском предисловии к пьесе «Стеклянный зверинец» («Glass Menagerie», 1944). Феномен этой уникальной эстетической системы связан с использованием на сцене специфики разных областей творчества — живописи, музыки, скульптуры, танца, пантомимы, кинематографа. Здесь Т. Уильямс пишет о введении инновационных сценических средств, значимых для постановки пьесы. Автор уделяет внимание нетрадиционным элементам, которые вводятся в представление: «Expressionism and all other unconventional techniques in drama have only one valid aim, and that is a closer approach to truth... truth, life, or reality is an organic thing which the poetic imagination can represent or suggest, in essence, only through transformation, through changing into other forms than those which were merely present in appearance» [3, с. 171—172]. При этом все они для драматурга являются важными только в одном аспекте, а именно показать правду или жизненность изображаемого путем трансформации внешнего облика вещей, что позволяет «уловить существенные черты реальности», а не копировать действительность фотографически [2, с. 158].

На страницах пьес Т. Уильямса в выражении художественной условности не последнюю роль играет живопись. В творчестве мастера она призвана стать символическим воплощением духовной красоты личности. Автору близки работы живописцев самых разных эпох и направлений. Частые аллюзии к творчеству художников в тексте пьесы дают возможность читателю мгновенно уловить общее настроение, царящее в той или иной сцене.

Интересным, с этой точки зрения, является эпизод из пьесы «Ночь Игуаны» («The Night of the Iguana», 1961), где главный герой Лоренс Шеннон (Lawrence Shannon) сравнивает появление семьи немцев Фаренкопф (Fahrenkopf) в отеле, с «живым гротеском в манере Иеронима Босха» («a little animated cartoon by Hieronymus Bosch») [4, с. 333]. Знаменитый нидерландский художник эпохи Возрождения известен безудержностью и неутомимостью своей фантазии в изображении ужасов и нелепиц. Мы можем наблюдать это в его знаменитых работах «Семь смертных грехов» (1475—1480), «Искушение Святого Антония» (1505—1506) и «Сад земных наслаждений» (1500—1510). Действительность на его полотнах нередко предстает в виде непрекращающегося кошмара. При этом равновесие между живым и неживым часто теряется. Таким образом, Т. Уильямс сравнивает нарочито приподнятое настроение нацистов, занятых прослушиванием немецкого диктора, передающего по радио репортаж о битве за Англию, с ликованием монстров, истязающих грешников во время Страшного суда на картинах живописца. Драматург также отождествляет это семейство с «розово-золотистыми купидонами разных габаритов», чьи «роскошные тела так и просятся на полотна Рубенса» («pink and gold like baroque cupids in various sizes — Rubenseque, splendidly physical») [Там же, с. 333—334].

Помимо художников эпохи Возрождения автор вдохновляется работами мастеров и более позднего периода, в частности, импрессионистов и постимпрессионистов. Например, в его театральную эстетику органично вплетается творчество Винсента Ван Гога. Творчество известного ни-

дерландского художника-новатора привлекает американского драматурга образно-цветовым содержанием знаменитых полотен, характером цветовых сочетаний, ярких, насыщенных, контрастных, а также экспрессией, такой близкой самому Т. Уильямсу. Прямое обращение к Ван Гогу можно отметить в третьей картине пьесы «Трамвай «Желание»» («Streetcar Named Desire», 1947). Авторская ремарка «Покерная ночь» («The Poker Night») соотносится с работой Ван Гога «Бильярдная ночь». В ней сообщается, что сценический колорит схож с палитрой, избранной живописцем: «... the yellow linoleum, solid blues, a purple, a red-and-white check, a light green» [3, с. 48]. Цветовое решение при создании декораций спектакля ориентировано на подбор контрастных красок на полотнах Ван Гога: белый — черный, красный — синий, желтый — зеленый. Обилие всех этих резких пятен передает отнюдь не радостное настроение, а напротив, создает атмосферу тревоги, беспокойства, опасности и служит своеобразным предостережением для главной героини произведения Бланш Дюбуа (Blanche DuBois).

Отметим также, что в произведениях Т. Уильямса сами художники занимают особое положение. В его драматургии они выступают в роли своеобразных «привидцев». Так, в пьесе «Орфей сходит в ад» («Orpheus Descending», 1957) такой «провидицей» является Ви Тэлбот (Vee Talbot), создающая картины не по заказу, а по «воле видений». Так, во второй картине второго действия Ви показывает свою картину главному герою пьесы Вэлу Зевьеру (Val Xavier). На полотне изображен Храм Вознесения с красным шпилем. На вопрос Вэла, почему художница изобразила шпиль красным (ведь в реальности он совсем другой), Ви отвечает, что она запечатлела его таким, лишь потому, что так чувствовала: «I paint a thing how I feel it instead of always the way it actually is. Appearances are misleading, nothing is what it looks like to the eyes. You got to have — vision — to see!... I paint from vision. They call me a visionary» [4, с. 57]. Вслед за этим из уст Вэла Зевьера звучит, на наш взгляд, сакральная идея о том, что талант дарован людям Богом: «Without no plan, no training, you started to paint as if God touched your fingers» [Там же, с. 59]. Данная мысль лишь подчеркивает тот факт, что в понимании великого драматурга деятели искусства играют роль прорицателей или даже пророков, через работы которых с людьми говорит сам Всевышний.

Связь с живописью, вне всякого сомнения, можно усмотреть и в широком использовании на сцене приемов света и тени. Свет падает не только на персонажей, участвующих в диалоге, как в традиционном театре, но и на тех героев или предметы, которые являются наиболее значимыми для выражения основной мысли того или

иного эпизода. Некоторые современные исследователи [Котлярова В. В., Трубникова Н. А.] сходятся во мнении, что подобным образом драматург удерживает внимание зрителей на том, что является максимально значимым с точки зрения композиции и развития сюжета. Отметим, что уже во введении Т. Уильямс указывает на условность этого технического средства.

Так, например, в пьесе «Кошка на раскаленной крыше» («Cat on a Hot Tin Roof», 1955) особое значение приобретает цвет иллюминации, который меняется в зависимости от того или иного эпизода пьесы. При этом цвет выполняет функцию символа. Такой прием можно увидеть в разговоре Большого Па (Big Daddy), крупного предпринимателя, со своим сыном Бриком (Brick), главным героем пьесы, где первый рассуждает о накопленном им капитале: «Guess how much I'm worth!... Close on ten million in cash an' blue chip stocks, outside, mind you, of twenty-eight thousand acres of the richest land this side of the valley Nile!» [4, с. 928–929]. Драматург поясняет, что в этот самый момент ночное небо озаряется сверхъестественным зеленоватым светом фейерверка: «A puff and crackle and the night sky blooms with an eerie greenish glow» [Там же, с. 929]. На наш взгляд, зеленый цвет здесь обозначает власть денег, так как оборотная сторона американских купюр печатается чернилами зеленого цвета. Как известно, это привело к тому, что американские деньги стали называть «зелеными» (green, greenery).

Отметим, что это не единственный эпизод пьесы, в котором цвет и освещение несут символическую нагрузку. Так, в первом действии, когда жена Брика Маргарет (Margaret) хочет остаться наедине с мужем, она бросается к балконной двери, чтобы опустить розовые шторы. В самом конце произведения, оставшись с ним один на один, героиня гасит лампу под розовым абажуром. В данном случае розовый цвет, с нашей точки зрения, олицетворяет атмосферу романтики и интимности. Он неразрывно связан с Маргарет и ее страстным желанием возродить близкие отношения с любимым человеком.

Таким образом, можно сказать, что изобразительное искусство занимало особое место в творчестве Т. Уильямса. В его драматургии оно выступает в самых разных формах. С одной стороны, он использует прямые отсылки к шедеврам известных художников, которые помогают как читателю, так и режиссеру представить себе сценическую ситуацию. С другой стороны, связь с живописью можно проследить и в упоминании в тексте различных цветов и цветовых сочетаний, приобретающих в конкретном контексте символическое значение.

Литература:

1. Котлярова, В. В. «Новый пластический театр» Теннесси Уильямса в контексте мировой художественной культуры / В. В. Котлярова // Мировая литература в контексте культуры. — 2006. — № 1. — с. 90–98.

2. Трубникова, Н. А. Концепция «пластического театра» как комплекс способов выражения художественной условности в пьесах Т. Уильямса / Н. А. Трубникова // Гуманитарные исследования. — 2012. — № 1. — с. 157–164.
3. Уильямс, Т. Plays = Пьесы. — СПб.: Антология, 2010. — 288 с.
4. Williams, T. [Plays. Selections] Plays / Tennessee Williams. p. cm. — (The Library of America 119–120), 2000.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

The status of suffixation as a word creating means

Abduvalieva Guljahon, teacher
Andijan state university, Uzbekistan

The language as a means of communication among people has its past, today and future. In this sense the language like any living beings changes, develops, grows and becomes perfect and rich. Language development depends on the life of the society. In other words all the changes taking place in social, cultural, economic and scientific life are registered in the language owing to the necessity of naming anything new. This process is called differently in world language (as we said before)

The major task of this branch is to study specific features (formal, semantic, stylistic, pragmatic, genetic) and laws of newly created lexemes.

They are not created by chance, but according to the basic models existing in the language. This also refers to the derived words (with suffixes) the basic general model for all of them is S+suf=NW1

In modern English one can differentiate the following methods of word creation: creation of new words for something new (sugar-came, underground), word compounding (hedgehog, blackmail, daydreamer, shortening (VIP-very important person, GM-General Motors, UFO=unknown Flying Object), conversion, adjectivization (harm-harmful, beauty-beautiful), substantivization (to play-player, actor), verbalization (wide-widen, deep-deepen) adverbialization (quick-quickly, deep=deeply), reversed word building (top-pot, tip-pit),

1. «S» for the stem, suf. for the suffix, NW for the new word lexical-semantic way (nose: (1) бурун 2) тумшук (самолёт, кема, қайиқ кабиларни олд (бурун) томони

2. hard: а) кучли, 2) қийин, 3) қаттиқ, 4) совуқ, 5) шиддатли, ўткир, кулокни қоматга келтирадиган, 6) хасис, очқўз

3. change of sounds (cat-fat, mice-rice, tall-fall) change of word stress [«mankind-эркак зоти], mankind-инсоният, одамзод, to «garage-гаражга қўймоқ,..га»rage (n) — гараж), imitation (ding-dong, cuckoo, tick-tack). As we see they are thirteen of them.

All of them can be productive, less productive and minimum productive suffixes according to the degree of productivity.

Our analysis of the Oxford Dictionary of Current English (2006, Oxford University Press) by Catherine Sowens showed that new word creation and word compounding are productive (86%), conversion, lexic-semantic way less productive,

change of sounds and word stress change as the degree of minimum productivity (2%)

The term productivity refers to word creating models and their meanings too.

We discovered the following models, that create different parts of speech:

Verb+suffix=NW (noun): teacher, sailor, development

Noun+suffix=NW (noun): childhood, mankind

Noun+verb+suffix=NW (noun): potatomasher, wood-cutter

Adjective+ suffix=NW (adverb); clearly, perfectly, recently

Noun+suffix= NW (adverb): Southward, Northward

Noun+Verb+ suffix= NW (noun): baby-sitting, baby-jumper, baby-sitter, day-dreamer

Adjective+suffix=NW (verb): to widen, to realize, to deepen

According to the number of stem and suffixes we discovered the following basic models:

One stem+ one suffix= NW: Kingdom, traitor, important;

Multistem+one suffix= NW: stagemanager, day-dreamer;

One stem+multisuffix= NW; reactionist, activity, heartless:

Multistem+multisuffix=NW; multinationality, ballpoint-edness

Taking into consideration that suffixes stand after stems (stem+one (or more than) suffix) we discovered the following:

— ary+ly= fragmentarily (adv):

— less+ness= friendlessness (noun), heartlessness (noun):

— ible; -abli+ty: irresponsibility (noun);

— tion +ist: reactionist (noun);

— ize+er+ fertilizer (noun);

— er+ship: membership (noun);

— iza+ tion: colonization (noun);

— iv+ity: activity (noun);

— ive+ness: activeness (noun);

— al+dom: officialdom (noun);

According to the degree of activeness or passiveness in a certain period of language development suffixes may be:

1) synchronic word creating suffixes: protector, spaceship;

2) diachronic word creating suffixes: kingdom, freedom;

To the first group belong- fy (clarify), -er (fighter), -ment, -en, -al, -ly, -we, -ity, -tion. etc.

The second group of suffixes are those which were actively used in Old and Middle English but rarely occurring in Modern English. They are- dom, -aster, -ule, -esque, -us, -ia;

Some of the suffixes are specialized to form only one group of word classes, but others may be used to create more than one word classes. Accordingly they may have one or more than one meanings. According to these criteria we classify them into the following types:

- a) monofunctional and monosemantic;
- b) polyfunctional and polysemantic;

To the first group of suffixes belong: -ship, -ism, -ify, -let etc.

To the second group of suffixes belong: -ant, -ive, -an, -ea, -ly, -y, -er, -al, -ant, -ary, -ate, -ful, -etc.

Statistic analysis of the English-Uzbek dictionary by SH. Butayev (2013, 218–236 p. p) showed the degrees of activeness of derived words (belonging to this or that part of speech);

N	Word class	Suffixational words	%
1.	Nouns	343	56,9
2.	Adjective	157	25,9
3.	Adverbs	39	6,3
4.	Verbs	66	10,9
5.	The sum	605	100%

As we see from the table noun forming suffixes are more productive than adjective forming suffixes.

There is a great difference between noun and verb forming suffixes.

The origin of suffixes can be morphemes or independent words.

From the stylistic point of view suffixes may be classified into two groups:

- a) stylistically neutral;
- b) stylistically marked;

The first group of suffixes can be met in official style.

According to the position of word creating suffixes we divide into two groups. That's why-ship, -hood, -ness, --al, are absolutely postpositive suffixes (readership, heartlessness, abstractionism).

But -er, -less, -ive, -al, ous, are interpositive suffixes.

We came across the following noun creating suffixes which precede other suffixes:

1. V+er+ship= Noun: leadership, sponsorship
2. V+iz (a) +tion=Noun: mechanism, legalization, popularization
3. N+iv+ity=Noun: activity, correlativity
4. N+ive+ness=Noun: competitiveness
5. N+al+dom= Noun: officialdom
6. Stem+ibi+ity= Noun: possibility, responsibility

Adjective forming suffixes-ive, -ful, -less may precede -ly: attentively, beautifully, harmlessly.

Russian linguist P.M. Karashuk, in his book ««Word formation in English, divides derived nouns into nouns with agentive suffixes and noun with abstract suffixes».

The suffix **-er** is productive. It is added to noun and verb stems and denote the doer of the activity (action) expressed in the stem: drinker, carter, writer. This agentive suffix can be found in old English texts as -ere. In Middle Ages it created builder, bookbinder, hatter, hunter, saddler, weaver. In this period-er gained a new meaning a resident of a place: Londoner, Englander, villager.

From time to time hand made machines and apparatus started to do things. So -er was added to their names. This way -er gained the meaning of «a tool»: a roller- валик, knocker- эшикзулфи (дверномолоток).

Nowadays -er can be added to adjectives and numerals too. Such words are made of the model: S+S+er=Noun; S+er=Noun: borderer- чегара худдудиди яшовчи киши, villager- кишлоқда яшовчи киши, islander- оролда яшовчи киши etc.

Noun forming suffixes -er while added to a numeral means a man of that age: fifteeners or sixteeners- ўн беш ёки ўн олти ёшли ўсмирлар, forty-nineer қирқ тўққиз ёшли киши.

There are some examples that -er can be added to a prepositional verb phrase and nouns are formed: to look on-on-looker, to come by- comer by, to dine out-diner out, to find out-finder out. But in English if a stem with -er expressing a noun is a noun, there is a tendency to use the latter: student-studier. This case is possible with homonymous stems created by-er: bettingman-better (one who bets) — рагов ўйновчи is used in place of it because it expresses the comparative degree of adjectives.

Its main reason is the necessity for the choice of correcting meanings, for correct understanding and use.

Noun forming -er can be found in jargons (V+-er=N). To blight (умуман пучга чиқармоқ) — blighter (ёқимсиз, зерикарли киши) to bound (сақрамоқ, чопмоқ) — bounder (тарбиясиз, тўполончи, жанжалкаш киши), to scam (мияга қуймоқ, имтихонга мажбурлаб олиб бормоқ) — scammer (репетитор, имтихонга тайёрловчи).

Our investigations showed that -er is used to create not only simple derived nouns but compound derived nouns too. can-opener (консерва очкич), icebreaker (муз ёрар кема), tooth-picker (тиш тозалагич), better-onder

(келишувчиликка бормайдиган киши), first nighter (премьерлага қатнашувчи киши), three decker (уч палубали кема), two-seater (икки ўринли автомобил), six-bedder (олти ўринли хона).

As we see compound derived nouns are created by putting together two or more words and suffixes.

We think this way of creating lexemes should be considered as an independent means of word creation.

So, suffixation occupies the third position in word creation process after word creation and compounding means.

The following chapters of the work will be devoted to the study origin, morphology, semantics and functional characteristics of word creating suffixes.

References:

1. Akhmanova Lexicology M 1972
2. Amirova Г. А. «Очерки по истории лингвистики». М. 1975
3. Baranstev С. Т. English Lexicology in Practice, Kiev, 1954
4. Вормо Е. Ф. Кошечеева М. А. Лексикология английского языка Москва. 1955
5. Гальперин Лексикология английского языка М 1956
6. Гадоева М. И. Лексическое средство выражения типологической категории неопределенности в английском и узбекском языках
7. Ильиш Б. А. Современный английский язык М 1948
8. Иногамова Ю. А. Принципы выделения и методика исследования стилистических синонимов АКД. М, 1981

Феномен цельнооформленной единицы виртуальной речи «ВКонтакте»

Балашова Капитолина Юрьевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 7 г. Реутова» (Московская обл.)

Ключевые слова: «ВКонтакте», цельнооформленные конструкции, слова-мутанты, неморфемное словообразование, внутрипарадигматический переход

Процесс вытеснения виртуальными текстами печатных и тем более рукописных, затруднительных в прочтении, неизбежно влечёт за собой изменения в сфере языковой коммуникации. Более привычными и удобными становятся не имеющие бумажного эквивалента интернет-газеты («Лента. ру», «Газета. Ру» и т. д.), энциклопедии («Википедия»), новостные ленты социальных сетей, блоги. Сопутствующие данным реалиям сетевые инструменты, как-то: доменные имена, гиперссылки, гипертексты, хештеги и т. п., в свою очередь, оказывают определённое влияние на создание новых нехарактерных для традиционной лингвистики синтаксических и словообразовательных моделей.

Настоящая статья будет посвящена феномену имени популярной социальной сети «ВКонтакте», рассмотрению данного неологизма в качестве цельнооформленной словесной единицы, прообразами слитного написания которой стали некоторые сетевые инструменты. При изложении особенностей имени «ВКонтакте» как цельнооформленной единицы виртуальной речи будут отмечены изменения со стороны разных уровней языка, явившиеся следствием трансформации исходной словоформы *в контакте*, отмечены возможные прототипы данного лингвистического явления, вынесено предположение о возникновении нового непродуктивного способа словообразования. В качестве примеров, подтверждающих частотность подобных трансформаций, будут приведены другие слитные цельнооформленные единицы, состоящие из двух и более слов.

Феномен имени «ВКонтакте»

Термин «социальная сеть» был впервые использован в 1954 году американским писателем Джоном Барнсом для описания взаимосвязей между людьми [1]. В связи с по-

явлением интернета и таких веб-сайтов, как «Facebook», «Твиттер» или «ВКонтакте», «социальная сеть» получает следующее значение — *«интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого заполняется самими участниками сети»* [2].

Основой для названия социальной сети «ВКонтакте», рассматривающейся её создателем Павлом Дуровым в качестве средства *«по укреплению контактов между студентами, выпускниками и бывшими одноклассниками»* [8], послужил джингл *«В полном контакте с информацией»* радиостанции «Эхо Москвы» [2].

На традицию писать слитно название этого сайта повлияли общие правила регистрации адресов веб-сайтов (доменных имен), по которым в двусловных доменах использование пробелов недопустимо и заменяется другими выделительными знаками (точкой, видимым пробелом, дефисом, прописной буквой: *vkontakte. ru, DomTovarov. ru* и т. д.).

Исходная субстантивная синтаксема *в контакте* (предлог + сущ. в п. п.), согласно «Синтаксическому словарю» Золотовой Г. А. характеризующая *«субъект состоянием его отношения с другим лицом»* [3] (быть в тесном контакте с кем-либо), получила графическую трансформацию в виде новообразования «ВКонтакте». В роли интервала между словами выступает здесь не пробел, а прописная буква, что позволяет говорить о новой функции заглавных букв — разделительно-выделительной.

С одной стороны, прописная буква маркирует словесную единицу «Контакт» как основной компонент лексем, несущий смысловую нагрузку. Именно поэтому пользователи «ВКонтакте» в разговорной речи и в неформальной переписке предпочитают беспредложную форму

«Контакт» в качестве названия сайта, а в предложно-падежных формах используют пробел между предложением и существительным: *У меня не открывается контакт. / Контакт глючит. / Целый день зависаю в контакте. / Не могу удалиться из контакта.* Первые две прописные буквы образуют собой своеобразную внутрисловную аббревиатуру «ВК» — одно из названий сайта: *В случае с «ВК» редизайн вряд ли вызовет негодование среди поклонников соцсети <...>* [4]. Встроенная в слово аббревиация в таком случае добавляет «*графической экспрессивности*» [5, с. 32] названию социальной сети.

С другой стороны, заглавная буква призвана разделять два понятия — *контакт* в форме п. п. с предложением и равнозвучающий ему бренд «ВКонтакте». Согласно толковому словарю: *контакт* — *соприкосновение, соединение (спец.)* [6]. А в переносном значении — *деловая связь, согласованность, тесное общение* [6] (вступить в контакт, деловые контакты, быть в контакте с кем-либо). Оставаясь фонетически неизменным, «ВКонтакте» приобретает черты цельнооформленной единицы, становясь самостоятельной лексемой, обозначающей определенную реалию действительности — «*популярную российскую социальную сеть*» [2].

Графические трансформации неизбежно влекут за собой изменения на уровне плане языка. Так, простой производный предлог *в* теряет свои основные функции: перестает выражать синтаксическую зависимость распространителя в словосочетании, теряет свою способность в комбинации с существительным обозначать косвенный падеж.

В контакте и «**ВКонтакте**», являясь фонетическими омофонами, таким образом, не становятся словоформами одной и той же лексемы *контакт*. Другой вопрос, на какое место, в таком случае, данное новообразование может претендовать в словообразовательной цепочке с исходным словом *контакт*? К какому способу словообразования относить данный феномен? Стоит ли при этом учитывать модель написания домена, по примеру которого, возможно, и создана данная конструкция?

Сама модель спайки предлога и существительного не нова и довольно продуктивно используется в неморфемном словообразовании: адвербиализации (втайне) и препозиционализации (вследствие). В случае с лексемой «ВКонтакте», сохраняющей категориальное значение существительного, происходит внутрипарадигматический переход — из предложного падежа в именительный. Эпизодический характер данного способа не препятствует выделению новой потенциально возможной модели словообразования, существующей пока факультативно в рамках неморфемной деривации.

На уровне синтаксиса «ВКонтакте» в сочетании с глаголами образует субъектно-предикативные модели: «*ВКонтакте* *проведет конкурс* (S — активный деятель). В то время как традиционная словоформа *в контакте*, вступая в комитивные отношения с информа-

тивно недостаточными глаголами и их формами, не может выступать в роли субъекта и выполняет функцию пояснительного компонента: *работать в контакте, быть в тесном контакте, находящийся в контакте.*

Помимо выполнения роли субъекта в предложении новообразование «ВКонтакте» может быть атрибутивным распространителем в качестве несогласованного определения: *пользователи «ВКонтакте»* (ср.: книга мамы), *видеозаписи «ВКонтакте»*, *аккаунт «ВКонтакте»*, *дизайн «ВКонтакте»*, *руководство «ВКонтакте»*, *команда «ВКонтакте»* (принадлежность к предмету действительности). *Пользователи «ВКонтакте» остались недовольны окончательным переводом сайта на новый дизайн* [7].

Режут слух словосочетания с объектными и обстоятельственными отношениями: *Флешмоб прошел во «ВКонтакте»*, *отстаёт от «ВКонтакте» любовь к «ВКонтакте»*, *атака на «ВКонтакте»*. «*Лентач* *объявил об уходе из «ВКонтакте»* [7].

Со стороны морфологии возникают затруднения с определением рода лексемы «ВКонтакте». В интернет-газете «Лента.ру» встречаются примеры употребления данного слова в форме женского рода: «*ВКонтакте* *представила новый дизайн* [7]. Стоит отметить, что в Национальном корпусе русского языка «ВКонтакте» характеризуется как неодушевленное существительное мужского рода, единственного числа. Падеж у данной лексемы определяется аналитическим путем.

В качестве бренда «ВКонтакте» ограничивается одной единственной застывшей формой, заключённой в кавычки, что в последнее время характерно и для многих других торговых марок, в особенности англоязычных. *Пользователей сети возбудил ролл «Селедка под шубой» в «Макдоналдс»* [7]. Но аналитизм лексемы «ВКонтакте», в отличие от других брендов, продиктован самой природой её образования. Трудно представить в обиходе употребление таких форм, как «*ВКонтакта*», «*ВКонтакту*», «*ВКонтактом*».

Феномен «ВКонтакте», возникший для обозначения новой реалии действительности, очень непросто встраивается в традиционные рамки построения предложений, и поэтому в качестве строительного материала имеет множество неофициальных, но иногда более удобных в произношении и написании, графических вариантов. Так, в статье одного из сообществ ВК, посвященной проблеме входа на сайт, используется сразу два варианта: *Не войти в контакт? Не грузится вконтакте?* — *эта статья для тебя* (авторская орфография и пунктуация в примере сохранена).

На официальном сайте также частотна вариантность употребления слитного и раздельного написания, в кавычках и без кавычек, с заглавными или строчными буквами, вовсе без предлога в кавычках: «**В контакте**», «**ВКонтакте**», **ВКонтакте**, **в контакте**, **Контакт**, «**контакт**». В архиве блогов основателя веб-сайта Павла Дурова можно найти подобные примеры: *За этот недолгий*

срок в контакте зарегистрировалось более 50000 человек. <...> Нас радует, что **ВКонтакте** стал широко известен в рунете, и даже вызвал ряд подражаний. Возможно, многие пользователи «контакта» узнали о нём именно с главной страницы *Durov.com* <...> Поэтому я предложил для нового проекта универсальное название «**В Контакте**» <...> есть ли нечто подобное **Контакту** в других странах [8].

Таким образом, следуя языковому чутью, носители языка интуитивно разграничивают название торговой марки «ВКонтакте», у которой денотативная соотносительность с реалией действительности, на мой взгляд, слаба, и «Контакт» как объект наименования, приближающийся к имени нарицательному и не вызывающий затруднений при словоизменении.

Образование цельноформленных слов-мутантов по типу «ВКонтакте» не единично и обусловлено, в том числе и появлением в социальных сетях такого инструмента коммуникации, как хештег. Данное «лингвистическое явление» [9, с. 13], впервые появившееся в 2007 году в социальной сети «Твиттер», все чаще становится моделью для названий различных культурных проектов, существующих вне виртуального пространства.

Так, например, в афишу Театра Наций с 2014 года включен спектакль Тимофея Кулябина «#СОНЕТЫ-ШЕКСПИРА». В репертуар Театра на Малой Бронной с 2012 года входит «ПОЧТИГОРОД» Сергея Голомазова. Жанр спектакля «Смешной человек» на сцене московского театра «Мастерская П. Н. Фоменко» определен как «концертданеконцерт». Один из альбомов петербургской группы Психея носит поэтическое название «ПесниТрущобНадеждыРазбитыхСердец», в списке песен альтернативной рок-группы Слот — «Просточеловек».

Феномен слитного написания нескольких самостоятельных слов можно назвать интернациональным лингвистическим явлением. Так, название музыкального проекта шведской певицы Йонны Ли построено на игре слов: личного местоимения (I), глагола-связки to be в форме настоящего неопределенного времени (am) и вопроса (who) — «Iamatiwhoiam».

Некоторые из таких цельноформленных единиц, возникшая в соцсетях, становятся лексемами-клише и получают широкое распространение. Так, в результате обсуждений в социальных сетях событий, связанных с присоединением Крыма в состав России, в 2014 году возник неологизм «крымнаш», ставший в том же году победителем Санкт-Петербургского проекта «Слово года» [10].

Литература:

1. Сертакова, Е. А. Понятие «сеть» Джона Барнса как аналитический подход в познании системы социальных отношений // Молодежь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. — с. 1–2.
2. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/49430>.
3. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — изд. 3-е, стереотипное. — М.: Едитореал УРСС, 2006. — с. 310.

В неформальной переписке также частотны случаи слитного написания слов, несущих в себе оценочную коннотацию (*ржунимогу, низабудимнипростим*):

— Максим Александрович, я завтра не приду на совещание: у меня экзамен.

— УУУУЖЖЖААААСССС!!!! **низабудимнипростим!!!!**

В данном примере, взятом из личной переписки автора статьи, советский лозунг «Не забудем, не простим!», связанный с военными событиями Великой Отечественной войны и послуживший в 1942 году названием для серии графических рисунков Шмаринова Д. А., был трансформирован автором сообщения в цельноформленную конструкцию, выполняющую эмоционально-экспрессивную функцию.

В заключение хотелось бы отметить, что феномен возникновения слитных цельноформленных конструкций по модели написания доменных имен и хештегов, изначально задуманный в качестве рекламного хода (например, «ВКонтакте»), впоследствии приобретает эстетическую функцию, вызванную потребностями авторов подчеркнуть единство и целостность понятия, придать ему поэтический характер, дать оценку событиям.

Некоторые наиболее популярные неологизмы, созданные путем слияния двух или более слов (в том числе и служебных — «ВКонтакте»), стали шаблонами для аналогичных конструкций. Образование слова по типу графического присоединения предлога к существительному в п. п. нельзя в полном смысле назвать словообразовательной моделью, но примеры возникновения неологизмов, подобных «ВКонтакте» можно найти. Так, готовится новый проект, связанный с отправкой на МКС космического бота Спотти, получивший имя «ВКосмосе»; одно из приложений для смартфонов носит название «ВМобилке».

Окказиональное понятие «крымнаш», пройдя путь от словосочетания и «свободного предложения» до «номинативной единицы» [11, с. 32], стало словообразовательной основой для слов «крымнашисты», «крымнашевы», «крымнашевский», «затокрымнаш», «крымнаш» и т. п.

На мой взгляд, данный лингвистический феномен требует дальнейших наблюдений, а лексемы, созданные по типу словосложения и перехода внутри падежной парадигмы с опорой на слитное написание доменов и хештегов, могли бы претендовать впоследствии на особое место в системе словообразования современного русского языка.

4. Интернет-издание «Газета. RU». URL: https://www.gazeta.ru/tech/2016/04/01/8153327/new_vk.shtml.
5. Кувшинская, Ю. М. Аббревиация в речи интернет форумов // Современный русский язык в интернете под ред. Ахапкиной Я. Э., Рахилиной Е. В. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — с. 23–39.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка под общ. ред. проф. Скворцова Л. И. — 24-е изд. — М.: ООО «Издательство Оникс», 2005. — С.:373.
7. Интернет-газета «Лента. ру». URL: <https://lenta.ru>.
8. Блок Павла Дурова «ВКонтакте» // Архив статей. URL: <https://vk.com/blog/archive>.
9. Галямина, Ю. Е. Лингвистический анализ хештегов Твиттера // Современный русский язык в интернете / редактор Ахапкина Я. Э., Рахилина Е. В. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — с. 13–23.
10. Туркова, К. Язык высывает язык. Слова и анτισлова 2014 г.: интервью с М. Эпштейном // Журнал «Сноб». URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/85679>.
11. Вепрева, И. Т. Об актуальной лексеме Крымнаш // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания 13–20 сентября 2015 г.) / ред. кол.: Вербицкая Л. А., Рогова К. А., Попова Т. И. и др. — В 15 т. — Т. 2. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — с. 31–35.

Модель концепта «мода» (на примере романа Э. Золя «Дамское счастье»)

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

В современной лингвистике уделяется особое внимание изучению природы концепта. Концепт является базовым понятием, которое необходимо раскрыть исследователю, работающему в рамках когнитивной семантики.

Сам термин «концепт» появился в научной литературе лишь в середине XX века, хотя его употребление зафиксировано в 1928 году в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово». Под концептом автор понимал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 26].

Существует множество разнообразных трактовок термина «концепт», что приводит к разногласиям среди исследователей.

Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» рассматривают концепты как идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания». При этом отмечается, что содержание концепта включает информацию о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает о том или ином фрагменте мира. Концепты сводят все многообразие наблюдаемых явлений к чему-то единому, под определенные, выработанные обществом категории и классы [4, с. 112].

Р. И. Павилёнис трактует концепт как «часть концептуальной системы — то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира», а концептуальная система им определяется как «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [5, с. 47].

Рассматривая сущность концепта, исследователи особо отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека. Семантическое его содержание при этом интерпретируется в контексте форм мысли носителя языка как этнокультурная репрезентация. Таким образом, познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка. «Концепт является собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы». [6, с. 137].

Таким образом, в современной лингвистике можно выделить три основных направления, или подхода, к пониманию концепта: лингвистическое, когнитивное, культурологическое.

Различные подходы к трактовке термина «концепт» отражают его двустороннюю природу: как значения языкового знака (лингвистическое и культурологическое направления) и как содержательной стороны знака, представленной в ментальности (когнитивное направление).

В ходе исследования нами представлена графосемантическая модель концепта «Мода» на материале романа Э. Золя «Дамское счастье» в переводе Ю. Данилина.

Основным методом исследования являлся метод графосемантического моделирования, автором которого является К. И. Белоусов. Данный метод представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества. Метод графосемантического моделирования позволяет представить набор данных (выборку и/или целостность) в виде системы, в которой каждый из компонентов имеет иерархическую и топологическую определённость по отношению к другим компонентам и всей системе в целом. Эта структурная контекстуальность, в свою очередь, по-

зволяет интерпретировать каждый компонент системы в отношении к возможным причинам его появления и вариантам его дальнейшего развития [2, с. 62].

Первый этап — сбор материала, которым выступили **195** контекстов, непосредственно связанных с концептом «мода» из перевода романа Э. Золя «Дамское счастье» (перевод с французского Ю. Данилина).

Второй этап — компонентный анализ. К.И. Белосов отмечает, что «...существует два варианта компонентного анализа: анализ по единицам и анализ по элементам <...>» [2, с. 66]. В ходе нашего исследования мы осуществляем компонентный анализ по единицам в той связи, что последний элемент членения сохраняет качества целого и может выступать объектом анализа. На данном этапе 195 контекстов разделены на **734** компонента.

Максимальное число компонентов в контексте составляет 19, так в предложении *«Затем появлялось нижнее белье, лавиной обрушивались предметы за предметами: юбки всех размеров, юбки, обтягивающие бедра, юбки с волочащимся шлейфом — волнующееся море юбок, в котором можно было утонуть; панталоны из перкаля, полотна и пике, просторные белые панталоны, которые болтались бы на мужских бедрах, как на чучеле; наконец, ночные сорочки, которые застегиваются до самого ворота, дневные, обнажающие шею и грудь, сорочки, держащиеся на узеньких плечиках, сорочки из простого шертинга, ирландского полотна, батиста — последний прозрачный покров, который скользит по телу, спускаясь вдоль бедер»* [3, с. 390], выделены следующие компоненты: «нижнее белье», «лавиная», «юбки, обтягивающие бедра», «юбки с волочащимся шлейфом», «волнующееся море юбок», «панталоны из перкаля», «полотно», «пике», «просторные белые панталоны», «ночные сорочки», «ворот», «дневные (сорочки)», «(сорочки), обнажающие шею и грудь», «(сорочки) из простого шертинга», «(сорочки) из ирландского полотна», «(сорочки) из батиста», «прозрачный покров», «тело», «бедра». Минимальное — 1, в предложении *«Госпожа Бурделе хотела посмотреть фланель»* [3, с. 112] выделяем лишь компонент «фланель».

По степени принадлежности к подструктуре, компоненты можно разделить: на компоненты, принадлежащие к одной подструктуре и к нескольким подструктурам. Основываясь на результатах исследования, наблюдаем, что многие компоненты относятся к нескольким подструктурам. Например, компонент «черное шелковое платье» относится одновременно к трем подструктурам «цвет», «материал», «одежда».

Третий этап — объединение компонентов в поля, которые состоят из выделенных в процессе анализа компонентов на основе смысловой общности. Например, компоненты «фуляр», «коленкор», «художественной работы гипюр», «шелк», «фай» и «бархат», очевидно, имеют общую понятийную природу. На основе общей части (от-

несенности к понятию «материал») мы объединили их в одно понятийное поле «материал». Так как один компонент одновременно может относиться к нескольким полям, общее число компонентов в полях увеличилось до **1066**.

В ходе объединения компонентов в поля, получено 20 полей: «цвет», «материал», «форма», «одежда», «аксессуары», «обувь», «место производства», «стилистические средства», «стоимость», «обстановка», «чувства», «эмоции», «качество», «расцветка», «элементы отделки», «вожделение», «украшения», «белье», «религия». На следующем этапе исследования определено среднее значение компонентов в поле (37 компонентов), разделив общее количество компонентов на количество полей.

В дальнейшем проанализированы только те поля, которые преодолели порог статистической значимости (не были приняты к рассмотрению поля, количество компонентов в которых оказалось меньше среднего значения в 37 компонентов). Таким образом, выявлено, что значимыми являются следующие поля: «цвет», «материал», «одежда», «аксессуары», «части тела», «стилистические средства», «стоимость», «обстановка», «качество», «элементы отделки».

Обозначаемые именно этими словами понятийные компоненты наиболее значимы при формировании концепта «мода» в романе Золя «Дамское счастье».

Четвертый этап — полевой анализ-интерпретация наиболее значимых полей с высокой степенью удельного веса, который определяется методом пропорции от общего количества компонентов с целью выявления наиболее важных полей.

Значимыми являются поля: «материал» (удельный вес поля — 28,4%), «одежда» (15,3%), «цвет» (12,6%), «аксессуары», «обстановка» (8,4% и 8,3% соответственно), «элементы отделки» (6,7%).

Новых костюмов в течение XIX века не было создано; довольствовались тем, что старые подвергали несущественным изменениям, периодически возвращаясь через некоторое время к тому, что когда-то уже носилось.

В угоду моде изменялся лишь характер отдельных частей туалета; появлялись новые материалы, стали использоваться ранее не смешивавшиеся оттенки. Таким образом выражается значимость полей «материал», «одежда» и «цвет» в репрезентации концепта «мода».

В XIX-м веке мануфактурные технологии благодаря изобретению паровой машины (а также электричества) вышли на новый уровень. Одежда, изготавливаемая с помощью машин, стала более доступной для всех слоев населения. Соответственно, стоимость и качество одежды продолжали быть «сигнальной системой» — в одежде закладывается информация о социальном статусе, возрасте, психологических особенностях человека.

Принятая простая, но довольно однообразная форма одежды зачастую компенсировалась различными аксессуарами и элементами отделки, на страницах романа мы

встречаем и «красную кожаную сумку», и всевозможные «перчатки», и «отделку из серебристой лисицы», и «петушиные перья, кокетливо вставленные в дамскую шляпку». Этим фактом определяется значимость полей «аксессуары» и «элементы отделки» в ходе повествования.

На страницах своего романа Э. Золя увлекательно, ярко и точно описывает историю создания процветающего универмага. Продуманная организация, новейшие торговые технологии и психологический расчет позволяют молодому предпринимателю, Октаву Муре одержать победу над женщинами. Столь детальное описание обстановки магазина послужило его более яркому восприятию моды у читателей.

Пятый этап — подсчет всех комбинаций полей — определение количества связей между выявленными полями и силы этих связей. Для реализации данной цели рассчитано общее количество взаимодействий, которое образует каждое поле с другими полями в рамках понятийного пространства концепта «Мода». При условии, что, если два компонента встречаются при создании понятийного пространства концепта «Мода», то они становятся связанными между собой, таким образом, делаем вывод о соотношенности между полями, в которые входят указанные компоненты.

Например, в предложении «На лиловато-розовом шелковом платье — воланы из алансонских кружев» [З, с. 237] соотносятся следующие поля: «цвет» (компонент лиловато-розовый), «материал» (компонент шелковый), «одежда» (компонент платье), «элемент отделки» (компонент волан), «место производства» (компонент алансонское кружево).

Подобным образом проанализирован весь материал и выявлено максимально возможное количество взаимосвязей между полями.

Одинаковые связи одного поля истолковываются как одна и та же связь, но с частотным употреблением в формировании концепта «Мода». Показателем силы каждой связи каждого поля является суммированное значение одинаковых связей.

Шестой этап — построение графосемантической модели — предполагает ряд подэтапов:

- 1) расположение компонентов на графической плоскости;
- 2) определение из всего набора обнаруженных связей значимых;
- 3) графическое фиксирование установленных между компонентами связей.

Методом статистических подсчетов выявлено, что простой линией отмечаются связи между полями — с 7 до 11 включительно, жирной — с 12 и более. По итогам предварительных процедур построена графосемантическая модель концепта «Мода» (см. рисунок 1).

Седьмой этап — интерпретация модели. Ядро модели составляют поля: «материал» (8), «одежда» (7), «аксессуары» (5), «элементы отделки» (5), «цвет» (4), «сто-

имость» (4). Поле «материал» образует большое количество смысловых связей, оно связано с полем «место производства», так как зачастую название ткани определялось географическим месторасположением. Безусловна связь поля «материал» и поля «цвет». Опираясь на проведенное исследование, делаем вывод, что модными для шелка являлись оттенки серого (серо-стальной, серо-голубой, серо-синий), голубого — для эско, черный цвет — для бархата, белый — для кружев. Подобным образом объясняется связь поля «материал» с полем «расцветка» (сочетание цветов). В моду XIX века входят геометрические расцветки тканей, на страницах романа встречается и «муар с волнообразными градациями тона», и «поплин в мелкий горошек», и «коленкор в полоску».

Так же существенна связь между полями «материал» и «стоимость». Зачастую, востребованность материала на рынке определялась его стоимостью. Так, «пятифранковый шелк», расхотелся за считанные часы, в то время как «шелк по восемь семьдесят пять (франков)» подолгу залеживался на прилавках. На страницах романа Золя избегает детального описания качества материала, предлагая читателю опираться лишь на его стоимость («коленкор по семь су», «полушерстяная материя по девять су», «полупелюшковый орлеан по тридцать восемь сантимов», «кружево по десять сантимов»).

Необходимо обратить внимание на связь поля «материал» с полем «стилистические средства». Описывая материал, Золя использует сравнения так, шелка для него это «море блеклой воды», а вигонь — «неподвижное озеро».

Самая сильная смысловая связь прослеживается между полем «материал» и «одежда», так как в XIX материал существовал отдельно от одежды, в то время как невозможно представить одежду без материала. На страницах романа встречаем и «шелковое пальто» и «суконное платье», и «атласный корсет». Не по форме одежды, а именно по материалу, из которого она изготавливалась определялось благосостояние и социальный статус. Например, продавщицы более изысканного отдела готового платья носили «черные шелковые платья», в то время, как продавщицы из более простого бельевого отдела облачались в «черные шерстяные платья».

Компонентами-посредниками (связывающими 2 автономные подструктуры) являются поля «обстановка» и «форма». Обращает на себя внимание трехсторонняя связь полей «Материал», «Цвет» и «Одежда». Для Золя это краеугольный камень в создании понятия «мода». Тупиковым (образующим только одну связь) полем является «место производства».

Таким образом, проанализированный материал и построенная графосемантическая модель концепта «мода» позволяет сделать следующие выводы: во-первых, мода для Золя понимается как взаимодействие понятий «материал», «цвет» и «одежда». Это — краеугольные камни, на которых в понимании Э. Золя зиждется само понятие

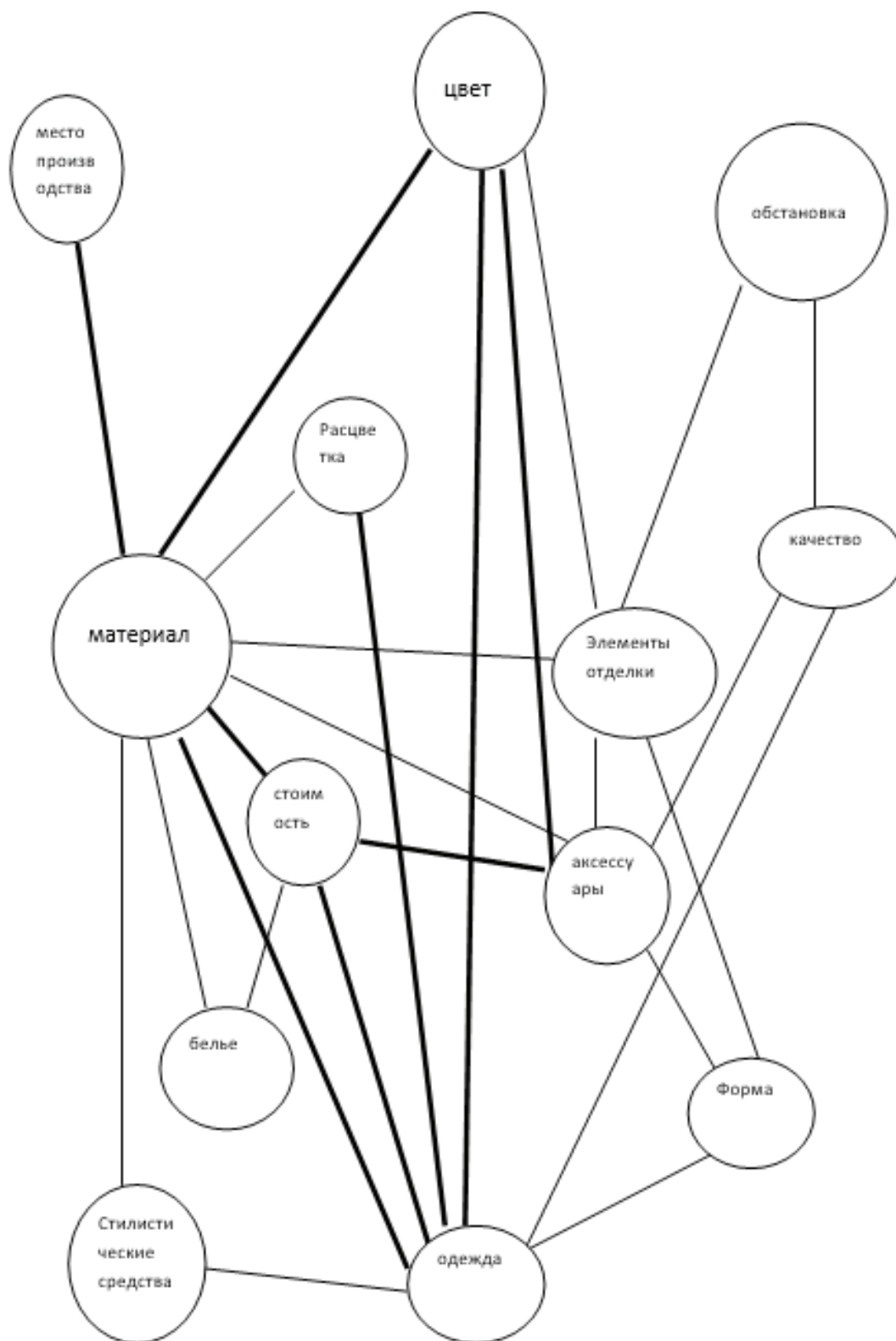

Рис. 1. Графосемантическая модель концепта «Мода» в романе Э. Золя «Дамское счастье»

«мода». Во-вторых, мода характеризуется соотношением «цена-качество», безусловно, низкая стоимость предметов женского туалета повышает спрос, но совсем не делает те или иные товары модными. Мода — всего лишь кратковременная форма стандартизированного поведения. В-третьих, в понимании моды важными являются

стилистические средства, Золя зачастую использует сравнения и олицетворения для более яркого восприятия читателем концепта «Мода».

В ходе дальнейшего исследования перспективным, на наш взгляд, является развитие тупиковых связей и более детальная интерпретация компонентов-посредников.

Литература:

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Ан-тология. М., 1997. — 24–28 с.
2. Белоусов, К. И. Моделирование понятийного потенциала термина заглавие [Текст] / К. И. Белоусов, Н. Л. Зе-лянская // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — Пенза, 2008. — № 4. — с. 62–72.
3. Золя, Э. Дамское счастье [Текст] — СПб.: Азбука, 2011. — 478 с.
4. Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — Филог. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
5. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка [Текст] — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
6. Степанов, Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка [Текст] — М.: Языки русской культуры, 1998. — 638 с.

Teaching foreign languages at the beginning stages through a role-playing games

Juraev Ziyodbek Nurmatovich;
Abdulazizova Sevara Ganiyevna
Andizhan state university, Uzbekistan

This article is about one of the methods of teaching technology of a role-playing game at the beginning stages. Role-playing games often draw attention of the teacher since they recover a lesson, raise interest of pupils to a studied subject.

The pedagogical technology is the model of joint pedagogical activity gives interest in all details on designing, the organization and carrying out of educational process with unconditional maintenance of comfortable conditions for pupils and teachers (1).

Pedagogical technology — system set and an order of functioning of all personal, tool and methodological means used for achievement of the pedagogical purposes (2).

Well organized game creates conditions for real use of language at lesson. Putting the problem before pupil to solve, he resorts to a foreign language as to dialogue means.

It is often possible to hear reasoning of teachers that, despite their diligence, pupils cannot speak in a foreign language though well carry out exercises. Without pressing in the detailed analysis of the reasons, disturbing the pupil to «start talking», it would be desirable to specify in one of them. In the formulation of the purposes of a lesson of a foreign language the accent is put on formation of abilities speaking skills, auditions, readings and letters, i. e. on separating kinds of speech activity. Probably, therefore the teacher only incidentally resorts to such receptions of training when it is necessary for pupil to use the generated abilities in a complex how it occurs in a natural situation of dialogue. If the teacher wants to teach pupils to communicate in a foreign language, i. e. wants, that they «have started talking», it will not finish studying of a theme by retelling of the text or dialogue drawing up, and will consider these exercises as creating a basis for dialogue. Traditional division of exercises on language is conditional-speech and speech will turn in

«training in dialogue» and «to practice in dialogue», i. e. dialogue in a foreign language will take the certain place, both in plans of separate lessons, and in educational process on a foreign language as a whole.

So, in dialogue at a foreign language lesson it is possible to consider absence of practice as one of the reasons, disturbing the pupil to use language as dialogue means.

How to organize such practice? The most suitable form of dialogue at a lesson is the role-playing game. As well as exercises, it is possible to divide role-playing games on two groups: training in dialogue and organizing to practice in dialogue. The games training in dialogue, will be more simple, the choice of language means pupils is limited to a studied theme. Games, organizing to practice in dialogue, will be more difficult, the choice of language means is limited by nothing.

In role-playing game preparation allocate following stages:

- identify the purpose and a language material on which game will be;
- making up of the scenery of game;
- giving roles to pupils;
- psychological preparation of trainees.

For the first group of games, more simple, preparation includes points 1 and 4, for the second group — all four points. Psychological preparation is necessary especially before carrying out of the first games that the pupil has understood that he submits only to game rules and felt free in a choice of means of achievement of the purpose. Physical preparation

is required to some trainees also: some simple movements under music. It is necessary to notice that during a role-playing game also the role of the teacher radically changes. During the game the teacher should forget such «harmful» habits, as correction of errors, transfer or the help of the forgotten word.

The dialogue organization at a lesson demands also a special arrangement in an office of tables and armchairs: it is impossible to communicate, sitting a back to each other. Training in dialogue is better for spending in subgroups on 3–4 persons, in certain cases — in pairs.

The teacher, beginning to apply role-playing games, should know that not always game passes how it has been conceived. The success of game depends and on pupils (they should get used to the new form of a lesson), and from the teacher. Organizing a role-playing game, the teacher should remember that:

- It is impossible to compose a role instead of the pupil, and then to allow it to learn, as for performance;
- It is impossible to prompt, as what words it is necessary to speak in this or that role;
- At giving role it is necessary to consider quantity of boys and girls in group: boys should not play woman's roles, and on the contrary. The plot can be modified easily, entering or cleaning supporting roles or changing a man's role on female there where it is possible;
- The requirement to exclude the help from the teacher does not mean that the pupil needs to be left unaided. For each game is made of keywords which, probably, will not suffice. First keywords are made by the teacher on the basis of intuition, but after carrying out of one game in 2–3 groups it is possible to make the dictionary-minimum of this game. Discussion of stories, difficult everyday or fantastic situations also concerns the second type of role — playing games, i. e. organizing to practice in dialogue. At first sight, the organization of such role-playing games is more simple, she does not demand special preparation. However, that talking of pupils, it is necessary to tell (in a foreign language) such history which would force them to worry heard or to think unexpected outcome, in other words, which would cause desire to ex-

press the opinion. In such situation the attention of the pupil is switched from the language form (how to decline a noun where to put a verb...) on the statement maintenance. During this moment the pupil uses language as dialogue meanings.

The technology of role-playing games can be used at different grade levels. Using games in steams which are directed on training of certain lexical units and grammatical structures, and the exit in speech further is provided.

At a lesson it is possible to apply the given technology within 10–15 minutes.

For example, a role-playing game «On shops» («Going shopping»). Cards with instructions of a name and, for example, roles of the character (the Customer, Shop assistant). In advance prepare. Children voluntarily choose to themselves roles.

The task to the first pupil: You are a Customer, of shop. The customer comes to the shop. You will render what help to it in a choice of purchases.

The task to the second pupil: You are shop assistant who cannot find a thing approaching it. Answer the questions of the shop assistant (Can I help you?, What size do you need?, You can try on this dress, How do you feel?, This dress looks all right, does not it?, Do you think these gloves suit on your dress?)

Practice shows that the expressions fulfilled thus, structures, words are well remembered also pupils easily use them in their speech.

Role-playing games can be developed for all academic year. Each theme should come to the end with a role-playing game.

The foreign language lesson is not only game. We are sure that dialogues of the teacher with the pupils, arisen thanks to the general game atmosphere and actually games, have children to serious conversations, discussion of any real situations.

Pedagogical technology — set of the psycho — pedagogical installations defining a special set and configuration of forms, methods, ways, receptions of training, educational means; it is organizational-methodical way of pedagogical process.

References:

1. Комаров, А. С. Игра и пьесы в обучении английскому языку/ А. С. Комаров. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. — с. 3–8.
2. Коряконцева Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих.

Teaching unprepared speech in English on the basis of reading texts

Zaynobiddinova Gulbahor Baxtiyorovna, master of the English language and literature
Andizhan state university, Uzbekistan

Social processes in a modern dynamically developing society and growing exchange of information between the various countries cause much attention on teaching methods of foreign languages as means of communication, learning, self-realization and social adaptation [5.20].

Wherein one of the core components of the foreign language communicative competence of first — year students, namely communicative reading skill acts as a basis for formation informative- academic skills and allows a person to be guided effectively in growing streams of information, to design personal knowledge and independent strategy of educational activity.

Studying reading passes through difficult texts possessing cognitive value and the informative importance, therefore the first group of the skills includes the texts which are connected with standing of a language material. They include skills to correlate a word meaning with a sentence context; to establish semantic links between words/sentences/paragraphs; to define main and secondary in a sentence/paragraph; to predict on the linguistic level.

The second group — the skills connected with understanding of a content of a text, providing extraction of the substantial information: the skills which help to allocate in the text various elements, to generalize separate facts, to correlate separate parts of the text. In the third group allocate the skills connected with the comprehension of text»s contest providing understanding on a judgment level: skills of outputting judgments on the bases of texts» facts, estimating the stated facts/contents as a whole, interpreting.

The development above stated skills of teaching reading occurs during independent and active educational activities of pupils which is directed on mastering the context of a text, information on culture in the broadest sense of the word and educational actions connected with the analysis of the form and function of the used lexical and grammatical language material [3.76].

The analysis of structure of educational activity shows, that each action of the activity the student carries out as an element of process of the decision of an educational problem. The term problem in psychological pedagogical science means «known objective achievement of which is possible with the help of the certain actions in the definite situation» [1.55].

So, after a preparatory stage students are offered educational task of creative nature which aims them to achieve

detailed understanding of the text and to assume the information of taken from the text, its storing for expansion of knowledge and further use.

On the final stage of working with a text students obtain an opportunity to use reading means of cognitive, converting and orientation activities. At proper organization of educational activities students also solve creative problems which help them to use acquired material in practical activities.

The first component of motivation- orientation phase is the stage of actualization previously acquired socially-personal experience and actions on predicting the content of a text according to heading, keywords, the beginning and the ending, for example, by means of method «I Know — I Wish to know — Has learned». The actions on actualization are accompanied by educational actions of defining of the basic stages of problem solving.

On the performing phase of educational activity students achieve absolute understanding of the text, wherein students repeatedly address back to the text, using not only supports in the text, but also addressing to the dictionary for full understanding of all details of its content and sense. This phase is presented by the system of educational actions of students:

- Allocation from the text its separate elements:
- central idea;
- essential facts (on the basis of paragraph structures);
- separation of the basic information from secondary one;
- Generalization of the separate facts of the text;
- Correlation of separate parts of the text with each other:
- forming and their fixing in any sequence;
- grouping of the received information;
- Conclusion on the basis of the facts of the text:
- establishment of the idea of the text which is not verbally expressed;
- assumption of possible development of the narration;
- According to novelty, importance, reliability of the facts stated in the text;
- Interpretation — to understanding of implied meaning of the text. [4. 49]

The Usage of the stated model of the organization of educational activity First-year students on mastering of reading by skilled training and the control of development of students skills of eliciting the whole information from the text allow to judge about efficiency of application of the approach during formation communicative competency of students.

References:

1. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. — М.: 1993.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология. — М.: 2005.

3. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991.
4. Сборник нормативных документов. Иностранный язык / сост. Э. Д. Днепров. Аркадьев. — 2-е изд., Стереотип. — М.: 2006.

Средства влияния в гороскопах: лингвистический аспект

Захарова Мария Александровна, учащаяся 11 класса
МАОУ «Гимназия № 76 г. Челябинска»

Шорохова И. А., кандидат филологических наук, доцент
Уральский государственный университет физической культуры (г. Челябинск)

Сейчас гороскопы встречаются повсюду. Например, можно открыть журнал, газету на последней странице, и увидеть колонки гороскопа для определенного знака зодиака. Также существует множество сайтов, на которых есть раздел «Гороскопы», или же специальные сайты только с данной тематикой. Почему же люди в век высоких технологий и стремительного развития науки верят тому, что не признается учеными? Почему человек, читающий гороскоп, действительно убежден, что написанное там является правдой и обязательно случится с ним? Мы предполагаем, что ответы на эти вопросы заключены в тексте гороскопа, и поэтому анализ его лингвистической составляющей поможет узнать, как же влияет гороскоп на аудиторию.

Объектом нашей работы послужил гороскоп.

Предметом работы стали языковые средства воздействия в гороскопах.

Цель этой работы — выявить, какие языковые средства гороскопов оказывают влияние на реципиента.

Данная цель определила следующие задачи:

- описание истории появления гороскопов;
- выбор гороскопов на английском и русском языках;
- рассмотрение языковых особенностей гороскопов на английском и русском языках;
- сопоставление данных особенностей в двух языках;
- выяснение того, какие из особенностей влияют на аудиторию.

Гипотеза нашей работы заключается в предположении о том, что оценочные слова, использованные в гороскопах, в наибольшей степени влияют на человека.

Мы применяли в нашей работе описательный метод и контент-анализ.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы астрологами, преподавателями английского языка, психологами, интересующимися влиянием текста на личность человека.

Для характеристики гороскопа сначала выведем его определение.

Гороскоп « [лат. *hōrosopus* < греч. *hōroskopos* наблюдающий время] — в астрологии: таблица расположения планет и звезд, служащая для предсказания чьей-н.

судьбы, какого-н. события, а также комментарии, сопровождающие такую таблицу» [4].

Гороскоп в любом его понимании тесно связан с понятием зодиака.

Зодиак «[фр. *zodiaque* < греч. *zōdiakos kyklos* звериный круг] — астр. Пояс шириной около 15° на небесной сфере вдоль эклиптики, в котором движутся Солнце, Луна, большие планеты и большинство малых планет. С древних времен зодиак разделяется на знаков зодиака (по числу созвездий), имеющих следующие названия: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы» [4].

В слове «гороскоп» произошел метонимический перенос: от значения таблицы, по которой предсказывают судьбу, образовалось современное значение — «предсказание судьбы (чаще всего в виде письменного текста)». В нашей работе мы используем данное понятие именно в этом значении.

В связи с растущей популярностью гороскопов в наше время появляется все больше и больше различных источников, астрологов и сайтов, которые «составляют» гороскопы. Мошенники создают всю возможную видимость и «официальность» своих гороскопов, а затем продают их. Так же, как, например, проверка на «совместимость» влюбленных пар, узнавание «тайны» своей фамилии и т. д. Однако с легкостью можно установить тот факт, что различные источники противоречат друг другу в своих предсказаниях, что ставит их всех в уязвимое положение, так как нельзя на одно и то же событие давать два или более противоречащих сценария развития — это дискредитирует обоих. А так как события составляются с вероятностью, которая может быть приближена к 50%, то своя аудитория доверия может быть у каждого источника. Склонности и тенденции в социально-информативной сфере, а также легкомыслие и доверчивость к подобного рода источникам информации, легко дают возможность мошенникам открывать подобного рода бизнес, например через Интернет. Однако сейчас законодательством РФ подобного рода деятельность не может быть наказуема, так же, например, как секты, ее легко можно классифицировать как развлекательную индустрию [3].

Наша задача состояла в том, чтобы выяснить, почему люди доверяют гороскопу и как он заинтересовывает их,

а также как он сочетает в себе индивидуальность и обобщенность на языковом уровне.

Далее мы рассмотрели этапы развития гороскопа [5]:

- Протоастрология (с древнейших времён)
- Возникновение и развитие астрологии предзнаменований и календарной астрологии (ориентировочно с III тыс. до н. э.).
- Возникновение и развитие «научной астрологии» (с 4–3 вв. до н. э.).
- Кризис «научной астрологии» и торжество физики Ньютона (с 17 в.).
- Современный этап. Кризис физики Ньютона (20 в.).

История гороскопа достаточно обширная, он зародился еще до нашей эры. Долгое время астрология считалась серьезной научной дисциплиной, но со временем перешла из науки в более популярное занятие, как сейчас. На сегодняшний день мы с вами живем в эпоху «газетной астрологии».

В психологии тексты гороскопов особо отмечаются. Существует эффект Барнума-Форера, суть которого заключается в том, что «в обычных жизненных обстоятельствах большинство людей с готовностью принимают обобщенное описание личности за совершенно адекватное описание их собственных личностей. Такое описание может быть результатом астрологического и экстрасенсорного прогноза, гадания по руке или даже оценки личности, проведенной профессиональным психологом. Единственное обстоятельство, которое, по-видимому, имеет существенное значение, состоит в том, что данный индивидуум верит, будто это описание было составлено специально для него» [6, с. 1009].

Бертрам Р. Форер и описал этот эффект в 1949 году. В своих заключениях он утверждал следующее: «Вслепую личностные оценки могут показаться обоснованными, когда метод личного обоснования (подтверждение реципиентом) используется для описательных пунктов приблизительной обобщенной обоснованности. <...> Использование метода личного подтверждения, фиктивного личностного портрета может легко вводить людей в заблуждение в одобрении диагностической схемы, даже когда они не до конца принимают их портрет. Минимальная степень соответствия между портретом и самооценкой возникает, чтобы породить принятие общего портрета, и это принятие привносит не критичность в этот тест» [7, р. 122–123].

В данном исследовании мы использовали контент-анализ, потому что он позволяет нам раскрыть смысловые единицы текста через его форму. Вот как об этом говорит Л. Я. Аверьянов: «понятие «контент-анализ», согласно общепринятой точке зрения, предполагает анализ содержания текста. Но это не совсем точно, контент-анализ не занимается собственно смыслом, а исключительно частотным распределением смысловых единиц в тексте, или по-другому — анализом статических закономерностей частотного распределения смысловых единиц в тексте. И не более того. В свою очередь закономерности частотного распределения смысловых единиц в тексте нередко позво-

ляют понять закономерности именно смыслового определения объекта» [1, с. 9].

Мы сравниваем тексты гороскопов на двух языках, поэтому контент-анализ является наиболее подходящим для нас. Причину этого раскрывает Л. Я. Аверьянов: «Большое значение в настоящей методике придается сравнению двух текстов, причем независимо, являются ли они искусственными или естественными. Дело в том, что смысловые характеристики текста могут быть определены только относительно какого-то другого материала, выраженного в тексте. Сравнение одного или нескольких текстов между собой позволит соотнести искомые и анализируемые единицы по смыслу» [1, с. 122].

Почему мы используем именно контент-анализ? Во-первых, формальный подход дает возможность делать статистически правильный вывод при обнаружении языковых особенностей, используемых автором для манипуляции реципиентов. Во-вторых, контент-анализ является одной из исследовательских процедур, которая выявляет закономерности уникальных предметов.

Нами были выбраны 8 гороскопов на русском и 8 на английском языках, которые были составлены для Овнов с 30.10.14 по 07.11.14. Для каждого текста контент-анализ проводился по следующим параметрам. Проводя тематический анализ, мы выделили следующие группы: внутренний мир человека (мысли, состояния, чувства, способности, действия, оценка, возможности), внешний мир (время, окружение, взаимоотношения, предметы, возможности, события, деятельность, результативность, пространство). В стилистическом анализе мы выделили слова с мелиоративной и пейоративной окраской, а также с обобщенной семантикой. Еще мы проводили морфологический анализ и подсчитали существительные, глаголы, прилагательные, числительные, местоимения, имена собственные, союзы, наречия. В синтаксическом анализе мы определяли виды каждого предложения.

В качестве примера приведем контент-анализ гороскопа одного и того же дня на английском и русском языках.

November 4

Your emotions may be overwhelming now that the Moon is hooking up with crazy Uranus in your sign. Even if it sounds impossible, you want to experience the intensity of passion while simultaneously keeping your cool. Unfortunately, you can't play it both ways, even if you're afraid of what you must give up if you choose one over the other. Logic only takes you so far today, but trusting your instincts could put you in touch with what matters most.

(= Сейчас ваши эмоции могут быть подавляющими, потому что в вашем знаке Луна соединяется с бешеным Ураном. Даже если это кажется невозможным, вы хотите окунуться в страсть, одновременно сохраняя хладнокровие. К сожалению, вы не можете идти этим двумя путями, даже если боитесь, что должны отказаться от одного и выбрать другое. Сегодня логика заведет вас далеко, но вера в ваши инстинкты может связать вас с тем, что волнует вас больше всего.)

Тематический анализ:

Внутренний мир человека (23):

- мысли (3): *logic, both ways, matters most*
- состояние (4): *must, want, trusting, keeping your cool*
- чувства (7): *overwhelming, intensity, passion, afraid of, emotions, unfortunately, instincts*

— способности (4): *impossible, can (not), could, to experience*

— действия (5): *hooking up, choose, give up, play, takes*

Внешний мир человека (6):

- время (4): *now, while, so far, today*
- предметы (2): *Moon, crazy Uranus*

Слова обобщенной семантики (2): *emotions, to experience*

Стилистический анализ:

Слова с пейоративной окраской (6): *crazy, impossible, unfortunately, afraid of, overwhelming, give up*

Слова с мелиоративной окраской (1): *trusting*

Морфологический анализ:

Существительные: *emotions, instincts, sign, passion, intensity, both ways, logic, trusting*

Глаголы: *is hooking up, choose, sounds, afraid of, play, want, to experience, put in touch, give up, keeping cool, takes*

Прилагательные: *overwhelming, crazy, impossible*

Числительные: *both*

Модальные глаголы: *can (not), may be, must, could*

Местоимения: *that, you, your, one, other*

Имена собственные: *Moon, Uranus*

Союзы: *but, if, now, even, only, most, while, what*

Синтаксический анализ:

Сложные — 4

— подчинительная связь — 3:

- причинные — 1
- условные — 3
- изъяснительные — 1
- временные — 1

— сочинительная связь — 1:

— противительные — 1

Повествовательные — 4

Ноябрь 4.

Возможно, вас перестанут радовать отношения с друзьями и покровителями, возникнет некоторое отчуждение, появится взаимное раздражение. Все эти неприятности — временные явления. Доверяйте проверенным людям, так как новые знакомые, каково бы ни было первое впечатление от них, ничего, кроме проблем, впоследствии не принесут.

Тематический анализ:

Внутренний мир человека (9):

- мысли (1): *возможно,*
- состояния (4): *отношения, отчуждение, доверяйте, проверенные*

— чувства (4): *радовать, раздражение, неприятности, впечатление*

— способности (0)

— действия (0)

Внешний мир (14):

- время (2): *временные, впоследствии*
- окружение (5): *друзья, покровители, взаимное, люди, знакомые*

— деятельность (4): *перестать, возникать, появиться, принести*

— предметы (2): *явления, проблемы*

— события (1): *неприятности*

Слова обобщенной семантики (8): *перестать, возникать, появиться*, (глаголы, обозначающие фазы действия); *некоторое* (неопределенное местоимение), *все* (определяющее местоимение), *эти* (указательное местоимение); *явления*; *ничего* (отрицательное местоимение)

Стилистический анализ (8):

Слова с пейоративной окраской (4): *неприятности, отчуждение, раздражение, проблемы*

Слова с мелиоративной окраской (4): *радовать, друзья, покровители, проверенный*

Морфологический анализ:

Существительные: *отношения, друзья, покровители, отчуждение, раздражение, неприятности, явления, люди, знакомые, впечатления, проблемы*

Глаголы: *радовать, доверять, проверять, принести*

— фазовые глаголы: *перестать, возникать, появиться*

— модальные глаголы: *возможно*

Прилагательные: *взаимный, временный, новый*

Числительные: *первый*

Местоимения: *вы, некоторый, все, этот, ничего, они*

Союзы: *и, так как, каково, кроме*

Синтаксический анализ:

Простые — 1:

— двусоставные — 1

Сложные — 2:

— подчинительная связь — 1:

— причинные — 1

— бессоюзная связь — 3

Повествовательные — 3

Контент-анализ русско- и англоязычных гороскопов показал следующее:

1. Количество слов, обозначающих внутренний мир человека, почти совпадает в русско- и англоязычных гороскопах (104 — русский язык — к 108 — английский язык) и значительно превышает количество слов, обозначающих внешний мир и особенно в английском языке (78 — русский язык — к 43 — английский язык).

2. Это может говорить о тенденции всех гороскопов использовать внутренний мир человека, чтобы создать тотальную направленность. Слова, обозначающие внешний мир, дают больше конкретики и этим самым ограничивают аудиторию, для которой они подходят.

3. Количество слов, обозначающих чувства во внутреннем мире человека, значительно отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах: в англоязычных текстах их почти в два раза больше (9 — русский язык — к 17 — английский язык).

4. Количество слов, обозначающих мысли, отличаются друг от друга в русско-и англоязычных гороскопах (10 к 16).

Это может означать, что англоязычные гороскопы уделяют больше внимания внутреннему миру человека, тем самым подталкивая людей на самостоятельность в их жизни.

5. Количество слов, обозначающих оценку, значительно отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах: в русскоязычных текстах их почти в два раза больше (16 к 9).

А это может говорить о том, что мы, носители русского языка, чаще оцениваем свои действия и поступки, т. е. более эмоциональны.

6. Количество слов, обозначающих способности, тоже значительно отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах; стоит отметить, что в русскоязычных текстах они вообще не представлены (0 к 5).

7. Количество слов, обозначающих взаимоотношения во внешнем мире человека немного отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах (8 к 3); такую же разницу можно увидеть в количестве слов, обозначающих возможности: в русскоязычных текстах их выделено немного больше (4 к 1).

8. Значительную разницу можно увидеть в количестве слов, обозначающих события, деятельность, результативность в русско- и англоязычных гороскопах (31 к 4): они преобладают в русскоязычных текстах, а слова, обозначающие события и результативность, вообще не отмечены в англоязычных гороскопах.

Это может свидетельствовать о том, что внешний мир больше представлен в русском языке, чем в английском. Предположим, это связано с тем, что мы привыкли искать причины наших бед и удач во внешних обстоятельствах.

9. Синтаксический анализ показал, что в тексте больше всего встречаются повествовательные (27 — русский язык — к 23 — английский язык) и сложноподчиненные предложения (13 — русский язык — к 31 — английский язык). Повествовательные предложения позволяют автору сделать текст объективным, не эмоциональным, как бы отстраниться от текста, и тем самым завоевать доверие читателя. С помощью сложноподчиненных предложений автор разъясняет текст, а также показывает обстоятельства, при которых возможно исполнение предсказанного.

10. Если обратиться к стилистическому анализу, то можно увидеть большую разницу в количестве слов, обозначающих мелиоративную окраску (русский — 42 единицы, английский — 28 единиц), в отличие от слов с пейоративной окраской, где количество слов одинаково в русско- и англоязычных гороскопах (16 к 16).

Это может означать, что, во-первых, люди больше верят в удачу, поэтому говорят о будущем чаще положительно, а, во-вторых, мы, русские, более оптимистичны по сравнению с англичанами.

Среди лексики особое место по количеству занимают слова обобщенной семантики (13,3% к 15,2% от общего количества слов), у которых совсем небольшая разница в русско- и англоязычных гороскопах (44 к 35).

Данные слова создают больше тотальную направленность гороскопов, что помогает последним влиять на людей.

Также нами был проведен опрос учащихся 11 класса с целью узнать степень их доверия к гороскопам и проверить эффект Барнума-Форера. Тексты гороскопов всех знаков зодиака были перепутаны между собой. Раздав тексты реципиентам, мы попросили их внимательно прочитать гороскоп и в течение этого дня соотносить события своей жизни с текстом гороскопа. На следующий день мы вновь раздали те же самые тексты и попросили реципиентов оценить степень соответствия прошедшего дня текстам гороскопов по 10-балльной шкале (0 баллов — полное несоответствие, 10 баллов — полное соответствие).

Результаты опроса: из 17 опрошенных 8 оценили гороскопа на 0 баллов, 3 — на 10, 1 — на 8, 3 — на 7, 1 — на 6, 1 — на 4, 1 — на 3. Средний показатель доверия к гороскопам — 42%.

По нашему мнению, доверие к гороскопам достаточно высоко, что подтверждает эффект Барнума-Форера и выводы по нашему лингвистическому исследованию.

Гороскоп занимает важное место в нашей жизни, так как людям интересно знать, чего же им ожидать от жизни на следующий день, неделю, месяц, год. Читая гороскопы, люди начинают также подстраивать себя под то, что в нем содержится. Как же гороскоп влияет на людей? Наше исследование показало, что основными средствами влияния являются слова, обозначающие внутренний мир человека, слова с мелиоративной и пейоративной окраской и слова обобщенной семантики. Также в ходе анализа мы выяснили, что носители английского языка больше уделяют внимание внутреннему миру, тем самым надеясь на самих себя. В свою очередь русские обвиняют в большей степени внешний мир, чаще оценивают действительность и при этом оценивают ее больше положительно, чем отрицательно.

Литература:

1. Аверьянов, Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. — М.: КноРус, 2007. — 286 с.
2. Алмаев, Н. А. Применение контент-анализа в исследованиях личности: методические вопросы. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 167 с.

3. Википедия // ru.wikipedia.org/wik
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2008. — 944 с. // megabook.ru
5. Куталёв, Д. Астрология как историко-культурный феномен / Д. Куталев; диссертация на соискание учёной степени кандидата наук по специальности «Теория и история культуры». — М., 2001 // astrologic.ru
6. Психологическая энциклопедия / Под ред. Корсини Р., Ауэрбаха А. — СПб.: Питер, 2006. — 1096 с.
7. Forer, B. R. The Fallacy of Personal Validation: A Classroom Demonstration of Gullibility / B. R. Forer // Journal of Abnormal and Social Psychology. — volume 44, Issue 1. — January 1949. — P. 118–123.

Semantics of some words used in Nakhchivan dialects and accents

Ismayil Zulfiya Huseyn gizi, candidate of philological sciences, associate professor
Nakhchivan Branch of The Azerbaijan National Academy of Sciences, Azerbaijan

The dialects using in limited area are belong to different lexical group. Sometimes the same phonetic composition words don't express the same meaning. There exist such words that it is impossible to explain their etymology on the basis of the turkic language materials. In this case it is necessary to use the materials of Caucasian-iber languages. The reason some dialects and accents of our language are among the Caucasian-iber languages.

Some part of the words express the relationship attitudes and use in limited area can't understand by youth therefor their meaning became very narrow. It is only possible to express the meaning of such words by description way: we can show the words gunu, quda, yenga, elti, kurakan, banjakh, yezna for example. For example, gunu — one man's two wives named each other. Guda- is understanding as the married son's and daughter's parents named one another. Yenga — the woman who takes bride to bridegroom's house or brother's wife. In some turkic languages the word guda is met in following forms — guda (turkman language), kuda (kirghiz, kazakh languages), kuda, kudaji (tura, oyraat languages). The word kurakan used as following forms — kuyey (kazakh language), In Nakhchivan dialects and accents parallel to kurakan the word giyav also using, kuda (tuva language), kuyoo (kirghiz language) is used. We see the words yenga and elti in turkish language, but elti is used in turkmen language too. It is possible to meet the word yezna in kirghiz and bashgird languages. It is interesting in bashgird language the little daughter's husband is called geyau, but elder daughter's husband is called yezna.

We can see that the words reflects with most ancient farm, life and cultura rules take an important place in the vocabulary of our dialects and accents. The words mean ancient measuring, month, day names etc. include such words» line.

Khish, jut, ulama, jahra, kirkira, aldayirmani, shadara etc. words include the ancient historical tool names. Ancient measuring names attract the interest: batman, maghar (in majority dialects and accents), ismil, uruf, arva (weight measure), charakh, gulaj, shaklam (half filled big sack, wooden cask, dagga). The day, month names connected with ancient farm attract the attention.

Before soviet sovereignty some month names connected with Islam religion as shaban, ramazan, maharram etc. were exist in Azerbaijan literary language and also in the our dialects and accents. — The words passing from Persian consists some part of the day names: seshanba, yekshanba, dushanba, panchshanba etc. But before adopting Islam religion many month, day names connected with farm were used in our language. Later on some part of these under the influence of Islam religion left our literary language. But today the words left our literary language exist in the lexical of our dialects and accents. The words chilla (elder, little), kechigiran (goat killed), gorabishan, guyrug doghan, guyrugh doghan, payiz//jeyran kolgaya galan ay (autumn//the month when the gazelle comes to shade) the second month of autumn), kalavaz month (thee third month of autumn), gilaz month (the sweet-cherry ripen month) leysan month (the month of raining cats and dogs) (spring season), madakhil months, oghlakhgiran (march), khazan months (autumn) (Ord.), adina//adna include it.

The day names connected with previous nomad life duz gunu (the day to give the caw salt), sut gunu (milk given day), all the names express the week used in Novkhani accent of Baki dialect can be showed as for example. Example: I gun-sut gunu (milk day), II gun- danna of milk day, III gun-danna of danna, IV gun- the day to cook gatlighi plov, V gun-the little Friday, VI gun — the moving day of nomad family, VII gun-the milk day came again.

The dialect words used in limited area in Nakhchivan dialects consist an important system. It is possible to relating the limited dialect words to different lexical-semantics or thematic language units as exist in Azerbaijan language. Example, the words belong to cattle-breeding: peshgurt (going to mountain after harvest), the mal damnan chikhan vakhti, mal dama giran vakhdi (the day when the caws leave cattle-shed, the day when the caws come back to cattle-shed) (the last month of autumn), yayilan vakht (in spiring early in the morning taking the cattles to pasture), mal yellanan vakhti (early in the morning grazing of the cattles), dol vakhti (in-semination), mal-gara orushdan donan vakhti (time the cattle-breeding return from pasture) (at 6–7 o'clock in the

evening), mal-gara saghini vakhti (milking time of cattle-breeding) (at 8–9 o'clock in the morning), mal saghini vakhti (milking time of cattle-breeding) (at 8–9 o'clock in the morning), goyun saghini vakhti (milking time of sheep) (at 1 o'clock in daytime), guzu amisha galan vakhti (time the lamp coming for suckle) (at 2–3 o'clock in daytime), gunduz vakhti (time the sheep brought to graze the autumn seed).

The words connected with tax used in our dialects and accents: bidax, dinma v r, vakhti (land taxi), chanbashi (tax get for cattles), manzil (flat) (gira qoyma) (Ord.), salat puli// asgar puli, biyar, su vergisi (water tax), tustu vergisi (fumigation tax), torpagbasdi, galla, (beshda bir), toyju// mavji, bahra, janpulu// bashpulu, yer pulu, desetn pulu, otbashi (tax for pasture), masraf (tax for serve the village), rayin (free of charge service to land master). The words informing duty, rank, social rank: khan, bay, bag, bed, agha, ranjbar, nokar, nokarchilig (farm labourer, servant, the job of a servant), kandkhuda, kokha, yuzbashi, chovush, mugrug, murov, dara-bayi, galabayi, meshabayi, baylarbayi, gomurnat// gubarnat, nachannik, pristav, garadovoy, uradnik etc. The social ranks exist in the villages in ancient time: 1) varli (rich), 2) orta (middle), 3) ayakh (foot); 1) baş (head), 2) orta (middle), 3) ayakh (foot).

The words connected with election: sharsaldi, dashsaldi (Nakhchivan), tasselled (sal). Turkic people have ancient and rich history. It is possible to form tukic people and their languages in a great part and different geographical condition of Asia and Europe. The turkic languages differ from other languages for their close structure features. It is possible to observe the closeness of lexical of all turkic languages except chuvash and yakut languages. It is also belong to the limited dialect words.

Specially there are some interesting similarities between turkish literary language and Azerbaijan dialects and accent. You can see it during the comparative investigations of them. In Nakhchivan dialects and accents of Azerbaijan language the open area surrounding with fence where the cattles are keeping along the summer is named *Aghil*. In Turkish «the surrounding open area for to shelter the animals as sheep, goat etc.» is named *Aghil* too (1, 4). *Aghil*- the place where the cattles are sheltering (7, 18). This lexical used in «Kitabi-Dada Gorgud» epos and meaning the place for to shelter the sheep. He closed the door of the aghil; Dali Garchari yalinjig eyladi agla qoydu (He abandonmenet weapon Dali Gajar and arrest him into agil). Achakh — (Kazakh) — simple the word also used in Turkish literary language parallel with to be volunteer and express the same meaning. Urusdamin yakhshi khasiyyati var, alchakh adamdi (1, 4) (Urusdam has a good behaviour, he is alchakh man).

Shagga (a half of the body). The word means the part of a cut caw or sheep and use in our literary language and dialects and accents. We meet the word shagga in our literary language and dialects and accents. It is observed that the also used in the meaning of tribe, relative in Nakhchivan dialects and accents. It is possible to meet with these words

in some turkic languages. It is used in Turkman language tira (9, 282), in tuva language torel (9, 511), in oyrot languages torel (6, 156) forms in the meaning of tribe. The word oymakh is met in turkish language oymak, in tuva language aymakh (9, 511) form. It is necessary to note that in many territorial conceptions the tribe names show the connection of the blood relationship have already changed to the word quarter. The limited used dialect words consist some part of the lexical composition of Azerbaijan language. They belong to different lexical-semantic and thematic word groups. The followings can be showed the limited dialect words for example:

Ahgnakh (the lake or bog where the buffaloes slept — Aghnaghin suyu chox chixli olur (the water of the aghnagh is veri dirty) (Qshl); Kallar aghnakhda yatir (The buffaloes are sleeping in aghnakhda) (BG). Aghil — cattle-shed — İneyi aghila baghliyif gavaghina ot tohdü (He closed caw to aghil and give it grass) (BG) Aghuz (in all villages) — the meal prepared from just given birth caw»s first milk. — Bi qazan aghiz bishirmişdim, hamisini payladım. I had cook a cauldron of aghiz and shared of all. Alaf — Qish galir, mallarin da bi changa otu yox (winter comes but the caw»s have no a piece of grass). The lexical unit yenga is one the ancient dialect word. We meet this limited used dialect word in «Kitabi-Dada Gorgud» eposes. In the epos it means «brother»s wife». Qarindashim Qiyani oldurmusham. Aghja yuzli yehgami tul etmisham. I have killed my brother Giyan and my white face yenga became widower. Newly two far neighbours became jiji-baji.

Yenga is one of the words connected with the first development period of language. Earlier times the word yenga dialect word was meaning «elder brother»s wife» then it changed its meaning. During wedding parties it expresses elder bride, elder bother»s or uncle»s wife (4, 246–247). In «Ancient Turkic vocabulary» (7, 256), IbnMuhanna»s vocabulary yenga means «elder brother»s wife» (4, 86). In Azerbaijan accents the word yenga means «the woman who takes the bride to her husband»s house» or «elder bother»s, uncle»s wife». In Tovuz, Kazakh, Borchali accents «elder brother»s or cousin»s wives» is named yenga. In Boyuk Garakilsa, Garakilsa, Basarchechar, Shaki, Zagatala accents «elder brother»s or cousin»s wives» is named yenga.

Dialect lexical has its specific differ features. In compare with literary language there have a shelter in dialect lexical. It is known that the lexical layers of the language consist of different creation history words. The composition of the general people language consist of different layers form one another. The accents are differ among these layers. So the elements of the ancient layer of the language are saved and kept in accents» lexical. Archaic words consist one of the important part of Azerbaijan dialect lexical.

Tolazlamag — is meaning to throw. Though Lala is a limited used dialect word but it expresses various meanings in different zones or territories. It is used in Dialectological vocabulary of Azerbaijan (1, 361) in the same phonetic composition but different meanings:

Lala I — father, elder brother. Nolar — used in Nakhchivan dialects and accents as the equivalent of the pronunciation of question word «na olar» used in literary language. Garamat means bad intention, bad lucky, sorrowful, always thoughtful in Kazakh, Salyan dialects (1, 115).

Keyimak — to become numb. Not feeling, to lose one's feeling. **Gimirlamag** — expresses to throw in Kazakh dialects. In the same dialect **hanjari-** expresses how. **Eyni achilmag** — means improvement of somebody's mood. To feel himself well. **Sirvanmag** — this is negative sensible word and it is the act belong to cats and dogs. **Amba** — In Kazakh dialect it is used

the equivalent of the pronunciation of «amma» exist in literary language. We can say it about the word hanjari. It has «h nc ri» variant. Some lexical units were limited used dialect words in previous, but later on they began to use widely and passed to our literary language. *Yapinji, keyimak, sanballi, alachig, (cloak, numb with, heavy, nomad tent) garamat are the examples which we said.*

To use the protagonist, coloured meanings and richness of the dialect words proper to purpose show the creative ability, world outlook and knowledge level of the author of literary work.

References:

1. Az rbaycan dialektoloji lüg ti I c., A-L. Ankara: Turk Dili Kurumu, 1999, 374 s.
2. Az rbaycan dilinin izahlı lüg ti. Bakı: Ş rı-Q rb, 2006, 672 s.
3. zizov E. Az rbaycan dilinin tarixi dialektologiyası. Bakı: BDU, 1990, 352 s.
4. İbni Mühenna Luğati. Aptullah Battal. İstanbul, 1934, 89 s.
5. Tanriverdiyev . «Kitabi-D d Qorqud» v Q rb l hc si. Bakı: ADPU, 2002, 172 s.
6. Баскаков Н. А., Тошаква Т. М. Ойротско-русский словарь. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005, 280 s.
7. Древнетюркский словарь. Ленинград: ЛГУ, 1969, 677 s.
8. Гулиева Л. Русская диалектология. Баку: БГУ, 2008, 192 с.
9. C f rov S. . Müasir Az rbaycan dili. II hiss . Leksika. Bakı: Ş rı-Q rb, 2007, 192 s.

Особенности употребления эмоциональных конструкций в английской диалогической речи

Коновалова Эмма Камоевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель;
Паперная Нина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент
Армавирский государственный педагогический университет (Краснодарский край)

О существовании эмоционального синтаксиса было заявлено еще Ш. Балли в его «Французской стилистике». Отмечая, что в любом высказывании в различных пропорциях представлены рассудочная и эмоциональная стороны познания. Он задает вопрос: «Есть ли такие синтаксические факты, в которых выражение чувства преобладает над выражением чисто логической мысли?» [1, с. 107]. По мнению Ш. Балли, ответ не вызывает сомнений: «У практической грамматики раскинулась обширная и еще мало изученная территория, которая включает в себя всю совокупность грамматических категорий, способных выразить чувства» [1, с. 107].

Язык располагает специфическими средствами выражения эмоциональных значений на всех уровнях, однако всю свою эмоциональную силу эти средства приобретают, только реализуясь в речи. Именно в диалоге, отражающем соответствующую коммуникативную ситуацию, даны предпосылки для реализации совокупности всех эмоций — положительных и отрицательных. Диалогическая речь располагает только ей свойственным инвентарем средств создания, выражения эмоциональных конструкций. Выбор эмоциональной языковой единицы

зависит от характера описываемого денотата, ситуации, взаимоотношения партнеров и др. Условия коммуникативного акта, социальные и личные взаимоотношения коммуникантов и их намерения формируют вид речевого высказывания и соответственно степень выражения эмоциональной оценки.

Рассмотрим некоторые основные типы эмоциональных конструкций, формирующих эмоциональный аспект диалогической коммуникации в следующих коммуникативных контекстах:

1) — *He says you just eat out of his hand.* — Он говорит, что ты буквально ешь с его руки.

— *What nonsense! I don't believe a word of it.* (Maugham. Theatre). — Что за чушь?! Я не верю ни единому слову!

2) — *We have to go into Pamplina. We're meeting people there.* — Мы должны ехать в Памплину. Мы встречаемся там кое с кем.

— *What rotten luck for me! We've had a jolly time here Burguete (Hemingway. Fiesta).* — Не везет и все! Мы так славно повеселились здесь в Бурквете.

3) — *I got hurt in the war* — Я был ранен на войне.

— *Oh, that dirty war!* (Hemingway. *Fiesta*). — *O, ma проклятая война!*

В случае (1) односоставное эмоциональное высказывание передает неверие автора реакции в то, что сообщает ему собеседник, эмоциональной оценкой: «— *What nonsense!*» — *Что за чушь?!* Она конструирована в коммуникативном контексте последующим высказыванием. Аналогично функционирует и эмоциональная конструкция (2), где оценка усилена интенсификатором «*what*» — *что*.

В диалогическом единстве (3) адресат исследовав языковые знаки иницирующего высказывания, усиления реагирующее эмоциональное высказывание, исследуя междометием «*Oh*» как эмоциональным сигналом, а также указательным «*that*», выполняющим, как известно, функцию отрицательного усилителя.

Ср.:

— *There comes Cohn.* — *Вот и Кон идет.*

— *That moron! Cohn came up to our table.* (Hemingway, *Fiesta*). — *Вот идиот. Кон подошел к нашему столику.*

Вторую группу образуют эмоциональные высказывания в следующих коммуникативных контекстах.

1) — *Holster your gun!* — *Убери свое ружье!*

— *Stand still, you idiot!* (Bradbury. *Short Stories*.) — *Стой смирно, придурок!*

2) — *You don't know what you're talking about.* — *Ты понятия не имеешь о чем говоришь.*

— *You stupid fool!* (Maugham. *The Painted Veil*.) — *Глупец!*

Таким образом, основные средства эмоционализации высказывания — безглагольность в сочетании с указательным дейксисом и интонацией. Особую роль в создании эмоционального аспекта диалогической коммуникации играет так называемый некус отклонения, типа: *He gentleman?* — *Он джентльмен?! He Chinese?* — *Он же китаец?!*

Некус отклонения, впервые описанный в лингвистике О. Есперсеном, является, по-видимому, языковой универсалией и известен, по крайней мере, во всех развитых европейских языках. Сущность некуса отклонения состоит в том, что связь, отношения между агенсом, носителем признака и предлагаемым коммуникантом признаком признаются как невозможные, отвергаются. Неприятие предизируемого признака находит не только свое синтаксико-морфологическое выражение, но и имеет в качестве следствия сильный перлокутивный эффект, который проявляет себя через эмоционализацию всего коммуникативного высказывания [7].

Ср.:

— *We're mobilized on Salisbury Plain.* — *Нас мобилизовали в Салисбери Плейн.*

— *Mobilized! The British Army mobilized!* — *Мобилизованы! Британская армия и мобилизована!*

— *Only for maneuvers, you know.* (Aldington. *Short Stories*) — *Только для проведения маневров, понимаете.*

Г.Н. Семенихина определяет интонационный рисунок таких высказываний как вопросительно-восклицательный, а срединная пауза является индикатором несовместимости агенса и признака английского языка, что на русский язык передается союзом «и» [6].

Эмоциональный аспект диалогической коммуникации характеризуется функционированием в речевом общении так называемых инвертированных эмоциональных конструкций. Такие исследователи Л.М. Михайлов [4], Р.С. Сакиева [5] и д. р отмечают такую характерную черту диалогического общения, как обилие инвертированных конструкций. Сущность данного явления состоит в том, что под влиянием эмоций, а также с целью акцентирования внимания собеседника на коммуникативно важном компоненте говорящий выдвигает его на первый план, в пропозицию. Инверсии могут быть подвергнуты почти все компоненты, например:

1) — *Are you married?* — *Ты женат?*

— *No, but I hope to be.* — *Нет, но я надеюсь жениться.*

— *The more of a fool you are!* (Hemingway. *The Nick*). — *Ну и дурачина же ты!*

2) — *The American always depreciate every aristocracy but his own.* — *Американцы всегда недооценивают любую аристократию, кроме своей.*

— «*How true that is!*» — *exclaimed Adele* (Aldington. *Death*) — «*Как Вы правы!*» — *воскликнула Эдель.*

Многие специалисты по эмоциональному аспекту языка А.В. Безрукова [2], Ю.М. Малинович [3] подтверждают, что инвертированные конструкции имеют ярко выраженную эмоциональную оценку. Некоторые из них имеют в качестве усилителей языковые знаки «*how*» — *как*, «*so*» — *так*, «*such*» — *такой как* и т. д. Рассмотрим разряд эмоциональных конструкций, представленный в диалогической коммуникации с риторическим вопросом, представляющим по своей сущности эмоциональные утверждения. В зарубежной и отечественной германистике появился целый ряд работ, в которых риторические вопросы однозначно квалифицируются как эмоциональные конструкции, большинство которых имеет типизированный характер:

1) — *Have you asked her to marry you?* — *Ты сделал ей предложение выйти замуж?*

— *How could I? A damned rotter like me* (Maugham. *Theatre*) — *Как я мог? Такое ничтожество!?*

2) — *He answered abstractly: «How should I know?»* — *Он ответил неопределенно: «Откуда я могу знать?»*

— *Scoles is a humbug, though, isn't he?* (Gaslswoathy, *The Man*) — *Скоулз — обманщик, разве нет!?*

Ситуация как внеязыковая реальность является основой формирования семантической и коммуникативно-прагматической структуры высказывания в диалогической коммуникации и становится в мысленной переработке его означаемым: будучи включенной в состав коммуникативной ситуации и в акт речевой деятельности

человека, внеязыковая ситуация проходит через призму его сознания. Так оформляется субъективный образ объективно существующей ситуации. Известно, что одна и та же семантическая структура может быть выведена на синтаксический уровень разными способами и в различных формах.

В диалоге как форме коммуникации тесно взаимодействуют двое партнеров, они обсуждают в микро- и макродиалоге одну и ту же ситуацию, реализуя каждый свою коммуникативную установку. Субъективный образ объективной действительности (ее фрагмента — ситуации) может не совпадать в силу множества причин. К счастью, в диалоге существует понятие «инициации», («стимула», «иницирующего высказывания»), на основе которой интерпретирующий коммуникант реализует (пытается реализовать) свою коммуникативную установку в форме одного или более высказываний до смены говорящего.

Исследователями эмоционального аспекта коммуникации доказано, что коммуникативная установка (замысел) говорящего реализуется в форме одного или большего количества высказываний:

1) — *Do you think your memory is better today? — Ты думаешь, что у твоя память улучшилась?*

2) — *Yes. — Да.*

3) — *Why? — Почему?*

4) — *Because I've thought about. — Потому что я думала об этом.*

5) — *Going back to the Mc Martin, were you afraid? — Вернемся к Мак Мартину, ты боялась?*

6) — *Sometimes. — Иногда.*

Контекст свидетельствует о том, что шестичленное диалогическое единство сконструировано в основном на принципе эллипса. Конструкция (3) «*Why?*» — *Почему?*

показывает, что даже поиск каузального семантического падежа ведется с помощью эллиптического образования, состоящего из вопросительного слова «*Why*» — *Почему?* Реконструкция полносоставной структуры «*Why do you think your memory is better today?*» — *Почему ты думаешь, что твоя память улучшилась?* — привнесла бы уже известную информацию в это высказывание и тем самым явилась бы информационным шлаком, тормозящим динамичное развитие мысли и продвижение информации.

Конструкция (4) как часть реализованного сложноподчиненного предложения — а именно лишь придаточной части — вербализует лишь обоснование причины, вводимое союзом «*because*» — *потому что*.

Эллиптическая конструкция — «*sometimes*» — *иногда* — и вовсе представляет информацию, которая не запрашивалась.

Ср.:

— *Were you afraid? — Ты боялась?*

— *Yes. — Да.*

— *How often? — Как часто?*

— *Sometimes. — Иногда.*

Опережающая реакция — «*sometimes*» — *иногда* — ускоряет общение, содействует реализации принципа экономии языковых средств. Аналогично развертывание мыслей обстоит и в коммуникативных контекстах (4,5).

Таким образом, анализ показывает, что пропозиция как семантическая константа сохраняется лишь на семантико-логическом уровне, а диалог является сложным коммуникативным процессом, в котором взаимодействует множество факторов, которые в одних коммуникативных ситуациях содействуют успешному протеканию диалогической коммуникации.

Литература:

1. Балли, Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
2. Безрукова, А. В. Эмоциональные адъективные и субстантивные двусоставные предложения в современном английском языке (опыт парадигматического описания)//Дис...канд. филол. наук. — Л., 1981.
3. Малинович, Ю. М. Собственно восклицательные предложения в современном немецком языке//Автор. дис...канд. филол. наук. — М., 1966.
4. Михайлов, Л. М. Грамматика устной речи. — М., Изд. Астрель-Аст, 2003.
5. Сакиева, Р. С. Уровни языка и эмоциональность. — М.: Высшая школа. 1991.
6. Семенихина, Г. И. Функционально-семантическая транспозиция простого предложения в английской разговорной речи// Дис...канд. филол. наук — Л., 1985.
7. Jespersen, O. A. Modern English Grammar of Historical Principles. Part 11. Copenhagen, 1949.

Метафоризация значения окказиональных словосочетаний (на материале современного русского языка)

Коробкина Наталья Игоревна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Рассматривается метафоризация значения некоторых окказиональных словосочетаний на примере современного русского языка. Анализируются разнообразные аспекты такого семантического переосмысления.

Ключевые слова: окказиональное словосочетание, метафоризация значения, экстралингвистический контекст, семантическая двуплановость, языковая игра

Сегодня коммуникативное пространство современного русского языка посредством многих электронных и печатных СМИ, интернета, художественной литературы и других источников начинает заполняться новейшими лексическими новинками. Превращаясь в своеобразный депозитарий новообразований, это пространство представляет собой особую коммуникативную среду и особое, никогда ранее не существовавшее место реализации языка, способствующее восполнению постоянно возникающих речевых лакун в живом общении.

Антропоцентричность последнего неизбежно усиливает интерес к языковой личности, ее лингвокреативной деятельности и игровой функции языка, отводит важную роль высокой степени свободы самовыражения, объясняет стремление украсить игровыми моментами повседневность, определяет поиск новых эффективных средств для более емкой, выразительной и экспрессивной передачи мыслей, эмоций и чувств человека. Все эти детерминанты в развитии не только коммуникативного пространства современного русского языка, но и современного общества указывают на то, что одним из способов решения регулярно появляющихся коммуникативных задач выступают новообразования окказионального характера.

Особый интерес представляют не отдельные номинации, а окказиональные словосочетания, которые получают семантическое переосмысление вследствие влияния породившей их коммуникативной ситуации. При этом одним из главных путей такого переосмысления значения окказионального словосочетания является их метафоризация (подробнее об этом на примере неологизмов см., например, [1; 2]). Традиционно под метафорой понимается «перенос наименования, основанный на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и т. п. При метафорическом переносе значения меняется вещь, но понятие нацело не меняется: при всех метафорических изменениях какой-нибудь признак первоначального понятия остается» [4, с. 77].

Рассмотрим метафорическое семантическое переосмысление на примере некоторых окказиональных словосочетаний современного русского языка. Так, словосочетание **золотая лихорадка** в значении *массовая добыча золота на новых месторождениях* не является окказиональным. Однако в контексте определенной современной

коммуникативной ситуации значение данного узуального словосочетания метафорически переосмысливается и становится следующим: *выставление на показ нафосных фото (например, на частных самолетах и дорогах авто) представителями современной золотой молодежи*. В качестве подтверждения такой метафоризации значения приведем выдержку из газетной статьи, где встречается это словосочетание: «[...] *Увесистые «ходики» за 2 миллиона рублей защёкнулись на моём запыстье. Я вальяжно закинул руку на руль Гелендвагена и сделал фото для соцсетей. Всё, теперь я тоже мажор? Ну, виртуальный. А ведь сейчас это целая «золотая лихорадка». Парни и девушки из глубинки выкладывают сотни фотографий, стараясь показать, что они живут «дорого» [...]*» [7, с. 6]. Данный пример показывает, что экстралингвистическая коммуникативная ситуация выступает в качестве средства реализации метафорического значения, поскольку приводит к переосмыслению значения узуального словосочетания и превращает его в уже окказиональную номинацию. Таким образом, экстралингвистический контекст является определяющим фактором для реализации метафорического значения окказионального словосочетания.

Общеизвестно, что метафоры получают из разных случаев схожести материальной характеристики: цвета, формы и других «зримых» движений, т. е. из совокупности непосредственно воспринимаемых органами чувств сходств того, с чего переносится название на то, куда это название переносится. Таково, например, окказиональное словосочетание **вялое декольте**, метафорический перенос значения которого основывается на внешнем сходстве предметов. Ведущий популярной программы «Модный приговор», известный историк моды, Александр Васильев, комментируя выбор одной из героинь телешоу, говорит следующее: «*Ну, прекрасно, конечно, что Вы выбрали модную зеленую гамму. Все это очень мило. Но на экране будет штробить из-за этого мелкого рисунка, а вялое декольте с этим обвисшим, драпированным хомутом вовсе не создает ни рельефа груди, ни украшения для Вашей шеи. Я действительно не понимаю, почему Вы выбрали такие невнятные вещи за наши деньги. [...]*» (выпуск от 13.03.2013). Из данного контекста становится очевидным, что, называя де-

кольте вялым, ведущий явно не использует слово *вялый* в своем прямом значении (потерявший свежесть, увядший (о растениях) [6]). Он наделяет данное слово переносным значением, в основе которого лежит семантическая двуплановость: т. е. предмет (декольте) называется не прямо (невзрачное, невнятное), а через возникающие в нашем сознании ассоциации с другим предметом (овощем, фруктом, растением), применительно к которому использование прилагательного *вялый* является более целесообразным.

Другим не менее красочным примером семантического переосмысления значения окказионального словосочетания является номинация *двуногая саранча*, использованная журналистом А. Минкиным в 10 статьях в течение всего 2012 года, что, вероятно, объясняется большой прагматичностью данного словосочетания за счет его яркой метафоричности и уничижительной коннотации его семантики. Неоднократное возвращение журналиста к данной авторской номинации объясняется поп-стор одной и той же ситуации, а именно — вырубке заповедных лесов в Химках (на реке Сходня). Метафорический перенос саранчи и ее основной функции — вредить зеленым насаждениям, уничтожая их полностью (также *об алчной силе, толпе, орде, которая проходит, оставляя за собой опустевшее, мертвое пространство* [6]) — на человека (уничтожателя леса) позволяет говорить о нем в терминах саранчи как о таком, который, подобно саранче, *с жадностью, большой массой набрасывается на что-либо* [6]. Разрушительные, агрессивные, неэкологичные качества саранчи переносятся на человека — двуногую, неразумного существа — и делают лексическое обозначение «кентавра» *двуногая саранча* концептуальным блендом, а соответствующее ему понятие — интегрированным новым контекстуальным понятием. Его лексический бленд является высоко прагматичным за счет новизны, интенсивности его семантики, отрицательной оценочности, образности, т. е. экспрессивности. Такую номинацию получают те чиновники и «лесорубы», которые совместно уничтожают заповедные леса в корыстных целях получения земельного пространства для строительства дворцов.

Метафорический семантический перенос нередко служит одной из разновидностей языковой игры, способствующий реализации игровой функции новой номинации. Напомним, что в современной науке методологическим является положение о лингвокреативном характере языковой игры. По мнению В. З. Санникова, языковая игра — это сознательное манипулирование языком, построенное если не на аномальности, то, по крайней мере, на необычности использования языковых средств [5, с. 17]. Соглашаясь с такой точкой зрения, добавим, что любая новая номинация, содержащая в себе элементы языковой игры, ориентирована на реализацию языком его творческой функции, результатом чего может быть достижение определенного прагматического эффекта: неожиданного, комического, ироничного и др.

Так, например, окказиональное словосочетание *взбесившийся принтер* выступает в качестве метафорического обыгрывания, используемого для номинации российского парламента в 2013 г. Поводом для реализации такой креативной языковой игры послужила активная работоспособность российских парламентариев, которые спешно принимали странные, по большей части карательные законы, словно завтра наступит конец света. Один из принятых в авральном порядке законов требовал от некоммерческих организаций, получающих зарубежные гранты и вовлеченных в политику, называть себя «иностранными агентами». Другой расширял определение государственной измены, ещё один законопроект — о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних (см.: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/03/130303_duma_crazy_printer.shtml). Метафоризация значения данного окказионального словосочетания заключается в том, что наблюдается имплицитное сравнение парламента с принтером, который часто от большого количества печатаемых бумаг, может «взбеситься», т. е. зависнуть, перестать работать и т. п. Получается, что скрытое сравнение принтера и парламента выявляет таким образом важную черту последнего — чрезмерную работоспособность, которая доходит до комического абсурда.

Интересно, что ученые называют метафору фундаментальным чувством, помогающим понимать мир, они говорят о метафоре как о средстве оформления реальности. Зачастую эта реальность оказывается не только национально-, но и профессионально-специфичной, т. е. характерной для лиц, объединённых общей профессиональной деятельностью. Рождение метафоры в таком случае оказывается связано со стандартными представлениями о мире людей, относящихся к той или иной профессии, с системой оценок, которые существуют в их профессиональной среде и которые в итоге вербализуются в языке, в том числе и в виде метафорически переосмысленных окказиональных словосочетаний.

К такой профессиональной среде относится, например, сфера медицины и ее главные представители — врачи, рабочая жизнь которых транслируется с экранов телевизоров в сериале «Интерны». Повествуя о непростой доле медицинского персонала, актеры нередко используют в репликах своих героев необычные, образные, ранее не существовавшие словосочетания, эффект метафорического использования которых состоит в наделинии экспрессивным и эмоциональным оттенком значения окказиональной номинации. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент коммуникативной ситуации: «[...] — *Как у Вас с интимной жизнью? // — Да, какая там жизнь! Я на работе устаю, я дома устаю, ночами я не сплю. Это не интимная жизнь, это интимная смерть!*» (сезон 2, серия № 110). В этих словах явно чувствуется эмоциональное напряжение героини сериала, которое объясняется отсутствием полноценной интимной жизни, вызванное плохим сном, уста-

лостью на работе и усталостью от выполнения домашних дел. Вербальная экспликация эмоционального состояния героини сериала находит отражение в окказиональном словосочетании, наделенным семантической метафоризацией, в результате которой наблюдается сопоставление понятия «усталость» представленного в традиционном употреблении лексической единицы, и понятия «смерть», передаваемого в речи в переносном (метафорическом) значении при выполнении специальной стилистической функции.

В этом же сериале «Интерны» для номинации игры в покер бланками анализов пациентов венерологического отделения больницы можно выделить окказиональное словосочетание **венерологический покер**: « [...] — А, что это, вот Вы делаете? // — **Венерологический покер**: у меня пара гонорей-пара гонорей и три трепонемы — фул-хаус ... хаос ... Сыграем? [...]» (сезон 3, серия № 148). В данной коммуникативной ситуации яркий метафорический образ достигается за счет актуализации соответствующей системы общепринятых медицинских ассоциаций в профессиональной культуре врачей. Возможно данный образ является неотъемлемой частью профессиональной среды врачей — работников венерологического отделения, который дает оценку предмета по этическим и эстетическим нормам данного коллектива.

Несмотря на то, что в реальной (не экранной) врачебной терминологии ввиду жанровых особенностей практически отсутствует любая эмоциональная информация, замещаемая в таком случае сугубо фактуальной, совсем недавно в медицинских кругах в связи со скоропостижной кончиной 20 февраля 2017 г. постоянного представителя Российской Федерации при ООН Виталия Чуркина появилось образное выражение **синдром дипломата** или **синдром Чуркина**. Получается, что определенная экстралингвистическая коммуникативная ситуация дала импульс для появления метафоричного окказионального словосочетания, обозначающего заболевание «великого дипломата, который несет в себе бремя тяжелых переживаний, решает сложнейшие дела, а внешне остается спокойным и невозмутимым» [8, с. 4]. Принимая во внимание мнение специалистов в области сердечно-сосудистых заболеваний о том, что сам по себе синдром не является новым, можно предположить, что данная номинация вполне применима к любым людям, страдающим хроническими психоэмоциональными нагрузками, а, следовательно, подверженным высокому риску возникновения инфаркта. С лингвистической точки зрения речь идет о потенциях метафорически переосмысленного окказионального словосочетания **синдром Чуркина** к переходу в разряд неологизмов, которые, как известно, отличаются более широким функционированием и более частотным употреблением в различных коммуникативных ситуациях.

Общеизвестно, что на сегодняшний день существуют различные типы метафор: простая, развернутая, поэтическая, гиперболическая и др. Последняя, например, встре-

чается в следующем окказиональном словосочетании — **гастрономическая бесконечность**. Впервые такое необычное, метафорическое сочетание слов встретилось в одном из выпусков трэвел-шоу «Орел и Решка: На краю света» (Токио. Япония) в следующем контексте: « [...] *Магазины готовой еды есть возле больших торговых центров. Выбор там просто огромный! Да это же гастрономическая бесконечность!* [...]». В данном случае семантическая метафоризация значения окказионального словосочетания основана на гиперболическом преувеличении признака / качества бесконечности, который способствует выражению чувств и проявлению эмоционального состояния человека в конкретной коммуникативной ситуации. С позиций когнитивной лингвистики подобные окказиональные словосочетания являются результатом концептуальной интеграции, а также вербальным отражением закона экономии языковых средств и ментальной способности человека к максимально сжатому и емкому выражению мыслей, эмоций и чувств в речи. Такой синкретизм мышления не может не приводить к появлению особых окказиональных знаков — компрессивных в своем плане выражения, но при этом, в сравнении со своими аналитическими прототипами (семантическими дефинициями), емких в плане содержания (подробнее об этом см.: [3]).

Подведем некоторые итоги. Замечено, что в коммуникативном пространстве современного русского языка все чаще появляются новообразования — окказиональные словосочетания, получающие семантическое переосмысление в результате метафоризации. Установлено, что экстралингвистический контекст является определяющим фактором для реализации метафорического значения окказионального словосочетания, в основе которого лежит семантическая двуплановость. Отмечается, что метафорический семантический перенос в современных окказиональных словосочетаниях нередко основан на гиперболическом преувеличении признака / качества одного из сравниваемых предметов или служит одной из разновидностей языковой игры, способствующий реализации игровой функции новой номинации. Посредством такой лингвокреативной деятельности появляется возможность раскрытия в языке его скрытых эстетических возможностей, обуславливающих не только собственную креативную активность, но и творческую речедетельностную способность языковой личности. Предполагается, что метафора как средство оформления окружающей реальности может определять профессионально-специфичный характер современного окказионального словосочетания, например, в медицинской среде. Кроме этого метафорический перенос значения современного окказионального словосочетания нередко служит для выражения эмоционального состояния говорящего в конкретной коммуникативной ситуации, а также для наделения экспрессивным и эмоциональным оттенком значения окказиональной номинации в целом.

Литература:

1. Балданова, М. В., Степанова И. Ж. Метафоризация как путь развития семантических неологизмов в языке интернета // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2016. — № 1. — с. 8–13.
2. Катермина, В. В., Тугуз Э. А. Образные номинации в спортивном дискурсе (на материале английских неологизмов) // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2016. — № 14. — с. 39–50.
3. Коробкина, Н. И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2013. — 295 с.
4. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 536 с.
5. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 544 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 23.02.2017).
7. Голованов, Р. Столичные мажоры XXI века // Комсомольская правда. — 2017. — № 13 (26639). — с. 6–7.
8. Добрюха, А. «Синдром дипломата» // Комсомольская правда. — 2017. — № 20 (26646). — с. 4.

Роль грамматических навыков в системе формирования иноязычной коммуникативной компетенции

Кузнецова Евгения Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани (Краснодарский край)

Девятова Снежана Александровна, преподаватель
Славянский электротехнологический техникум (г. Славянск-на-Кубани, Краснодарский край)

Обучение грамматике — один из важнейших аспектов обучения иностранному языку, так как полноценная коммуникация не может проходить при отсутствии грамматических знаний. Безусловно, знание грамматических правил необходимо для успешного овладения языком. Ни один из аспектов обучения языкам не был на протяжении многих лет предметом столь интенсивных обсуждений и дискуссий, как грамматика. Грамматика понималась по-разному, она играла и продолжает играть неодинаковую роль не только при обучении родным или иностранным языкам, но и вообще в системе образования отдельных стран мира.

Роль и место грамматики в процессе обучения иностранным языкам в настоящее время является одним из приоритетных вопросов. В истории обучения иностранным языкам возникало множество спорных мнений. Первая точка зрения сводилась к тому, что грамматическая компетенция формируется сама по себе, независимо от осуществления специального обучения. Современный методист Гальскова Н. Д. придерживается другого мнения. Она считает, что при обучении иностранным языкам следует создавать прочную структурную базу, благодаря которой формируются грамматические навыки [3, с. 305]. Языковая компетенция и её составляющая часть — грамматические навыки и умения — занимают ведущее место в процессе достижения этой цели. Бесспорно, коммуникация возможна лишь при наличии языковой компетенции, основу которой составляют грамматические навыки и умения. По-

нятие компетенции для дидактики не ново. Применительно к владению языком под компетенцией подразумевается сознательное или интуитивное знание системы языка для построения грамматически и семантически правильных предложений, а под реализацией — умения и способности посредством речи продемонстрировать знание системы. Такое представление о компетенции сложилось под влиянием лингвистики, которая отводила грамматике ведущую роль в самой науке о языке и представляющей её важнейшей составляющей психологических грамматик, управляющих общением. Так, швейцарский лингвист Ф. де Соссюр утверждал, что система языка, или систематический инвентарь единиц, запечатлевается в виде суммы образов в уме каждого члена коллектива и не зависит от способов ее реализации в речи, которая всегда специфична, поскольку определяется волей индивида и типом ситуации. Отечественный методист М. Н. Вятютнев рассматривает коммуникативную компетенцию «как выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [1, с. 38].

Главной целью формирования коммуникативной компетенции является состоявшийся коммуникативный акт. Средства достижения этой цели — составляющие коммуникативной компетенции: языковые знания и навыки, ре-

чевые умения, лингвострановедческий компонент содержания обучения.

Важнейшим компонентом коммуникативной компетенции по праву признаётся языковая компетенция, обеспечивающая на основе достойного объёма знаний как конструирование грамматически правильных форм и синтаксических конструкций, так и понимание смысловых отрезков речи, организованных в соответствии с нормами иностранного языка.

Роль грамматики меняется под действием некоторых причин, таких как влияние эволюции теории лингвистики, воздействием учета практических результатов обучения иностранным языкам, а также учёта государственной политики в области образования. В настоящее время появляется установка на сокращение роли грамматики иностранного языка, которая, естественно, приводит к значительному увеличению количества ошибок в речи учащихся. Исходя из исторической практики попытки отказа от грамматики, а также преувеличение её роли в учебном процессе, отрицательно сказывается на результатах практического овладения языком.

Термин «грамматика» имеет два основных понятия: грамматический строй языка и наука о грамматическом строе. Доктор филологических наук, профессор В. Г. Гак, считает, что грамматика — это раздел языкознания, изучающий закономерности изменения и сочетания слов, образующих осмысленные предложения или высказывания [2, с. 103].

Методист Г. В. Рогова отмечает, что обучение грамматике включает в себя как практическую, так и образовательно-воспитательную пользу. Практическое значение выходит на первое место. Это определяется тем, что грамматика облегчает путь овладения языком. Отметим, что грамматика является одним из важнейших аспектов в методике обучения иностранным языкам. В первую очередь это обуславливается тем, что, познавая грамматику, учащийся погружается в языковую среду, он учится грамотно строить предложения, как в устной, так и в письменной форме, а также понимать речь при чтении и аудировании.

Литература:

1. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. — М.: Русский язык, 1984. — 144 с.
2. Гак, В. Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
3. Гальскова, Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. — М.: Асадема, 2005. — 334 с.
4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей. — М.: АСТ: Астрель, 2010.

Воспитательная цель заключается в том, что учащийся формирует взгляды на окружающий мир, на место человека в социуме, на характер отношений к среде, в которой он живет, формирует такие моральные качества личности, как патриотизм, гуманизм, толерантность.

Не стоит забывать о том, что необходимо учитывать и возрастные особенности учащихся. В этом возрасте ребенок решает важнейшие пути развития, формируются его мировоззрение, манеры и характер. Учащийся может поменять свою позицию, если у одних возникает интерес к обучению, то у других он принимает чисто формальный вид. Поэтому этот период является переломным и необходим более тщательный и комплексный подход к каждому учащемуся.

Инновационные педагогические технологии, такие как проектная методика, игровая технология, информационные технологии помогают воплотить личностно-ориентированное обучение и гарантируют индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом особенностей школьников. В учебном процессе имеют место разнообразные формы и методы обучения. На наш взгляд, наиболее оптимальный метод — познание нового «от простого к сложному», поскольку учащиеся постепенно усваивают и накапливают знания, по мере усвоения которых задания усложняются, что позволяет выработать навык и закрепить усвоенную информацию.

Необходимо отметить, что усвоение информации у школьников зависит также от уровня их заинтересованности, поэтому, для того, чтобы достичь успеха в обучении, учителю необходимо грамотно, а главное интересно построить урок.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что обучение иностранным языкам имеет коммуникативную установку, поскольку его конечной целью является свободное владение языком непосредственно как средством общения. Грамматика способствует управлению этим процессом, а также служит средством и условием коммуникативной деятельности.

Средства, выражающие эмоциональность в разговорной речи

Мамаджанова Наргиза, преподаватель

Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура (Узбекистан)

Каждое предложение, используемое в устной разговорной речи, выполняет определённую функцию. Повествовательные, вопросительные и побудительные предложения выражают мысль. Восклицательные предложения, в свою очередь, — чувства. В этой статье я хочу поделиться мыслями о средствах выражения эмоциональности в разговорной речи. Нет ошибки в том, чтобы рассматривать английскую разговорную речь в качестве общей лингвистической проблемы.

Условия, выражающие эмоциональность в разговорной речи, состоят в следующем

1. Интонация. Интонация — это основной и характерный признак любого предложения. Интонация в качестве отдельной единицы участвует в построении предложения и выполняет две функции:

а) образует эмоциональные предложения от неэмоциональных, иными словами, любое предложение, в котором используется побудительная интонация, превращается в эмоциональное предложение

I stopped to talk with Huckleberry Finn! (M. Twain. T. S. p. 47)

б) выражает чувства, эмоции говорящего. Например:
I'm done with ye! (M. Twain. T. S. p. 45)

2. Междометия. В выражении эмоциональности участвуют междометия, передающие различные чувства (*Oh, Ah, Oho, Ughu, Uhu, Uph, Tut, Hmm, Hush, Tss, Alas, Wow, Pew...*)

Наречные междометия (*Yes! Why! Sorry! Now. Hey...*)

Эмоционально-эвфемистические междометия (*Oh, Yod, Alas, Dear, Aha...*) пример:

Spank water! In wouldn't give a dern jor spunk water. (M. Twain. T. S. p. 43)

Good for? Cure warts with? (M. Twain. T. S. p. 43)

Группа слов по экспрессивно-семантической функции выражающая чувства, не имеющая грамматических показателей и не меняющая свои формы, называется междометия. В английской разговорной речи используются следующие виды междометий.

а) междометия, выражающие различные чувства — Oh! O! Ah! Hallo! Hullo! Ha! Hi! Alas! Hush! Aha! Ho! Hey! Ptum! Bravo! Humph! Whew! Hurrah! Pshaw! Ugh! Stuff and Nonsense! Oh me! Oh that! ...)

Например:

Ah! That's a different matter; said Jaffers. (B. I. Fridman)

Oh! Come! I ain't blind; (R. I. Stevenson)

Hush! Said Mr. Tiddy Henfrey. (R. I. Stevenson)

б) Императивные междометия, выражающие приказ, просьбу, мольбу.

Например:

Help! Silence! Come! Come, come! Well run! Stop thief! Look! Hear! All right!

Fly upon him! Dear me! (H. Wells)

It's just empty clothes. Look! You can see dawn his collar and the livings of his clothes. (H. Wells)

«Chump» — said Mr. Marvel. (H. Wells)

Lord! — he said. (H. Wells)

Odd! — said M. Henfrey.

«Yap!» — cried Huxter, «Stop thief» and he run obliquely. (H. Wells)

в) звукоподражательные междометия: — bang, crash, mew, cock-a-doode-de...

Whirr came a flint: appearantly but page 51 of the air

Whirr it came and rightened from a bare lot into the clitch (H. Wells)

Crack, crack, crack, they came one after the other (H. Wells)

Для усиления эмоциональности в устной разговорной речи употребляются вопросительные местоимения: What, How, Why, When, Whom и др. Эти вопросительные местоимения выполняют ряд функций в эмоционально-повествовательных предложениях.

Why how long have you been on the island, Jim? (M. Twain. H. F. p. 270)

What, all that time? (M. Twain. H. F.)

Why, what has you lived on? (M. Twain. H. F.)

Эмоционально-вопросительные предложения используются при выполнении двух функций. В предложениях типа вопросительно-эмоционального момента используются в собственной функции, а именно — для выражения вопроса. При этом эмоциональность передаётся при помощи интонации. В предложениях, содержащих риторический вопрос, употребляются в переносном значении — в качестве средства, выражающего эмоциональность.

3. Инверсия. В предложении каждый член предложения имеет своё место. Главная часть в грамматической основе стоит перед зависимой частью. Что касается второстепенных членов предложения, то здесь зависимая часть стоит перед главной частью. С изменением данного порядка происходит инверсия. Это чаще всего зависит от душевного состояния людей. Потому что логическое ударение падает именно на ту часть предложения, которая передаёт чувства говорящего, вследствие чего она меняет своё место и переходит вперёд.

В эмоционально-интеллектуальных предложениях используются два вида инверсии:

1. Инверсия главных членов — подлежащего и сказуемого. Обычно состав подлежащего стоит перед составом сказуемого. В результате инверсии состав сказуемого за-

нимает положение перед составом подлежащего. Например:

Well you see, it «uz dis way. Ole missus — dat»s Miss Watson-she pecks on me all de time, en treats me pooty rough, but she awluz said she wouldn»t sell me down to Orleans. But I noticed dey wuz a nigger trader roun» de place. Considerable lately, en I begin to git oneasy. (M. Twain)

2. Инверсия второстепенных членов предложения. Она делится на две группы:

а) инверсия дополнения, обстоятельства и сказуемого. Обычно дополнение зависит от обстоятельства и сказуемого и стоит перед ним. В результате инверсии сказуемое стоит впереди, а дополнение и обстоятельство — после сказуемого.

б) инверсия определения и определяемого слова.

Определение обычно стоит перед главным словом. В результате инверсии главное слово — определяемое — переходит вперед. Например:

Doan» hurt me — don»t! I havn»t ever done no harm to a ghos! I alwuz liked dead people, en done all I could for them. You go en git in the river ag»in, whah you b»longs, en doan» do nuffin to Ole Jim, «at «uz, alwuz yo» fren». (M. Twain, p. 270)

Литература:

1. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., ВШ, 1984.
2. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М., 1971.
3. Апресян, Ю. Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании — В кн: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., Наука, 1971.
4. Арбат, Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения. Черновцы, 1976.

Специфика политической лексики в текстах англоязычных антиутопий

Мартынова Евгения Александровна, кандидат филологических наук

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

Антиутопическое произведение является смоделированным автором видением политического устройства тоталитарного государства. Безусловно, стоит учитывать, что именно авторы произведений вкладывают соответствующие речи в уста персонажей тоталитарного общества. Таким образом, стоит предположить, что речь персонажа смоделирована так, что она содержит элементы политического дискурса в вымышленном, художественном тоталитарном государстве. Создавая художественную модель государства и общества, автор использует специальную лексику, которая способствует пониманию читателем интенций, направленных на предостережение того, к чему может привести тоталитарный режим в будущем [2]. В

4. Повторения. В эмоционально-интеллектуальных предложениях повторения участвуют в качестве одного из грамматических средств, выражающих эмоциональность. Они подтверждают мысль и усиливают эмоциональность. В процессе речи повторяется самый важный и необходимый для коммуникации член предложения или предложение. При этом используется восклицательная интонация, усиливается экспрессивно-эмоциональный смысл. Например:

Well, one night I crept to de do» poofy late, en do do» warn»t quite shef, en I hear old missus tell de wider she gwyne to sell me down to Orleans, but she didn»t want to, but she could git eight hund»d dollars for me, en et «uz sie a big stack o»money she couldn» resis! (M. Twain, p. 272)

De wider she try to git her to say she wouldn»t do it but I never waited to hear de res! I lit out mighty quick. I tekk you. (M. Twain. Н. Р. р. 272)

Как показывают фактические материалы, в эмоционально-интеллектуальных предложениях часто наблюдаются повторения сказуемых. Это объясняется тем, что сказуемое является членом, указывающим на модальность, личность, число и время, иными словами, выражающим предикативность.

связи с этим выбор лексики в антиутопических произведениях заслуживает особого внимания.

Для выявления характеристик политической лексики в речи персонажа и речи автора в текстах англоязычных антиутопий необходимо провести многоэтапное исследование лексики:

- 1) определить понятие политической лексики;
- 2) выявить лексический состав текстов произведений с помощью компьютерной программы определения рейтинга слов;
- 3) выделить политические лексемы из списка лексем в текстах произведений и верифицировать их значения по словарям политической лексики и по контексту;

4) выделить прямую речь персонажей из всех текстов произведений с целью определений специфики языков, на которых говорят персонажи;

5) определить количество политических лексем в речи автора и речи персонажей произведения.

На первом этапе исследования были проанализированы мнения ряда лингвистов о том, какую лексику можно считать политической. В отечественной лингвистической литературе для обозначения политической лексики абсолютно равносильно функционируют термины «политическая лексика» [5, 6] и «общественно-политическая лексика» [1]. Исследователи используют два разных термина, характеризующих одно понятия. В нашем исследовании, вслед за А. П. Чудиновым, мы будем использовать термин «политическая лексика» [5].

На втором этапе исследования для выявления лексического состава текста были использованы компьютерные программы фильтрации лексики текста. Одним из результатов фильтрации текста является установление рейтинга частотности лексем в тексте. При этом все лексемы выстраиваются в колонку в порядке уменьшения их рейтинга по частотности. Эта колонка лексем дает полное и наглядное представление о лексическом составе текста. В нашем исследовании для осуществления частотного анализа использовалась компьютерная программа *Wordstat v 1.1*, имеющаяся в свободном доступе в сети Интернет. При использовании данной программы компьютер представляет всю использованную в тексте лексику в виде столбика слов, расположенных по принципу частотности употребления в тексте. Следует отметить, что наиболее частотными лексемами в любом тексте в любом языке будут являться артикли, союзы, предлоги, вспомогательные глаголы, местоимения, а также имена главных персонажей художественного произведения [3]. Исследование частотности лексем в художественных произведениях может быть весьма продуктивным и продемонстрировать и ключевые слова в тексте, и словотворчество писателя и его стиля, мастерства владения словом [4].

Каждый текст из числа анализируемых антиутопий по отдельности был обработан с помощью программы определения частотности слов текста *Wordstat v 1.1*, был определен рейтинг лексики текстов антиутопических произведений. Из полученных списков слов с указанием их численной частотности использования в тексте (при отфильтрации артиклей, предлогов, союзов, местоимений, глаголов-связок, имен собственных героев, географических названий) методом сплошной выборки была выделена лексика, имеющая в своем значении постоянные семы «общественный», «политический», «социальный», «государственный». На следующем этапе с помощью контекстуального анализа фрагментов текста, содержащих анализируемые лексические единицы, была осуществлена верификация политической лексики, то есть была установлена принадлежность выявленной лексики к разряду политической.

При этом стоит отметить, что ряд лексем, как, например, *democracy, government, patriotism, politics, society, president, republic* и пр. не вызывали сомнений в своей принадлежности к политической лексике. Однако многозначность ряда слов требовала уточнения по контексту. Так, например, в антиутопии Дж. Оруэлла «1984» наиболее частотной лексемой является слово *party* (275 раз). Контекстуальный анализ фрагментов текста, полученных с помощью компьютерного поиска лексем, показал, что лексическая единица *party* выражает ведущую *политическую партию* государства антиутопии романа «1984» и выступает лексемой политического словаря в значении «*политическая партия*». Причем используется эта лексема практически во всех случаях или с заглавной буквы с артиклем *the Party*, или в словосочетаниях *Inner Party/Outer Party*, что, безусловно, подтверждает принадлежность данной лексемы к числу политической лексики.

Однако ряд слов, как, например, *power, freedom, decoration, control* и пр., в текстах антиутопий употребляются в разных значениях. Лексема *power* выступает в текстах в значении *физической силы, моральной силы, власти*. Именно последнее значение представляет интерес для целей нашего исследования, так как власть является неотъемлемой частью политики. *Power is not a means, it is an end. The object of power is power*. Во многих случаях был необходим миниконтекст словосочетания для верификации значения лексемы и политического оттенка: *member — member of the Party* (член Партии), *rights — war of German rights* (война за права немецкого народа), *principles — principles of Animalism* (принципы Анимализма), *equality — social equality* (социальное равенство), *enemy — enemy of society / enemy of the State* (враг общества / враг Государства), *documents — secret documents* (секретные документы), *agent — enemy agent* (вражеский агент), etc. Таким образом, была получена лексика, относящаяся к категории «политической», в составе текстов исследуемых антиутопических произведений.

На следующем этапе исследования было осуществлено выделение прямой речи персонажей из всего текста произведения с целью определения специфики их речи или искусственных языков типа «новояз», на которых говорят персонажи. Следует подчеркнуть, что деление текстов произведений на речь автора и речь персонажей — исключительно грамматическое, то есть с учетом прямой речи. Проанализировав в отдельности речь автора и речь персонажей в текстах англоязычных антиутопий, было выявлено, что во всех анализируемых произведениях речь персонажей по объему меньше речи автора и составляет от 15 до 45% от общего числа слов текста антиутопии.

Для определения количества политических лексем в текстах речи автора и речи персонажей антиутопии было произведено деление на два отдельных текста в каждом произведении для решения задачи на данном этапе, затем было проведено исследование лексики с помощью ком-

пьютерной программы *Wordstat* по вышеуказанным параметрам.

Полученные данные представлены в таблице 1, где в колонке 2 указаны политические лексемы в тексте. Колонка 3 показывает общее количество лексем в речи персонажей и в речи автора в каждом тексте антиутопий. Колонка 4 дает информацию о числе словоупотреблений политической лексики в тексте с учетом их частотности, что было выявлено с помощью программы *Wordstat*. Колонка 5 показывает общее число слов в тексте. Для

этого показателя в данной работе мы будем использовать термин, используемый в компьютерной программе *Microsoft Office Word*, — «статистика слов в тексте». Колонка 6 показывает среднее число словоупотреблений политических лексем в речи персонажей в исследуемых текстах. Для этого показателя в нашей работе мы будем использовать термин «насыщенность текста политической лексикой». В последней колонке представлена насыщенность речи автора или речи персонажей анализируемых антиутопий политической лексикой.

Таблица 1

Соотношение политических лексем в речи автора и речи персонажей антиутопий

Антиутопии	Политические лексемы в тексте	Общее количество лексем текста	Число словоупотреблений политических лексем в тексте	Статистика слов в тексте	Среднее число словоупотреблений политических лексем в тексте	Насыщенность текста политической лексикой
<i>Речь автора</i>						
1984	69	8423	879	80676	12,7	1,09 %
Animal Farm	40	3705	182	25550	4,55	0,71 %
City of Endless Night	40	6825	221	47328	5,53	0,47 %
Fahrenheit 451	2	3655	11	25131	5,5	0,04 %
Brave New World	8	6921	21	40570	2,63	0,05 %
Anthem	13	1431	113	16331	8,69	0,69 %
Sound of His Horn	19	3992	33	22892	1,74	0,14 %
<i>Речь персонажей</i>						
1984	36	3070	185	18756	5,1	0,99 %
Animal Farm	16	1214	104	4624	6,5	2,25 %
City of Endless Night	44	4450	235	37731	5,3	0,62 %
Fahrenheit 451	14	3400	50	20686	3,6	0,24 %
Brave New World	13	4100	53	23132	4,07	0,23 %
Anthem	4	979	6	2887	1,5	0,2 %
Sound of His Horn	4	3357	12	17270	3	0,07 %

Анализ лексики антиутопий на данном этапе исследования позволил прийти к выводу, что речь автора преобладает в объеме над речью персонажей в анализируемых антиутопиях. В текстах антиутопий и речь персонажей, и речь автора отличаются немалой насыщенностью политической лексикой. Наибольшей насыщенностью речи автора политической лексикой отличается роман Дж. Оруэлла «1984» (1,09%), наименьшей насыщенностью — роман Р. Бредбери «Fahrenheit 451» (0,04%). В речах персонажей наибольшей насыщенностью политической лексикой отмечена повесть Дж. Оруэлла «Animal Farm» (2,25%), а наименьшей насыщенностью — антиутопия «Sound of His Horn» (0,07%). Кроме того, было выявлено, что все политические лексемы многократно повторяются. Среднее число словоупотреблений политических лексем в речи персонажей от 1,5 до 6,5, что не-

сколько ниже среднего числа словоупотреблений в речи автора от 1,74 до 8,69. Кроме того, насыщенность текста политической лексикой речи автора не совпадает с тем же показателем в речи персонажей, и в речи автора варьируется от 0,04% до 1,09%, а в речи персонажей — от 0,07% до 2,25%. При этом среднее число процентного соотношения насыщенности текстов политической лексикой в речах персонажей составляет 0,66%, что выше, чем среднее число насыщенности в речи автора антиутопий — 0,46%.

Все вышесказанное позволяет заключить, что речь автора и речь персонажа имеют некоторые различия в аспекте употребления политической лексики. Речь персонажа несколько более насыщена политической лексикой, она более разнообразна и число ее словоупотреблений в среднем несколько выше, чем в речи автора.

Литература:

1. Заварзина, А. Г. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80–90-е годы XX века: дис. канд. филол. наук / А. Г. Заварзина. — Воронеж, 1998. — 232 с.
2. Ланин, Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. д-ра филол. наук. — М., 1993. — 289 с.
3. Сребрянская, Н. А. Интерпретация текста. Анализ дискурса: учебно-методическое пособие / Н. А. Сребрянская. — Воронеж: ВГПУ, 2010. — 88 с.
4. Сребрянская, Н. А. Новые возможности лингвистического исследования художественного текста с помощью компьютера / Н. А. Сребрянская // Вестник Томского гос. пед. ун-в. Сер. «Гуманитарные науки. Филология». — 2007. — Вып. 2 (65). — с. 65–68.
5. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация / А. П. Чудинов // Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2009. — 292 с.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал // М.; Волгоград, 2000. — 368 с.

Comparative analysis of the concept «woman» in English and Uzbek proverbs

Махмудова Нилуфар Равшановна, преподаватель

Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура (Узбекистан)

Gender analysis of Uzbek and English phraseological units showed that the negative nature of a woman exceeds the positive one in both languages. We think that the dominance of negative over the positive in language is connected not with the gender factor but the exception of reality by human being, i. e. negative is considered as non acceptable norm in society.

The analysis of women's and men's nature has proved that courage and bravery is characteristic of men. But this character is described more clearly in Uzbek. The stereotype of «henpecked» is clearly described in English: *petticoat government, the gray mare*.

The analysis of the physiological character «appearance» has shown that this concept is much more significant for English women: *A man is old as he feels and a woman as old as she looks*. Uzbek women appreciate inner beauty rather than outer. Uzbek woman is honored and clearly expressed in the symbol of *mother* and *housewife*.

Gender analysis of the social, psychological and physiological characteristics of men and women proves the existence of androcentrism (dominance of masculinity) in both languages. Hence, there are examples that reduce androcentrism. We should note that such examples occurred mostly on English materials: *an ass with two pennies, a rose between two thorns, be in petticoats, the gray mare is better horse, a weak sister*.

In Uzbek: *Ўелинг ахмоқ бўлса ҳам, келининг доно бўлсин — Let your son be stupid but daughter in-law clever; «Хотин бўйин — эр бош» — Wife is neck, and husband — head*.

These results allow us to say that androcentrism does not fully cover the language.

The analysis of proverbs connected with the woman's world picture clearly demonstrated a negative trend characterizing her human qualities. Negatively evaluated charac-

ters include: grumpiness, cunning, infidelity, lack of intellect, danger posed by a woman, a woman as a destroyer of a family and indifference to her husband's relatives.

Grumpiness:

Элакка борган аёлнинг, Эллик оғиз гапи бор; Кизил тилим тиёлмадим, Кизимникигаборолмадим;

Cunning:

Бир хотиннинг хийласи, Қирқ эшакка юк бўлар.

Infidelity:

Ўйнашга ишониб, Эрсиз қолма; Эри бўлиб эрга борган — бет қораси, Эли бўлиб, элга борган — юрт тўраси; Ёмон хотиннинг ўйнаши кўп.

Lack Of Intellect:

Хайт деса ит югурар, Итдан аввал — қиз

Danger Posed By A Woman

Болага тегма, балоси чиқар, Хотинга тегма, қасоси чиқар;

Indifference to her husband's relatives:

Хотин сўзини қондирар, Эр уругидан тондирар; Келса хотин уруги топилади йўриги, Келса эрининг уруги, бўлар юрак буруги.

In proverbs positively characterizing feminine qualities are female intellect, beauty, thrifty, ability to understand her husband and be his advisor.

Woman's Beauty:

Сумбул тақимда, Йигит кўзи унда; Гул ўсса — ерининг кўрки, Қиз ўсса — элнинг кўрки; Ерга рош ярашар, Қизга — қош.

Woman's Intellect:

Ақлдор бўлса ҳам йигитнинг хотини, яхшиликка чиқарар йигитнинг отини;

Ақлли қизни йиглатиш ҳам қийин, кулдириш ҳам; Аёлнинг ҳусни пардозда эмас, ақлида; Ақлсиз хотин ҳусини кўз-кўз қилар, ақлли хотин — ақлини.

Husband»s advisor:

Эр-хотин — қўш ҳўкиз; Эр-хотин — қўш қанот; Ражаб тулки қоровул бўлди,

Хотини эровул бўлди; Ражаб тулки тегирмончи бўлди, Хотини умарончи бўлди; Хотин — эрининг вазири; Хотин — бўйин, эр — бош.

Housewife:

Яхши тўн — тўй савлати, Яхши хотин — уй зийнати; Хотинли рўзгор гулдир,

Хотинсиз рўзгор чўлдир; Хотинсиз уйни кўр — қаро ерни кўр.

To the stereotype of **old maid** is prescribed only positive evaluation:

Ўтирган қиз уй топар; Ўтир қизим, ўрин топ;

Пиш қозоним беш ой, Ўтир қизим олти ой.

At the same time Uzbek lexeme «**kelin**» (daughter in-law) is ascribed to negative assessment only: greediness, theft, gluttony, scandalousness. Moreover, this lexeme is used in combination with coarse colloquial vocabulary, which also reduces its emotional and stylistic coloring. For example:

Bride is a broom of mother in-law.

Келин қиз бўлмас, Кўёв — ўгил; Келинга келин бўлмасанг, келисон тегар бошингга; Қайнаники — ўртада, Келинники — халтада; Келишмаганнинг келини — ўгри; Емайман деган келин, Енгдек ҳасипни ер; Емайман деган келин, Рапида билан рапчани ер; Келин — қайнона супургиси; Келинимнинг йиғлагани — Эшагимнинг ҳанграгани; Қиз чоғим — султон, Келин чоғим — ултон.

In this case we can assume that the language is conservative, supporting old prejudices. Today, «kelin» is acquiring a different status in Uzbek families. Though, there are always exceptions.

Male world picture, as well as male power predominantly prevails in Uzbek proverbs. Above all, it is the power over the woman, dependency of a woman on somebody»s will, the desire to have a son rather than a daughter at birth, men have more right to choose than women, the dependence of a wife on her husband.

Compare the appraisal of men and women by their age in Uzbek:

He who is a true man at thirty, a lion at forty.

A woman at thirty is a log.

The latter can also be seen as a sign of conservative language.

Concept can be understood as a mental formation, which possesses a specific cultural value, and represents elements of the world for people in the course of reflection and communication [11]. A national-cultural specificity of the concept as a unit of mentality is revealed in the comparative study of concepts in the linguistic consciousness of different peoples. The study of concepts is valuable because it helps us to identify the culturally specific world view of a certain linguistic-cultural community. It also allows us to understand the word (as a lexical unit) in the context of culture, cognition, and communication.

«Woman» is one of the key concepts in a culture, which has an existential significance both for a linguacultural community. The concept «woman» can be found in every ethnic culture, its existence is universal.

To compare the concept of woman in English and Russian we identified and described the conceptual, figurative and evaluative aspects of the concept «woman», and conducted a comparative analysis of the concept on these aspects.

The stereotype of «Evil woman» prevails in English proverbs rather than Uzbek proverbs.

There is no devil so bad as a she devil.

Women are like wasps in their anger.

History of the country, ethnographic realities of tools to clothing;

landscapes, climate, flora and fauna, the echoes of ancient religious beliefs,

detailed picture of modern social organization are more peculiar to English proverbs.

When the daughter is stolen, shut Pepper Gate.

Arthur couldn»t tame woman»s tongue.

Who goes to Westminster for a wife, to Paul»s for a man and to Smithfield for a horse, may meet with a whore, a knave and a jade.

Significant place in English, unlike Russian, occupied by a group of proverbs wearing sexist nature in which women are compared with non-human nature.

A woman, a dog, and a walnut tree, the more you beat them the better they be.

Woman is woe to man.

The positive stereotype of MOTHER is always honored in both languages.

A mother»s love never ages.

A man»s mother is the other God.

Онангни қуёш билсанг, отангни ой бил

Interesting fact, that both cultures show the dependence of women on man.

A good husband makes a good wife.

Хотин чиройи эрдан

Despite all the individual national characteristics, in English and Russian peoples of many proverbs with similar meaning. This can be explained human values: in fact there are concepts, attitudes, beliefs common to all peoples. So many gems of folk wisdom are international. Russian proverbs often can pick up English with the same meaning. Some of them are almost identical.

Women have long hair and short brains.

Сочи узун, ақли калта

There is a dominating thought of necessity of a marriage for men as well as for women in English and Uzbek cultures:

A man without a woman is like a ship without a sail

Хотин умр йўлдоши

There are many more comparative phraseologisms for a bad and angry wife which have favored to formation of a «submissive wife» image. A woman unsatisfied with her position and speaking against male despotism was strongly

criticized. Physical abuse of women used to be a common thing in both cultures.

Ex.: Women, like gongs, should be beaten regularly

Қудали хотин қўйруқ ер, Эрли хотин — калтак.

A greater number of proverb comparisons is devoted to psychological aspect of woman's character with an evident prevalence of negative connotation in both language. Mostly portrayed features of woman's character are

Garrulity: **A woman's tongue wags like a lamb's tail; to chatter like a magpie.**

Элакка борган аёлнинг

Эллик оғиз гапи бор.

Quarrelsome, cantankerousness: **Women are like wasps in their anger; to swear like a fishwife. Болага тегма, балоси чиқар,**

Хотинга тегма, қасоси чиқар;

One of basic metaphors in linguistic competency of English culture native speakers is that «Woman is a cantankerous being».

Craftiness, cunning, danger proceeding from women. Example: Sorrow for a husband is like a pain in the elbow, sharp and short. A woman can do more than the Devil.

Бир хотиннинг хийласи

Қирқ эшакка юк бўлар.

English women as personification of dissipation belonged to demonic powers in mythology:

Better dwell with a dragon than with a wicked woman.

One of woman's vices is squandering:

A woman can throw out on a spoon more than a man can bring on a shovel.

A woman can throw out of the window more than a man can bring in at the door.

Эр топувчан булса, Хотин тақувчан бўлар

Tearfulness has always been considered as a working tool in relationships as well as critical situations:

A great pity to see a woman cry as a goose go bare-foot.

Келинимнинг йиғлагани, эшагимнинг ханграгани

Positive connotation in English phraseologisms devoted to the image of a woman is less spread.

In proverbs positively characterizing feminine qualities are female intellect, beauty, thrifty, ability to understand her husband and be his advisor.

The comparative analysis of the concept nominations *woman* show that the diversity of the nominations is peculiar to the Uzbek concept woman.

References:

1. Abduazizov A. Tilshunoslik nazariyasiga kirish. — T.: Sharq, 2010 y.
2. Ашурова Д.У. Стилистика и гендерная лингвистика // Филология масалалари. — Тошкент, 2007. — № 3 (16). — с. 75–79.
3. Абдуллаев М.А. Грамматический род как лингвистическая категория (на материале разносистемных языков): Дис. ... канд. филол. наук. — Нукус, 2007. — 155 с
4. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика Текст.: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М.: Флинта: Наука, 2003. — 496 с.

Attention is drawn to the fact that the image of women on the Uzbek material is much wider, not only in quantity but also in quality. It reflects various social roles, relationship, stages of their life, their varied tasks and skills. This fact sharply contradicts to the English material. The number of nominations of the concept in language is directly proportional to the cultural significance of family relationships for Uzbek people. The following tables show nominations of the concept *woman* used in English and Uzbek proverbs

lexemes	
Girl	Aunt
Nurse	Widow
Lady	Maid
Grandmother	Wife
Daughter	
Sister	

lexemes	
Хотин	Эгачи
Қиз	Амма
Келин	Қайнсингил
Қайнона	Қайн эгачи
Аёл	Сингил
Қундош	Опа-сингил
Янга	Хотин-қиз
Эна	Бева
Овсин	Хола
Кампир	

In spite of the existence of firm images of men and women in the language picture of the world modern English language has a peculiarity of feminine lexis to dominate within lexical phraseological fund. This is to stress significance of a woman in various spheres of life. The femininity stereotype is defined clearly in comparison with the maleness stereotype. In greater degree personal rather than biological characteristics are fixed. Analysis of PU witnesses of a high relevancy of mentally negative characteristics of a «Woman» concept which have been fixed in English and Uzbek language consciousness, mentality and culture as well as objectified in language at the phraseology level. Negative evaluation of instructions of woman's qualities in relation to man testifies of maintaining survivals with male preference as granted.

5. Баженова, И. С. Гендерные аспекты невербальной коммуникации Текст. / И. С. Баженова // Общество и гендер: материалы Летней школы в Рязани 1–12 июля 2003 г. — Рязань: Поверенный, 2003. — с. 24–32.
6. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) Текст. / В. С. Виноградов. М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
7. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы Текст. / В. С. Виноградов. — М.: Высш. шк., 1978. 350 с.
8. Ольшанский, И. Г. Гендерные исследования как одно из направлений социалингвистики Текст. // Проблемы социалингвистики и многоязычия. М.:Наука, 1997. — Вып. 1. — с. 32–34.
9. Baker M. Translation and Conflict. НК., 1997.-p. 68.
10. Berghout Anita. Lectures at Newcastle University 27/7/05; 31/8/05; 7/9/05; 14/9/05; 12/10/05. (www. Newcastle University. org.)
11. Neroznak V.P. From concept to word: the problem of Conceptualism Philology / V.P. Neroznak // Questions of Philology and methods of teaching foreign languages: collection of scientific papers. — Omsk: Omsk State University, 1998. — pp. 80–85.

The role of intonation in translation

Mingboyeva Muborak Nabiyevna;
Latibjonov A»zamjon Akramovich;
Andizhan state university, Uzbekistan

The article is devoted to the importance of intonation in learning foreign languages. And also different types of intonation in pronouncing the sentences.

Keywords: *intonation, foreign language, translation, accept, abridged, vocabulary, influence, change, tendency, generation*

The national peculiarity of a culture is a very wide — ranging phenomenon that manifests itself in various ways, both obvious and subtle. In its linguistic and stylistic expression it can never be translated, but merely conveyed. It actualizes itself in certain realia that is linked with the specific history of a nation in traditions and links with certain folklore. It is very important to take into consideration the national peculiarity of culture while translating from one language into another.

Intonation also plays main role in the sentence. That's why in translating we'd pay attention to the intonation while giving the exact idea of the sentence. Intonation is more or less important to various languages and more or less vividly expressed in different genres and by different writers. Intonation is always present, because it is endemic to the language itself and partly, graphically expressed in it. To convey the intonation is one of the hardest translation problems — just as it is hardest to acquire for the language study. In addition, it is not one problem but several. There is the national intonation of a language, and a social intonation, and the individual intonation of a particular poet or author in drama, and in modern dialogue. Prose characters also have individual intonations. In this case we can take the novel by Hemingway «The sun also rises». In this novel the main character says: «*You are Flamand.*» In Russian it can be as: «*Ты надеюсь не фламандец?*», and in Uzbek: «*Siz Flamendiyalik emasdirsiz deb u mid qilaman?*»

The meaning of some words also depends on the intonation, how we pronounce them. There are a lot of words

in English which can have different meaning when we pronounce them. Among those words we can give as an example such words in English, Russian and Uzbek: «*presently*», «*thus*», «*as it were*», «*though*», «*according*» and so on.

In Russian we may say: «*же*», «*ли*», and «*так сказать*».

In Uzbek: «*hozirda*», «*binobarin*», «*qaramasdan*», «*shunday qilib*» «*o»shanda*», «*ammo*».

When we utter words with a dropping intonation the meaning of the word can be contradicting. We have the same kind of implication in phrases like «*You are not going, are you?*»

In Uzbek it would read: «*Siz bormoqchi emassiz, shundaymi?*»

This example shows that the tag question also plays main part in translation. In this case we can take this statement: «*You would not like to help me, would you?*»

The intonation is down. It implies hope, a modest appeal.

«*You'd like to help me, would not you?*»

We intone again. It may mean: *I know you would, but I am not sure if I share your hope or not.*

In another context it may mean: «*I would be glad to accept your help but I am not sure I can.*»

«*That was not very nice of you, was it?*»

If the intonation goes down; it expresses *my confidence that you share my view.*

The disjunctive question often expresses the English tendency of understatement. In translations into Uzbek it may serve as a very expressive means of implying, the right shade of meaning, for example:

«*Bu yer juda gozal, shunday emasmi?* — «*It is lovely here, is not it?*»

«*I do think he is wrong, don't you?*» — «*U nohaq deb o'ylayman, shunday emasmi?*»

Abridged forms like: «*I will*», «*we're*», «*they'd*» and so on while using certain voice, with certain intonation can be seen even «*old fashioned.*»

As an example we can take John Galsworthy's Forsytes trilogies, where some generation uses this form less frequently than the young Forsytes do. It is one of the ways in which Galsworthy presents the difference between two generations. It is note worthy that American accept abridged forms much more widely than does in English. The meaning which is important in translation maybe:

1) Careless speech linked with a sense of hurry, which partly applies to the young forsytes, and particularly to American speech habits;

References:

1. Влахов С. Непереводимое в переводе. М., 1980
2. Любимов Н. Перевод — искусство. М., 1996

2) It may show tension in the speaker as we perceive in Salinger's stories;

3) It may voice abruptness, in which case abridged form will be contrasted to unabridged speech.

Among American abridged forms there are a lot of special kinds of vocabulary that not every English person can at ones understand, in the manner of Salinger's speech. For example: «*gimme*» (*give me*) — *menga ber*, «*forchissake*» (*for Christ's sake*) — *Hudo haqi*

Deliberate avoidance of habitually abridged forms is meaningful, indicative of the historical period as we may see in the contrast between the speech of the old and young generations. Changes from one form to the other are important to note, even if they are not reproducible in the same way. They will be decisive for choice of vocabulary, seance they throw curtain light on the character of the speaker. Choice of vocabulary is one of the main ways of compensating for the international shade implied by an abridgement.

Thus the role of changes in translation and the kinds of vocabulary influences to the translation from one language into another.

Сложноподчиненные предложения с уступительной семантикой: общая характеристика, структура, особенности употребления в современной речи

Мусатова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова

В данной статье дадим общую характеристику сложноподчиненных предложений, выражающих уступительные отношения, подробно рассмотрим порядок размещения частей в уступительной конструкции, отметим некоторые особенности употребления данных конструкций в современной речи, в средствах массовой информации.

«Сложноподчинённые предложения с уступительной придаточной частью представляют собой синтаксическое целое: в одной части излагаются факты, которые могли бы служить основанием для того или иного вытекающего из них следствия; в другой же части имеется следствие, обратное тому, какого можно было бы ожидать на основании сказанного в первой части» [7, с. 3].

Н. А. Донец считает, что сложные уступительные конструкции «указывают на совершение действия в главной части вопреки тому условию, которое дано в придаточной части, то есть они обозначают не принятое во внимание условие» [6, с. 32]. Таким образом, сущность уступительных отношений составляет нарушение обычных связей, наличие следствия, противоречащего тому, что ожидается.

Сложные предложения с уступительными придаточными Н. А. Донец делит на две разновидности: частноуступительные и обобщённо-уступительные.

1. Частноуступительные конструкции в отличие от обобщённо-уступительных обычно выражают допущение какого-то конкретного действия, явления, следствия или уступку, согласие на любое из перечисленных в данном предложении обстоятельств. Например: *Потом увидел ясно он [Онегин], что и в деревне скука та же, хоть нет ни улиц, ни дворов, ни карет, ни балов, ни стихов (А. С. Пушкин)*. Уступка в предложениях данного типа носит более частный, ограниченный характер.

В сложноподчинённое предложение может входить не одна частноуступительная конструкция, а несколько, что подчёркивает, усиливает ощущение противоречивости ожидаемого, ощущение не принятого во внимание условия, свидетельствует о предельности уступки. Например: *Да, то была родимая земля, хотя над ней чужое было небо, хотя над ней медовый вянул цвет (А. Т. Твардовский)*.

2. Обобщённо-уступительные придаточные части присоединяются к главной относительными местоимениями и наречиями с усилительно-отрицательной частицей **ни**, которая и придаёт конструкции обобщённый характер. Например: **Как бы вы ни напрягали зрение, сколько бы ни смотрели на два тончайших стёклышка, вы не увидите ничего** (В. Каверин).

В.А. Белошапкина именует первые уступительными предложениями свободной структуры, вторые — уступительными предложениями связанной структуры [2].

В СПП с уступительным значением «выражаются отношения обратной стимулирующей обусловленности: придаточная часть сообщает об основании для явления, противоположного (обратного) тому, о котором сообщается в главной части» [5, с. 720], то есть придаточное уступительное указывает на факт, противоречащий содержанию главного предложения. То, о чём сообщается в придаточном, должно было бы привести к результатам, противоположным тем, о которых говорится в главном предложении.

В.В. Бабайцева отмечает, что придаточные уступительные «имеют значение обратного следствия, то есть следствия, противоположного ожидаемому» [1, с. 70].

Придаточные уступительные отвечают на вопросы: *несмотря на что?* или *вопреки чему* совершается действие?

Анфиса куталась в платок, хотя вечер был тёплый и на яблонях не шевелился ни один листок (К.Г. Паустовский). **Несмотря на то что** меня осыпает дождевыми каплями, рву мокрые ветки распутившейся черёмухи (Л.Н. Толстой).

Порядок размещения частей в уступительной конструкции относительно свободный. Придаточные уступительные по отношению к главному могут находиться:

а. в постпозиции: *За мою тележкую четвёрка быков тащила другую, как ни в чём не бывало, несмотря на то что она доверху наложена* (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»); *Коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу, даром что он гол как сокол* (А.С. Пушкин «Дубровский»);

б. в препозиции: **Хотя** было ещё рано, но ворота оказались запертыми (В.Г. Короленко);

в. в интерпозиции: *Мальчик с пальчик, даром что мал, был ловок и хитёр* (Л.Н. Толстой).

Если придаточное уступительное употребляется после главного, то оно имеет собственно-уступительное значение: распространяет главное при помощи указания на факт, противоречащий его содержанию, затрудняющий осуществление действия, о котором говорится в главном предложении. Главное предложение закончено по форме и содержанию, так что придаточное мыслится как добавочное сообщение. Поэтому уступительное значение часто сопровождается присоединительным оттенком значения.

Уступительные придаточные постпозитивные могут относиться к какому-либо одному члену или составу одного

члена главного предложения: *Услыхав голос Анны, рядная англичанка...вошла в дверь и тотчас начала оправдываться, хотя Анна ни в чём не обвиняла её* (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Постпозитивное придаточное семантически ослаблено, часто является «закрывающей прибавкой, после которой контекст уже не развёртывается» [8].

Если придаточное стоит в интерпозиции, то оно обычно имеет характер добавочного замечания, приближается по значению к вводно-вставочным предложениям.

Интерпозитивные уступительные предложения находятся внутри главного предложения, между его членами: *Суждения людей, какие бы они ни были, имели для него огромную важность* (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Стоящее на первом месте придаточное обуславливает наличие главного предложения, а часто и его строение. В данном случае речь идёт о двусторонней зависимости.

Если придаточное уступительное находится перед главным, то в сложноподчинённом предложении довольно часто выражаются уступительно-противительные отношения. Предложения строятся по схеме: уступительный союз (1) + противительный союз (2).

Союз **но** вносит в предложение оттенок логического противопоставления двух явлений: **Хотя (1)** Рогожин говорит, что уехал тихонько, **но (2)** его уже поджидали несколько человек (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

Союзное соотношение **хотя...но** мы обычно встречаем там, где автор или герой излагают свои взгляды на определённую жизненную ситуацию, выражают свою жизненную позицию: **хотя** она поспела только к середине службы и стояла в церковных сенях, **но** её приход был тотчас же замечен всеми находившимися в церкви (А.И. Куприн).

Конструкции с сочетанием **хотя (хоть) ... а** имеют следующее значение: явление, обозначенное в главной части, устраняет возможное следствие проявления того, о чём говорится в придаточной части: **Хоть** брат Павел и виноват передо мной, **а** я его всё-таки люблю! (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлёвы»); **Хотя** грудь его увешана крестами, **а** чины нейдут (М.Ю. Лермонтов).

Предложения данного типа встречаются в наших выборках крайне редко.

Сочетание **хотя (хоть) ... однако** указывает, что явление, обозначенное в главной части, не устраняет возможного следствия того, о чём говорится в придаточной части, но не сходно с ним: **Хотя** многое из тех планов, с которыми он вернулся в деревню, и не было им исполнено, **однако** самое главное, чистота жизни была соблюдена им (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Конструкции с двойным союзом **хотя (хоть) ... да** представляют собой чаще всего краткие выводы, заключения, по форме, лаконизму и экспрессии близкие к пословицам: *Слышал я истину бывало: хоть лоб широк, да мозгу мало* (А.С. Пушкин).

Союз **да**, выражая противопоставление, вносит в уступительные предложения и присоединительный оттенок: *Хоть и лепту одну подали, да за лепту эту помнит мне господь* (И.А. Бунин).

Конструкции с двойным союзом **хотя (хоть) ... да** больше свойственны разговорному стилю речи и в современном русском языке встречаются редко.

Двойное союзное соответствие **хотя (хоть) ... зато** употребляется в предложениях, где обозначенное в главной части явление полностью замещает возможное следствие проявления того, о чём идет речь в придаточной части. Таким образом, союз **зато** вносит в уступительные отношения оттенок возмездительного противопоставления. Например, *Теперь на свадьбе хоть сидеть тебе и нельзя, зато плясать будешь больше...* (В. Короленко).

Предложения, части которых соединены союзами **хотя (хоть) — а, но, да (=но), однако, зато**, получают в языкознании разноречивые оценки: одни учёные относят их к сложносочинённым, другие — к сложноподчинённым, третьи выделяют их в особую группу сложных предложений как «переходные между сочинением и подчинением» [1], где сочинительные противительные союзы подчёркивают, усиливают значение несоответствия, противоречия, которое лежит в основе уступительных отношений.

В своей статье мы придерживаемся мнения, что данные предложения являются промежуточным типом между сочинением и подчинением, потому что в них выражаются уступительно-противительные отношения: уступка — союзами **хотя, хоть**, противопоставление — союзами **а, но, да (=но), однако, зато**. Если опустить подчинительный союз, получим типичное сложносочинённое предложение (пример 1), если опустить сочинительный союз, получим типичное сложноподчинённое предложение с уступительным придаточным (пример 2).

1. *Ложь ещё живёт, но совершенствуется только правда.*

2. *Хотя ложь ещё живёт, совершенствуется только правда.*

Промежуточный (переходный) между сочинением и подчинением характер некоторых уступительных конструкций, проявляющийся в употреблении в одном предложении подчинительного уступительного и сочинительного противительного союзов, связан с препозицией (реже — с интерпозицией) уступительной придаточной части.

И хотя у меня не было времени изучать новые роли, я всё-таки учил их на ходу, по ночам (Ф.И. Шаляпин).

...вдруг они оба почувствовали, что хотя они и друзья, хотя обедали вместе и пили вино, но каждый думает только о своём (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

А.В. Богомолова считает, что «наличие промежуточных конструкций обусловлено отсутствием резких

границ между сложноподчинёнными и сложносочинёнными предложениями по выражаемым ими отношениям. Так, уступительные отношения находят более отчётливое выражение при употреблении уступительных союзов и выражены менее чётко без них» [3, с. 49].

Хоть видит око, да зуб неймёт (И.А. Крылов). — Ср.: *Видит око, да зуб неймёт*.

Далее отметим некоторые особенности употребления сложноподчинённых конструкций с уступительной придаточной частью в современной речи, в средствах массовой информации.

В начале XXI века в современном русском языке всё более активизируется синтаксис актуализированный — «с расчленённым грамматическим составом предложения, с выдвижением семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции, с нарушением синтагматических цепочек, с тяготением к аналитическому типу выражения грамматических значений» [4, с. 184]. Все эти качества синтаксического строя в избытке представлены в синтаксисе разговорном, обращение к которому со стороны книжного синтаксиса опирается на внутренние возможности языка и поддерживается социальными факторами времени.

В связи с усилением влияния разговорного синтаксиса на письменную речь в современном русском языке наблюдается тенденция к расчленению синтаксических построений, отход от синтагматически выверенных сложных конструкций с относительной законченностью грамматической структуры. Это явление можно показать на примере парцеллированных конструкций.

Анатолий Ким — тот редкий писатель, о котором позволительно говорить высоким слогом. Хоть бы потому, что он сам относится к миру с любовью возвышенной и нежной (Литературная газета, 1999, 16–23 июня).

[Анатолий Гладиллин]: *Вася Аксёнов сказал мне: если хочешь издаваться в России, то и жить надо в России. Хоть бы чаще там бывать* (Российская газета, 2010, № 186).

Отчленённый точкой сегмент сохраняет синтаксические связи с членами базового предложения, но позиционно оказывается самостоятельным. С его помощью выделяется наиболее важный момент в сообщении, то есть фразы-высказывания становятся более динамичными, актуализированными.

Перед нами предстал господин сорока лет. Хоть вряд ли ему можно дать сорок лет! (Российская газета, 2010, № 91).

[Анатолий Гладиллин]: *Да что говорить, даже Бродский к этой категории не принадлежит. Хоть процесс над ним состоялся ещё в хрущёвские времена* (Российская газета, 2010, № 186).

Отрыв придаточного предложения от главного повышает смысловую ёмкость каждой из этих частей: главная часть предложения приобретает характер более обобщённого высказывания, придаточная же становится

вполне самостоятельной и, следовательно, по смыслу выделенной.

Парцелляция затронула не только сложное, но и простое предложение. Отделяться точками могут распространители предложения. Например: *Стоя за штурвалом, я пристально вглядывался в горизонт, мечтая первым увидеть долгожданную землю. Пусть не русскую, оманскую, африканскую, китайскую, да на худой конец хоть сомалийскую* (Комсомольская правда, 2010, № 150).

Такие члены предложения, оторванные от основной конструкции, стоят после паузы и выделяются по смыслу и интонационно. Последний элемент высказывания *Пусть не русскую, оманскую, африканскую, китайскую, да на худой конец хоть сомалийскую* как бы возникает в сознании не сразу, а в процессе раздумья, словно «не помещается в одну смысловую плоскость» [4, с. 246]. Получается, что мысль в сообщении подаётся отдельными порциями. Это создаёт прерывистость интонации и имитирует

естественность и непосредственность живой речи. Стыки этих смысловых отрезков и фиксируются точками.

Прерывистый характер связи в парцелированных конструкциях, функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное предложение, — вот проявления, усиливающие логические и смысловые акценты, динамизм, стилистическую напряжённость расчленённых конструкций.

Тенденция к появлению парцелированных конструкций возросла под влиянием живой разговорной речи, которая изначально не нуждалась в выражении «сложностей синтаксических взаимоотношений компонентов высказывания, поскольку эти логико-смысловые связи передавались здесь иными средствами — интонацией, паузами» [4, с. 187]. Такие изменения не ломали традиционного книжного синтаксического строя, произошла лишь активизация имеющихся в синтаксисе конструкций, заложенных в синтаксисе возможностей.

Литература:

1. Бабайцева, В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация [Текст] / В.В. Бабайцева. — М.: Просвещение, 1979. — 269 с.
2. Белошапкова, В.А. Сложное предложение в современном русском языке. Некоторые вопросы теории [Текст] / В.А. Белошапкова. — М.: Просвещение, 1967. — 160 с.
3. Богомолова, А.В. Уступительные конструкции с союзом «хотя» в современном русском литературном языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Богомолова А.В. — Л., 1955. — 18 с.
4. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка [Текст] / Н.С. Валгина. — М.: Высшая школа, 1991. — 431 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка [Текст]. — М.: Наука, 1970. — 768 с.
6. Донец, Н.А. Сложные предложения с условно-уступительными конструкциями [Текст]: учебное пособие / Н.А. Донец. — Рига, 1975. — 74 с.
7. Кухаревич, Н.Е. Сложноподчинённые предложения с уступительной придаточной частью в современном русском литературном языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Кухаревич Н.Е. — М., 1955. — 16 с.
8. Николаева, Т.М. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами [Текст] / Т.М. Николаева, И. Фужерон // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1. — с. 17–35.

Синтаксические свойства событийных глаголов

Парпиева Наргиза Илхамжановна, преподаватель
Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

Один из важнейших аспектов грамматических исследований составляет установление статуса синтаксических единиц. При этом еще далеко от решения проблема валентности глаголов, не выяснены причины, обуславливающие появление при глаголе словоформ, необходимых для построения высказывания. Под валентности глагола мы будем понимать его облигаторное семантическое свойство — в процессе своего функционирования предопределять или не предопределять наличие распространителей (их вид, количество, и семантическое качество).

Материалом для исследования валентности является текст (речь), показывающие нерасчлененное, в комплексе, все факторы действия потенциально синтагматической системы, затрагивающий самые глубинные пласты языковой структуры, непосредственно связано со смыслом сообщения.

Существуют различные подходы к значению глагола в связи с изучением его сочетаемости (от выражаемого понятия к изучению и от описания дистрибуции к значению*). Эти подходы находят отражение в теории глубинных и по-

верхностных структур, теории залога и диатезы (при этом диатеза понимается как соотношение между семантическими актантами и языковыми средствами их выражения), теории имплицитной грамматики.

Если исходным моментом семасиологических исследований, ставящих целью определение валентности глагола, служит принцип системной упорядоченности глагольной лексики, то начальным элементом синтаксического исследования при ономазиологическом подходе является вычленение понятийного признака (или отношение) и денотативны анализ глагольной конструкции, обозначающей данный признак.

Поскольку глагол как единица словаря предоставляет собой сосредоточение сем разного рода и различной степени обобщения (одни служат основанием для лексической квалификации и обнаружения место глагола в структуре лексического поля, другие выявляют синтагматическую классифицирующую деятельность языка), — системное описание валентных свойств глаголов должно осуществляться в словарях, построенных по идеографическому принципу.

Уже самое общее частеречевое значение глагола обозначение процесса, состояния, признака, которые мыслятся не самостоятельно, а применительно к субстанциям (предметам, явлениям), — обуславливает его самое общее синтагматическое свойство: субъектную направленность, предопределяющую при глаголе синтаксическую позицию производителя действия или носителя процессуального состояния, которая при само безличных достаточных глаголах может отсутствовать (например, отыменные глаголы *to gain, to snow*. Помимо субъектной позиции, глагольное значение может предопределять для своего информативного восполнения³ синтаксическую позицию справа для заполнения (или не заполнения) пространителями с объектом или обстоятельственным значением, например, *to look, to seem, to bring, to find, to sit, to be, to stand, to fall* Занятность или незанятость синтаксических позиций может быть выявлена при соблюдении следующих условий:

1) в отвлечении от контекстных реализаций словарно заданной модели сочетаемости,

2) при изучении парадигматики валентности, т. е. при сопоставлении значений и дистрибуции глаголов внутри широкого семантического класса.

Задача этого параграфа и продемонстрировать существование валентных типов глаголов на базе системно соотносительных рядов информативно достаточных и структурно неделимых глагольных рядов информативно достаточных и структурно неделимых глагольных конструкций, имеющих одну и ту же денотативную семантическую структуры.

Разряд событийных глаголов можно назвать самым «глагольным»: если глагол как часть речи призван обозначить признак (действие, отношение), расчлененный во времени⁵, то именно событийные глаголы в своем лексическом значении отражают это расчленение, указывает

на исходный и заключительный этапы действия. Так, например, событийным являются глаголы: *to die* (исходный момент действия-объект выкрашен, заключительно — объект выкрашен), *to lose* (переход от пре суп позиции «субъект действия является субъектом обладания» к заключительному моменту субъект не действия является субъектом обладания), *to laugh* (переход от пре суп позиции, характеризующейся отсутствием действия, к завершающему этапу наличия действия «объект действия смеется»).

Наш иллюстрационный материал будет ограничен рамками трех групп многочисленного класса событийных глаголов, корректирующих такие субъектно-объектные отношения, как

- 1) отношение посессивности,
- 2) локальные инверсные отношения и
- 3) создание и уничтожение субстанции.

Спецификация этих отношений и число участников действия объединяет глаголы, предопределяющие одну и ту же денотативную семантическую структуру предложения (далее ДССП) в один валентный тип. Компоненты ДССП является результатом понятийного осмысления реальных языковых фактов. Так, в языковой системе находят своё воплощение собственности и конвертное отношение принадлежности (предложение *the boy has a dog* близко по смыслу предложению *the dog belongs to the boy*) локальные отношения и универсальные локальные отношения:

При обозначении расчлененных во времени локальных отношений в языковом выражении акцентируется внимание на изменение местоположения движущейся или движимой субстанции, при обозначении расчлененных локальных отношении путем перестановки позиций словоформ внимание акцентируются на месте, относительно которого происходит движение.

Семантическая структура предложения с каждым конкретным глаголом одного и того же валентного типа принадлежит сигнификативному уровню; это-сигнификативная семантическая структура предложения (в дальнейшем СССП); она преломляет категории ДССП сквозь призму своих грамматических и лексических значений. СССП отражается в семантических формулах (СФ).

Символы СФ-синтаксически релевантные компоненты значений глаголов, обуславливающие их позиции в структуре валентного типа, например, внутренний агент является компонентом значения событийных глаголов *to come, to lose, to change, to occupy, to smile* и т. д.; если агент не совпадает с субъектом в пресуппозиции, то он в дальнейшем называется внешним, например, внешний агент является компонентом значения событийных глаголов *to introduce, to lose, to set free, to make smb. laugh* и т. д.

Инверсионные локальные отношения обозначаются глаголами различных лексико-семантических группировок, например глаголами со значением «пропитать что-н. чем-н.» «заполнить», «покрыть», «окружить».

Инвариантным значением глаголов является ступенчатое, расчлененное во времени действие: заполнение место, емкости или освобождение. Данное интегрирующее, категориальное значение обуславливает семантическую структуру предложения с этими глаголами.

ДССП включает такие компоненты, как субъект, процессуальный признак, объекты. По характеру действия глаголы подразделяются на два валентных типа, внутри которых синтаксические позиции субъекта, процессуального признака, объектов распределяются в соответствии с сигнификативным значением глаголов в различных лексемах глагольной конструкции, как правила, в тв. п. конкретные сущ. Во мн. ч. или сущ. с вещественным значением. Ср. переносное значение глагола данной группы: синонимичные двухвалентные глаголы выражают глагольной лексемой не только процессуальный признак, но и объект, позиция которого остается не занятой.

Все глаголы — отыменные, их семантика описана в работах Т. П. Ломтева, Н. Д. Арутюновой, А. А. Уфимцевой. Само существование такой словообразовательной модели предопределено валентным типом и моделью распростра-

нения глаголов как например, *to annotate*, *to bacterize*. Глагольные конструкции трансформируются в информативно достаточные конструкции со страдательными причастиями. Вторичные, переносные значения раскрывают динамику функционирования глагола как члена валентной парадигмы: изменение словарно заданной сочетаемости обуславливается транспозиция глагола в другую группу валентного типа.

Результаты исследования можно сформулировать в виде следующих тезисов. Существуют валентные типы глаголов — более обобщенные группировки, чем лексико-грамматические и лексико-семантические. Парадигма валентного типа — системные соотношения глагольных конструкций на сигнификативном уровне, обусловленные общностью их денотативной основы. Существуют закономерности распределения категорий ДССП в различных лексемах глагольной конструкции. Образные употребления и окказионализмы можно квалифицировать как транспозицию СССП в рамках ДССП. Словообразовательная система может накладывать свои ограничения на языковое существование валентного типа.

Литература:

1. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики Л., 1988.
2. Андреева, В. К.. Опыт «компонентного анализа единиц Л С Г. — В кн.: Исследования по романо-германскому языкознанию. — Волгоград, 1977, с. 3–17.
3. Ашурова, Д. Взаимодействия когнитивной лингвистики, стилистики и интерпретации текста, Филология масалалари. — Т. 2003, № 2, 40–42 бб
4. Бакиева, Г. Х. Семантика; Содержания и выражения. Филология масалалари. Т. УзГУМЯ, 2003, V 2 с. 5–8
5. Васильев, Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи — В сб. Очерки по семантике русского глагола Уфа 1971
6. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. 1947, 720с
7. Гухман М., М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков, Труды института Языкознания АН. 1969, с. 299–302
8. Коржикова, Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке — В кн. Синтаксис и норма М. 1974

Teaching foreign languages through short video clips

Rakhimova Iroda Bahadirovna
Andizhan state university, Uzbekistan

A principle role of institutions is to provide learners with not just a body of knowledge, but the tools to modify and expand that knowledge beyond their formal class room education (1).

Technology empowers teachers and students and can transform the learning experience. For me, having a whiteboard with projector and web access in the classroom is like traveling on a «comprehensive» basis. We open up a site, a web page that we need, and proceed according to our lesson plan. When students ask a question or have a problem, we can click on any word, any information and open up another

window. We can read, write, listen and speak using just one tool. Instead of opening textbooks, turning on a tape-recorder or a VCR, writing cards and notes we can do all that using just the electronics. Thus a lesson becomes truly integrated, with all the skills wrapped up into one harmonious whole. «*Yet many teachers even at well-equipped modern classrooms never use ICT at their lessons. They still teach in a traditional way «chalk and talk». Both teachers and students are demotivated*» — said one of sophomore students. There might be advantages and drawbacks with or without using technology. Teachers should usually try not

to overdo the technology. Our success in the classroom depends on how we use the resources available and, of course, our creativity!

As I had taught at Andizhan state university before I started teaching in traditional groups, it was really hard to adopt that English was not easy to learn. I kept requiring from students a lot of complicated tasks and of course they were frustrated which made me to reorganize my lesson plans. That was not because they were not interested but difference in levels made them lose during the tasks. What I had done first was to divide the group into «A», «B», as the number of the student was more than twelve. The only task was to find available and appropriate resources which I found in British Council websites.

I have been planning my lessons using ICT for several years. If there is not enough material, or if it is obsolete I search the web for a more appropriate text, a news item or a video clip. Quite often, I would work along the familiar and traditional lines: pre-reading, reading, post-reading, listening, writing, discussion. For example, while teaching sophomore students, I was appalled when I saw their basic speciality text on the Remforced concrete. I myself didn't know elements of building and terms. It took me a month to understand them thanks to electronic variant of their book in computer. Besides I picked up some short video clips about ancient cities which made our classes more interesting in many cases. With the help of BBC videos we were able to cope with all skills: listening, speaking, writing, improving grammar, enriching vocabulary. These videos shouldn't last longer than 10 minutes. I think it's a useful resource to show our students English in real contexts. Besides, my students really loved and had a lot of fun with the clips we saw in classes.

I also enjoy them because they help me to teach cultural aspects of other countries and compare them to our cultural aspects, such as holidays that are not celebrated in Uzbekistan, food, sport, places of interest, weather, etc. In our faculty we are provided with lingophone laboratory which allows us to use computers to each student, but because of net problems we use materials and short video clips prepared beforehand.

Students were really motivated and inspired from the lessons. In addition to homeworks writing a passage to watched video they improvised and recorded their own video. The students of Service direction recorded videos in restaurants, medical centers, chemists, supermarkets, hotels. Teachers

should take into consideration whether students are interested in what they are learning if not then they won't be engaged, and if they're not engaged then they don't learn. So I try to find things that are fun for my students to listen to, and because if it's fun, it's also interesting and will be engaging, so that students will learn and also remember!

Advantages of using video clips:

— Students are exposed to authentic English in a natural context. Not only by exposing them to «real people», but they view real situations too. Short documentaries, for example, can open up their eyes to different cultures and ways of life;

— You can really focus on the content, without students losing concentration;

— The videos are short enough for you to really focus on vocabulary, so you have the chance to pre — listening relevant vocabulary beforehand and then whilst watching the video, students will be able to listen to the new vocabulary in context;

— Language produced from the video can be exploited further by setting up a debate involving recycling of new vocabulary, and followed up by a piece of writing for homework;

— As the length of the video is normally stated on the websites, you can plan your class with a timescale in mind.

Possible problems:

— Technical problems can arise, either with problems of internet connection, or in the case of video on demand, a high demand at a given time for one particular video can affect the server. If you are not technically acquainted with the equipment you need specialist's help;

— When a longer video is used, attention may waver, especially if we are dealing with a difficult script, and students may end up feeling demotivated as they are struggling to keep up with the language. This is particularly applicable to lower level groups;

— Some videos can be inappropriate, and the content may not be quite what you expect. This leads us onto the point of video selection.

The topic of the video could be which students have requested or something more specific to your students' needs. Perhaps you are teaching Business classes or English for Special purposes (ESP). Topics which coincide with the course book you may be using in class or something related to the customs and traditions of English speaking countries, for example, festivals might well be motivating.

References:

1. Pre-intermediate- advanced Timesaver Speaking Activities, Peter Maggs, Jon Hird, Scholastic, 1999.
2. Discussions A-Z Intermediate, Cambridge University Press, 1997.

Представленность синонимии в жаргоне наркотизма

Тихомиров Сергей Михайлович, психиатр-нарколог
Медицинский центр «МедЭкс» (г. Санкт-Петербург)

Приводится анализ причин и конкретных особенностей феномена синонимии, способов создания и применения синонимов в жаргоне наркотизма, а также их функций при коммуникации в среде потребителей наркотиков.

Ключевые слова: жаргон, наркотизм, наличие синонимов, способы создания, функции

Синонимия (греч. «одноимённость») — обозначает тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений, смысловом тождестве. Иначе — сходство слов по значению при различии их звучания или написания, наличие у одного понятия нескольких, даже многих слов для его обозначения. Этот феномен присутствует практически во всех языках. Признанным фактом является наличие больших синонимических возможностей русского языка. Однако работы по изучению синонимов в лингвистической науке до настоящего времени чрезвычайно редки, что в первую очередь обусловлено неразработанностью моделей их исследования.

Материалы и методы.

Материалами для настоящего исследования служили свыше 4500 неологизмов и фразеологизмов, собранных для изучения и анализа такой темы как лексика потребителей психоактивных веществ, основную часть которых составили слова, созданные для внутренней коммуникации в рамках контркультуры наркотизма потребителями наркотиков.

После сбора материала была произведена выборка слов, относимых к тем наркотическим веществам, потребление которых было наиболее распространённым на территории России в период 1945–2015 гг., по данным официальных статистических источников [4]. Слова, относимые к алкоголю, табачным изделиям, ненаркотическим одурманивающим веществам были исключены из исследования.

Был произведён подсчёт количества синонимов, тождественных общепринятым в наркотизме наименованиям наиболее потребляемых наркотиков (героин, опиум, конопля и высчитано числовое соотношение синонимов наименований по каждому наркотику к основному слову (доминанте) ряда. Такая же аналитическая работа была произведена с неологизмами — понятиями, определяющими основные способы приёма наркотиков, ощущения от их приёма и с жаргонизмами, обозначающими предметы, применяемые для кустарного изготовления и потребления (приёма) наркотиков.

В устной речи на основе русского языка выделяют три основные функции синонимов:

- а. функция замещения, с целью избегания нежелательных повторений одних и тех лексических единиц;
- б. функция уточнения, связанная со стремлением точно передать мысль [1];

в. функция экспрессивно-стилистическая, применяемая для выражения многообразия оценок [3].

Жаргон, созданный контркультурой наркотизма, не является полноценным языком. Этот антисоциолект употребляют при общении участники незаконного оборота наркотиков для сохранения в тайне своих действий. Рассмотрение современной русской речи показывает наличие в ней достаточно большого количества заимствования из жаргонов контркультур, прежде всего преступности. То же самое, пусть в меньшей мере касается и жаргона наркотизма. Антисоциолекты контркультур образовывались в период своего становления как средства языкового общения замкнутого круга людей, подобное происходило и в корпоративных субкультурах музыкантов, моряков, военнослужащих.

Изменение социальной картины в постсоветской России с течением времени и повсеместным распространением информационных технологий, в том числе сети интернет, просторечие и не только, приобрело признаки жаргонов суб- и контркультур. Десятилетие, с середины 80-х до середины 90-х годов XX века пополнило лексикографию словарями отечественных суб- и контркультур. Открывая их в настоящее время можно увидеть слова не только популярного, но и печатного лексикона. Практика сбора лексического материала в 2017 году показывает образование новых жаргонизмов и их синонимов.

Результаты и их обсуждение.

Анализ собранного лексического материал, составляющего свыше 4500 слов и выражений относимых к наркотизму позволил выявить определённые закономерности образования синонимов и функционирования синонимии в жаргоне этого контркультурного сообщества потребителей наркотиков.

Основными специфическими принципами представленности феномена синонимии в жаргоне наркотизма в настоящее время являются следующие.

1. Необходимость соблюдения основополагающего принципа функционирования социоконтркультурного института наркотизма — конспирации. Конспирирование коммуникаций участников наркотизма с течением времени становится неэффективным, так как слова утрачивают свою секретность, сравнительно легко декодируются из-за того, что смысл жаргонизмов становится известным сотрудникам полиции по опыту их работы. Наличие угрозы уголовного преследования за незаконные действия побу-

ждает участников наркотизма заменять слова, обозначающие, необходимые для коммуницирования понятия на новые «термины» — обозначения, ранее широко неизвестные, зачастую, вновь создаваемые и постепенно распространяемые для вытеснения старого, «расшифрованного», декодированного обозначения. Таким образом, синонимы, как и другие жаргонизмы, активно «участвуют» в криптировании информации, которой обмениваются при интерперсональном общении потребители наркотиков и другие участники их незаконного оборота. Создание и включение в состав жаргона синонимов, кроме других методов хранения в тайне незаконной деятельности, способствует поддержанию его криптостойкости на необходимом уровне для дальнейшего функционирования антисоциального контркультурного института наркотизма.

2. Существование региональных «диалектов» жаргона, и, как следствие, возможность создание синонимов в региональных вариантах жаргона.

3. Расширение ассортимента ввозимых наркотических веществ, и как следствие этого, необходимость создания не только новых лексем в жаргоне, но и их синонимов.

Подсчёт абсолютного количества синонимов наиболее распространённых понятий и исчисление их процентного объёма в общей числе синонимов показал следующие результаты:

1. Для обозначения трёх производных конопли (частей растения, пыльцы, масла) применяется свыше 200 синонимов, около половины которых являются заимствования из иностранных языков тюркской группы, английского и др. Производные конопли являются лидерами по количеству обозначающих их слов-синонимов. Прежде всего причиной наличия этого факта является соблюдение принципа конспиративности, так как незаконный оборот наркотиков является уголовно наказуемым деянием. Но анализ количества и смысла слов-синонимов обозначающих производные конопли позволяет достаточно уверенно выдвинуть гипотезы о наличии других причин синонимии:

а. любой наркотик является товаром. Распространённый товар, выпускаемый различными формами (производителями) требует для решения задач его рекламирования и маркетинга в хрематистике наркотизма, создать отличие его от других товаров, и, синонимы выполняют эту задачу.

Распространение синонимии в названиях ПАВ являющихся производными конопли актуализирует прежде всего сравнение с обилием коммерческих названий наиболее распространённых и популярных у населения психотропных и других лекарственных препаратов. Исходя из данного сопоставления следует предположить, что причиной развития синонимии в жаргонных наименованиях наркотиков является их распространённость и популярность — высокий уровень спроса, поддерживаемый в данном конкретном случае сравнительно низкой по сравнению с другими наркотиками ценой. Проводя аналогию с наиболее потребляемыми лекарствами, а наркотик для зависимого от него человека также играет роль лекарственного вещества, улучшающего его болезненное состояние и самочувствие,

можно увидеть, что наркотики, как и популярные лекарства при наличии одного химического наименования, имеют, как например, седуксен (запатентованное название валиум), свыше тридцати коммерческих названий выпускаемых дженериков (аналогов, эквивалентов) этого препарата;

б. образующие новые синонимы, определения старых, давно применяемых для наркотизации веществ, наркотизм имеет возможность при создании новых жаргонизмов заложить в их содержание, не просто новые, или инновационные «качества» вещества, а придать при рекламировании их свойствам ещё и эмоциональную экспрессивность, эксклюзивность — «астрал», «смешная», «улётный», чему способствует отсутствие в жаргоне ограничений для заимствований слов из других языков и жаргонов, применения приёмов компаративной лингвистики.

В характеристиках отдельных продаваемых производных конопли также можно усмотреть сходство с характеристиками медицинских препаратов. Так дополнительному обозначению значения «форте» (лат. — сильный, громкий) в жаргоне будут слова «ядерный», «атомный».

2. Обозначения опиума, его производных включают 53 синонима для обозначения опийсодержащих веществ. Наиболее распространённый опиоид (полусинтетическое вещество со сходным с опиумом действием) — героин, имеет 51 наименование-синоним.

Причинами синонимии в отношении наименований опиума и сходных с ним по действию веществ могут являться следующие:

а. давность времени знакомства людей со свойствами опиума, как и со свойствами конопли.

б. опиум является до настоящего времени сырьем для производства многих медицинских препаратов и производимых нелегально, кустарно наркотиков: от ацетилированного раствора опия до героина, что также стимулирует синонимиию.

3. Синонимия способов приёма (введения) наркотиков.

а. курение. Ингаляционное потребление производных конопли — курение, напрямую связано с распространённостью потребления дериватов этого растения. Этот процесс обозначается 35 синонимами.

б. обозначение в/венного введения наркотиков.

Способ был раньше более распространён, его применение заметно снизилось после развития эпидемии ВИЧ-инфекции, но давность способа сохранила 40 синонимов.

4. Предметы для инъекционного введения наркотиков.

Шприц и игла имеют на два родовых слова 58 синонимов. Объяснение этому факту:

а. давность инъекционного приёма самых различных наркотиков почти до конца 80-х годов XX века.

Изучение возможных способов образования синонимов в жаргоне позволило выделить несколько наиболее распространённых способов (вариантов):

б. одним из них является создание синонима из слова близкого по созвучию, похожего по звучанию, несмотря на

отсутствие схожести значения и даже абсолютно разного смысла например: кокс — кокос [о кокаине].

в. другим является своеобразное перенесение значения на близкое по смыслу (грустный — хмурый [о героине]) или транскрипции, написанию: чёрный — черняшка [об опиуме].

г. иной способ — это замена русскоязычного слова на иноязычное, имеющее такое же значение:

д. возможен и следующий вариант, встречающийся при образовании синонимов, встречающийся в жаргоне наркотизма [и алкоголизма] служит применение в качестве синонима имени собственного, т. е. слова-эпонима, имеющего тенденцию становится позднее, после происхождения некоторого периода времени именем нарицательным.

5. Ощущения при потреблении наркотиков:

а. оцениваемые потребителями как положительные — на родовое слово кайф (удовольствие, наслаждение) — 86 синонимов;

б. оцениваемые потребителями как отрицательные — на родовое слово кумар (состояние при лишении наркотиков) — 49 синонимов.

Одной из задач контркультуры наркотизма является вовлечение новых людей в потребление наркотиков. По-

этому «хвалебные» слова в адрес состояния после приема дурмана, преобладают над жаргонизмами, несущими негативную информацию о наркотиках.

Выводы:

1. Синонимы в жаргоне наркотизма широко представлены и создание новых синонимов является эволюционным процессом, который требует дальнейшего динамического исследования.

2. Феномен синонимии в жаргоне наркотизма подчиняется законам существования и функционирования контркультуры наркотизма.

3. Имеется частичное совпадение функций синонимии в русском языке и русскоязычном жаргоне наркотизма, в том смысле, что по форме функции совпадают, но по содержанию синонимия наркотизма детерминирована следованием интересам тайности, т. е. сокрытия преступных деяний и дальнейшему развитию незаконного оборота наркотиков.

4. Передача информации, касающейся личности общающего её, о «себе» с включением синонимов, как и других жаргонизмов, осуществляется с использованием синонимов, несущих «хвалебные» эмоции, а о «другом» синонимы выражают содержащие пренебрежительные, уничижительные эмоции [2].

Литература:

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. Под ред. Л.А. Чешко. Изд. 4-е, репродуцированное. — М.: Русский язык, 1975. — 600 с.
2. Котова, Н.С. Феномен «себя» и «другого» в самопрезентации личности в наркотическом дискурсе // Учёные записки СКАГС. 2016. № 2. — с. 241–246.
3. Новикова, Л.А. Синонимические функции слов. // Русский язык в школе. 1967. № 1. — с. 11.
4. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2014–2015 годах: статистический сборник / М., НИИ наркологии — филиал ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. 2016. — 177 с.

Компоненты «SCHWEIN» и «COCHON» в составе немецких и французских фразеологизмов с точки зрения ономазиологии: сходства и различия

Щукина Галина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент
Международный институт рынка (г. Самара)

Настоящая статья предлагает анализ особенностей компонентов SCHWEIN и COCHON в составе немецких и французских фразеологизмов в русле ономазиологического анализа. Выявляются параметры развития вторичного семантического потенциала, а также параметры развития контекстуально порождённых переносных значений.

Ключевые слова: фразеологизмы, фиксаторы смысла, номинаторы смысла, ономазиология, компонентный анализ

Настоящая статья предлагает ономазиологический анализ компаративных, метафорических фразеологизмов, а также аллегорических предложений с содержа-

нием компонента SCHWEIN и COCHON. Данный анализ предполагает изучение языковых единиц от плана содержания к плану выражения, где компоненты фразеоло-

гизмов мыслятся значимыми для целостного переносного значения. Кроме того, мы определяем функционально-семиотические характеристики указанных компонентов в составе каждого устойчивого языкового образования. Мы полагаем, что фразеологические единицы не только неоднородны с точки зрения устойчивости, но и с точки зрения семиотического статуса их компонентов. Так, например, многие метафорические фразеологизмы способны к трансформации пассивизации; такие единицы названы в работе «делимыми» (например, можно сказать *someone's heart is stony*). Аллегорические предложения приравнены также нами к делимым языковым единицам за счет содержания предикативной связи. Делимым языковым образованиям противостоят неделимые компаративные фразеологизмы и метафорические фразеологизмы (например, нельзя сказать *the bucket was kicked*).

В состав делимых фразеологизмов входят номинаторы смысла, которые можно отнести к словам в составе словосочетания. Неделимые фразеологизмы состоят из фиксаторов смысла, соотносимые с морфемами в составе слова. В зависимости от самостоятельности значения и частотности появления в связанных постоянных контекстах, компоненты в составе фразеологических единиц могут быть вторичными, потенциальными и промежуточными номинаторами смысла; а также квазивторичными, лексическими фиксаторами смысла и фиксаторами-активизаторами смысла. Номинаторы и фиксаторы смысла дублируют друг друга по характеристикам, но различаются по самостоятельности выраженности того или иного переносного значения. Так, задав условный коэффициент каждой из разновидностей номинаторов или фиксаторов смысла по шкале от 1 до 6, мы получим следующие данные: вторичный номинатор смысла = 6, потенциальный номинатор смысла = 5, промежуточный номинатор смысла = 4, квазивторичный фиксатор смысла = 3, лексический фиксатор смысла = 2, фиксатор-активизатор смысла = 1. Зная указанные данные, можно подсчитать такие параметры, как общий вторичный семантический потенциал и степень развития контекстуально порождённых переносных значений для каждого компонента в том или ином языке. Первый параметр посчитаем по формуле $1n+2n+3n+4n+5n+6n$ (умножив количество того или иного номинатора или фиксатора смысла на их коэффициент); второй параметр, исключив показатели вторичных номинаторов смысла и квазивторичных фиксаторов смысла, — по формуле $1n+2n+4n+5n \div 6x$ (где x = число всех найденных контекстуально порождённых переносных значений).

Всего нами было изучено 94 фразеологизма с содержанием компонента SCHWEIN и COCHON немецкого и французского языков (компаративные единицы — 23%, метафоры — 52%, аллегории — 25%). Весь корпус языковых единиц делится на следующие разновидности фразеологизмов: **компаративные единицы от всего корпуса примеров по языкам:** немецкий язык (22%), французский язык (24%); **метафоры от всего корпуса при-**

меров по языкам: немецкий язык (40%), французский язык (58%); **аллегии от всего корпуса примеров по языкам:** немецкий язык (38%), французский язык (18%). В представленном корпусе примеров мы выявили уже зарегистрированные вторичные значения указанных компонентов, а также, применив анализ ассоциаций, изучили контекстуально порождённые переносные значения. Найденные значения можно условно объединить в 43 значения лексем SCHWEIN и COCHON, которые были объединены нами в четыре темы: «антропоцентричные значения» и родственная ей тема «значения, отражающие социальную сферу жизни человека»; «значения, связанные с выполнением какой-либо деятельности» и «семантически разнородные значения».

Антропоцентричные значения:

1. опытный человек в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Alte Schweine haben harte Mäuler* [11]; во французском языке — значение не выявлено.

2. человек с достатком в чем-либо в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Schweine kümmern sich nicht um köstliche Salben* [11]; во французском языке — значение не выявлено.

3. неизвестный, ничем не примечательный, простой человек в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Kein Schwein* [7, с. 677]; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *Le cochon de payant* [3, с. 328].

4. «свой» человек; человек определённой группы, профессии в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Seine Schweine am Gang erkennen* [7, с. 677]; во французском языке — значение не выявлено.

5. человек, которым руководят дурные инстинкты, животное начало в немецком языке вторичный номинатор смысла *Schwein* [4, с. 310]; *Den Schweinen wird alles Schwein* [7, с. 677]; квазивторичный фиксатор смысла *Ein regelrechtes Schwein sein* [10, с. 739], *Ein faules Schwein* [10, с. 739], *Bei zeigt sich / der innere Schweinehund* [10, с. 739], *Sich wie die Schweine benehmen* [10, с. 739]; во французском языке — вторичный номинатор смысла *Cochon, Cochonnerie* [2]; *Tout home a dans son cœur un cochon qui sommeille* [3, с. 814]; квазивторичный фиксатор смысла *Mener une vie de cochon* [2], *Le cochon qui sommeille* [3, с. 328]; *Un vieux cochon* [5, с. 158].

6. человек с плохим, упрямым характером в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — лексический фиксатор смысла *avoir une tête de cochon* [8], *caractère de cochon* [8], *Quelle tête de cochon!* [2].

7. человек с плохим почерком в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *écrire comme un cochon* [8].

8. человек, издающий громкий визг, крик в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Schreinen wie ein gestochenes Schwein* [7, с. 677]; во французском языке — лексический фиксатор смысла *Crier comme un*

cochon qu'on égorge, Gueuler comme un cochon qu'on saigne [3, с. 785].

9. **сильно потеющий человек** в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Schwitzen wie ein Schwein / Schweinebraten* [7, с. 677]; во французском языке — значение не выявлено.

10. **человек с сильно кровоточащей раной** в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Bluten wie ein gestochenes Schwein* [7, с. 677]; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *saigner comme un cochon* [3, с. 328].

11. **неловкий, неуклюжий человек** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *comme un cochon avec sa queue* [3, с. 328].

12. **неблагодарный человек** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — лексический фиксатор смысла *Donner des confitures / des perles à un cochon* [2], *Jeter les perles aux porceaux* [2];

13. **неопрятный человек** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — вторичный номинатор смысла *Cochon* [2]; квазивторичный фиксатор смысла *Sale comme un cochon* [3, с. 1380].

14. **очень пьяный человек** в немецком языке — лексический фиксатор смысла *Besoffen / voll wie ein Schwein* [4, с. 310]; во французском языке — лексический фиксатор смысла *so l / rond / plein comme un cochon* [3, с. 1442].

15. **обедневший человек** в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Ein armes Schwein sein* [10, с. 739]; во французском языке — значение не выявлено.

16. **человек с отсутствием силы воли** в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Sich inneren Schweinehund überwinden* [10, с. 739]; во французском языке — значение не выявлено.

17. **близкий друг** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — лексический фиксатор смысла *Ils sont copains cochon-cochon / comme cochons* [2]; *Mon cochon* [2]; *Amis / camarades comme cochons* [3].

18. **человек очень плотного телосложения** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *Gras comme un cochon* [3, с. 770].

19. **человек с маленькими глазами** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *Œil de cochon* [3, с. 1083].

20. **человек с большим аппетитом** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — лексический фиксатор смысла *Régaler son cochon* [2], *Manger comme un cochon* [3, с. 950].

21. **тело человека** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке фиксатор-активизатор смысла *Soigner son cochon* [3, с. 328].

22. **человек, делающий или замышляющий подлые поступки** в немецком языке — вторичный номинатор

смысла *Schwein* [9]; во французском языке значение не выявлено.

23. **помеха для человека в саморазвитии** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — промежуточный номинатор смысла *Il deviendra quelque un si les cochons ne le mangent pas* [2].

24. **человек с неопределённой жизненной позицией, без определённых притязаний** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — потенциальный номинатор смысла *se demander si c'est du lard ou du cochon / On ne sait pas si c'est du lard ou du cochon* [2]; фиксатор-активизатор смысла *Ni lard ni cochon* [3, с. 884].

Значения, отражающие социальную сферу жизни человека:

25. **совет, помощь** в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Viel Schweine machen den Trunk dünn* [11]; во французском языке — значение не выявлено.

26. **предательство, злая шутка** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — лексический фиксатор смысла *Tour de cochon* [3], *Faire / jouer un tour de cochon* [3, с. 1521].

Значения, связанные с выполнением какой-либо деятельности:

27. **дело (в т. ч. совместное, общее)** в немецком языке — потенциальный номинатор смысла *Geduld überwindet Schweinsbraten* [11]; *Wo haben wir zusammen die Schweine gehütet?* [11]; *Wird das Schwein töten / schukeln* [10, с. 739]; во французском языке — потенциальный номинатор смысла *On n'a pas gardé les cochons ensemble* [2], *Nous n'avons pas gardé les cochons ensemble* [3, с. 564].

28. **промежуточный этап дела, неглавная цель** в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Man mästet das Schwein nicht um des Schweines willen* [11]; во французском языке — значение не выявлено.

29. **вероятность происхождения действия** в немецком языке — потенциальный номинатор смысла *Ich denk / glaub, mein Schwein pfeft* [7, с. 677]; во французском языке — значение не выявлено.

30. **причитающаяся собственность** в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Laß dem Bauern sein Schwein* [11]; во французском языке — значение не выявлено.

31. **халтура, неряшливо выполненная работа** в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — вторичный номинатор смысла *Cochonner* [2]; квазивторичный фиксатор смысла *Travail de cochon* [2].

32. **неприятная ситуация; плохой исход дела** в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Wer sich hunter die Kleie mischt, den fressen die Schweine* [11]; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *Sacré cochon!* [3, с. 328].

Семантически разнородные значения:

33. **предмет, обладающий неподходящими признаками** в немецком языке — значение не выявлено; во

французском языке — потенциальный номинатор смысла *Ce n'est pas cochon / c'est pas cochon du tout* [3, с. 328].

34. сильный беспорядок, грязь, баракло, что-то отвратительное в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — вторичный номинатор смысла *Cochon* [2]; *Cochonnerie* [2]; *Un cochon n'y retrouverait pas ses petits* [3, с. 328]; квазивторичный фиксатор смысла *De cochon* [3, с. 328], *Comme un cochon* [3, с. 328].

35. удача в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *Schwein haben* [1]; во французском языке — значение не выявлено.

36. мечты в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *Adieu cochon* [3, с. 16].

37. ключ к разгадке, пониманию чего-либо в немецком языке — потенциальный номинатор смысла *Das frißt kein Schwein / Daraus wird kein Schwein klug / geschheit* [1]; во французском языке — значение не выявлено.

38. выбор в немецком языке — промежуточный номинатор смысла *Da haben wir das falsche Schwein geschlachtet* [10, с. 739]; во французском языке — значение не выявлено.

39. удар в живот в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *Bouffer de la tête de cochon* [3, с. 1496].

40. мерзкая погода в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — лексический фиксатор смысла *temps de cochon* [3, с. 1476], *Quell cochon de temps!* [3, с. 328].

41. непристойное содержание (книги, фильма, рисунка и т. д.) в немецком языке — значение не выявлено;

во французском языке — вторичный номинатор смысла *cochon* (прил.) [6], например, *un film / livre / dessin cochon* [5, 159].

42. хороший урожай в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — промежуточный номинатор смысла *Les cochons n'en veulent plus* [3, с. 328].

43. металл с примесями шлака в немецком языке — значение не выявлено; во французском языке — вторичный номинатор смысла *cochon* [12].

Исходя из представленного выше описания, можно сделать вывод, что лексемы SCHWEIN и COCHON обнаруживают пять значений, в которых они представлены в одном семиотическом статусе (**неизвестный, ничем не примечательный, простой человек; человек с сильно кровоточащей раной** в качестве фиксатора-активизатора смысла; **человек, которым руководят дурные инстинкты, животное начало** в качестве вторичного номинатора смысла и квазивторичного фиксатора смысла; **очень пьяный человек** в качестве лексического фиксатора смысла; **дело (в т. ч. совместное, общее)** в качестве потенциального номинатора смысла). Применив указанные выше формулы, мы получили следующие данные. Общий показатель вторичной семантической активности в немецком языке равен 68, а во французском равен 98. Компонент SCHWEIN развил контекстуально порождённые переносные значения на 46%, а компонент COCHON, несмотря на количественное преобладание корпуса примеров, на 36%. Таким образом, наше исследование показало, что на развитие самостоятельных переносных значений компонента влияет как количество, так и разнообразие устойчивых постоянных контекстов.

Литература:

1. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. — М.: Аквариум, 1995. — 768с.
2. Кумлева, Т. М. Самая современная фразеология французского языка. — Астрель, АСТ, 2011. — 182 с.
3. Новый большой французо-русский фразеологический словарь / Le nouveau grand dictionnaire phraseologique français-russe / под ред. В. Г. Гак. — М: Русский язык — Медиа, 2006. — 1628 с.
4. Сиротина, Т. А. Большой современный немецко-русский, русско-немецкий словарь. — БАО-Пресс, 2006. — 640 с.
5. Chollet, I., Robert J-M. Les expressions idiomatiques. — Black Cat-Cideb, 2008. — 224pp.
6. Dictionnaire/fr/definition/cochon // Linternaute. com. URL: <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/cochon/> (дата обращения: 17.01.2017).
7. Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Duden — Deutsche Sprache in 12 Bänden, Band 11. — 4 überarbeitete und aktualisierte Auflage. — Berlin, Duden Verlag: Bibliographisches Institut, Reihe, 2013. — 928 S.
8. Français-definition/cochon // Dictionnaire. reverso. net. URL: <http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/cochon> (дата обращения: 17.01.2017).
9. Rechtschreibung/Schwein // Duden. de. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Schwein> (дата обращения: 17.01.2017).
10. Schemann, H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. — 2. Aufl., mit vollständig überarb. Einführung. — Berlin: de Gruyter, 2011. — 1040pp.
11. Searchword=schwein // Sprichtwoerter. net. URL: http://www.sprichtwoerter.net/index.php?searchword=schwein&option=com_search&Itemid=4 (дата обращения: 17.01.2017).
12. Wiki/cochon // Fr. wiktionary. org. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/cochon> (дата обращения: 17.01.2017).

Problems of translation of the English Gerund and its components in different system of languages

Якубжонова Рузихон Миркомил кизи, преподаватель
Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура (Узбекистан)

This article deals with the translation of Gerund and its components in different system of languages, i. e. Russian and Uzbek. It solves difficulty with the translation of the sentences in different context by using factual examples in it.

Keywords: translation, component, communication, text, target language, motivate, investigation, Gerundial construction, illumination, consideration

Translation is now becoming an important issue in this globalization era. Translation is a process aimed at facilitating communication between speakers of different languages. Translation implies understanding the source text and this requires knowledge of the specific terms of the source and target languages. A good translation not only has to express the same content as the source text but it has to do so in the forms that a native reader of the target language would use. Therefore the production of translation is based on the translators»

The problem of rendering Gerund in different languages has been the subject of many researchers. Such scientists as: T. A. Barabash, T. A. Zhrajevskaya, L. M. Belyaeva, L. S. Barkhudarov, V. D. Arakin. R. V. Reznik and others contributed greatly to the problem investigation. Usually, the Gerund has quite motivated meaning and also has difficulties in translation. Using of Gerundial phrase is sometimes a complicated and vexed process and that»s why the foreign and Russian grammarians interpret it in different ways.

The scientist T. A. Zhrajevskaya interprets this problem as follows: The Gerund is used and translated in the function of adverbial modifier of time, manner, attendant circumstances, cause, condition and purpose. In these functions the Gerund is always preceded by prepositions. As an adverbial modifier of time the Gerund is preceded by the prepositions **after, before, on (upon), in, at**. [1.23]. After the prepositions before and in the Gerund is usually rendered into Russian by subordinate clause.

e. g. *In trying to devise ways to improve the machinery of the United Nations the Foreign Secretary displayed real ingenuity. BMT apparatini rivojlantirish maqsadida tashqi ishlar vaziri asl mahoratini korsatdi.*

As we have seen in above given example the Gerund is translated into Uzbek by the Uzbek infinitive forms ending -sh, — ish or after the prepositions **on (upon)** and after the Gerund is rendered in Russian by an adverbial participle in the past. [1–24] For example, the scientist Zhrajevskaya 1 The examples in the Uzbek language are given in the Latin inscription, according to language Law of the Republic gives the following example: After making this statement the minister said he was not going to reconsider his decision. — Vazir o»z qarorini aytib, uni qayta ko»rib chiqmasligini aytdi.

Also Uzbek scientist J. Buranov made a notice: In the function of adverbial modifier the Gerund can be translated by the Uzbek participle (ravishdosh). But there also may be some other variants of translation the Gerund in the function of adverbial modifier of time, depending on word compatibility in Russian for instance a combination of the prepositions with noun: **after (on) arriving — after checking**. Depending on the prepositions the Gerund is usually translated into Russian by the infinitive or by the subordinate clause. The Gerund with the preposition without is interpreted into Russian by negative form of an adverbial participle with the preposition with noun or by word combination, and by negative form of infinitive. In other cases by verbal noun or by noun [2.170,172]. And translated into Uzbek by participle (ravishdosh) with negative suffixes.

R. V. Reznik illustrates it by the following example: e. g. *They promised not to undertake any actions without consulting their partners. Ular o»z hamkorlari bilan maslahatlashmasdan hech qanday ish yuritmasliklariga va»da berishdi.* As an adverbial modifier of cause the Gerund is used with the prepositions **for fear of; owing to**; and translated into Russian by verbal noun, noun or by an adverbial participle and into Uzbek by Uzbek participle (ravishdosh). e. g. *He did not dare to make public announcements about this plan for fear of being criticized. Tanqid ostida qolishdan qo»rqib, u reja haqida ochiq e»lon qilishga jur»at etmadi. I dared not to attend the funeral for fear of making a fool of myself. (Coppard). O»zimni noqulay ahvolga tushib qolishdan qo»rqib, janozaga borishga jur»at etmadim.*

The Gerund in the function of an attribute is always preceded by preposition of and translated into Russian by the infinitive or by noun [1.26] It is also translated into Uzbek by Uzbek infinitive harakat nomi. e. g. *Since he became Britain»s Foreign Secretary, he has been insisting on the importance of negotiating on limited practical questions. U Angliyaning tashqi ishlar Vaziri bo»lib tayinlangandan beri, chegaralangan doiradagi muammolarni hal qilish kerakligiga urg»u beradi.*

But V. L. Kaushanskaya distinguishes that the Gerund with preposition of also should be translated into Russian by the infinitive or by noun. e. g. *Swithin protruded his pale round eyes with the effort of hearing. (Galsworthy) Suizin gaplarni yaxshiroq eshitish uchun, ko»zlarini kattaroq*

ochdi. He was born with the gift of winning hearts. (Gaskell) U yuraklarni o'ng'ay zabt etish uchun tug'ilgan edi.

The dual grammatical nature of the Gerund is reflected in the ways of translating it into Russian.

So, the Gerund maybe rendered either by verbal noun or by noun. However, it should be noted in the most cases, the choice of translation variant depends not on the function, but on the lexical meaning, so on the convenient usage of suitable form in Russian [3.111]. In the same function the Gerund may be rendered by infinitive. e. g. *The habit of speaking in public. Tinglovchilar oldiga chiqish odati.*

By noun: The purpose of speaking in public. *Tinglovchilar oldiga chiqish maqsadi.*

By Russian adverbial participle: *And without waiting for her answer her turned and left us. (Du Maurier). Uning javobini kutmasdan, u o'girilib chiqib ketdi.*

By a subordinate clause: *He regretted now having come (Galthworthy). U kelganiga pushaymon edi.*

It should be observed that though the active forms of the Gerund may be rendered in different ways, the passive forms are nearly always rendered by a clause [2.171]. e. g. *As she contemplated the wide windows and imposing signs, she became conscious of being gazed upon. (Dreiser) U keng derazalar va salobatli ko'rgazmalarni tomosha qila turib, uni uzatayotganlarini sezdi. After having been informed of the conference in my lady's room...he immediately decided on waiting to hear the news from Frizinghall (Collins). Xonimning xonasidagi majlis haqida eshitib...u shu ondayoq Frizingholldan yangiliklarni kutishga qaror qildi.*

The scientist V.D. Arakin made a notice that the difficulties transferring of the Gerund arise only when there is opportunity of double interpretation and it is necessary to decide, whether we deal with the Gerund or with participle. As a rule, the context prompts enough, what function there is the Gerund in the sentence. e. g. *He used to bombard the foreign offices with messages protesting against Russian receiving visas. (R. Parker, Conspiracy Against Peace)*

If receiving is a participle, the meaning of all complex will reveal so: *Protesting against Russian, receiving visas.* It is impossible to consider it suitable. The disclosing of the «-ing» form as the Gerund is much convincingly represented. e. g. *The English diplomat protested no against the people receiving visa, but against the fact of issue of visa.*

Thus, it is necessary to translate: *Protesting against Russian the visas were given out* The Gerund may be used in various syntactic functions. A single Gerund occurs but seldom; in most cases we find a Gerundial phrase or a Gerundial construction. A Gerundial construction is nearly always rendered in Russian by a subordinate clause, generally introduced by, etc [2.180]. e. g. *His being a foreigner, an ex-enemy was bad enough. (Aldington) Uning xorijiy va sobiq yov bo'lishining o'zi yomon edi.*

In some cases it is not always easy to distinguish between a Gerund as a part of a compound noun and a participle used

as an attribute to a noun. One should bear in mind that if we have a Gerund as a part of compound noun, the person or thing denoted by the noun does not perform the action expressed by the «-ing» form: [4.175] e. g. *When the conference of Foreign Ministers deputies was subsequently held, the new formula was used by the Americans to prevent an agreed agenda being drawn up. Alqissa, tashqi ishlar vazir o'rinbosarlarining konferensiyasi bo'lib o'tgach, Amerikaliklarning bu yangi formulasi kelishilgan kun tartibiga halaqit berish edi.*

If we consider that being drawn is participle in the function of an attribute, so it should be rendered in this way. It is impossible to consider it suitable. So after analyzing Gerundial phrase or construction we established that the English Gerund is rendered in Russian in different ways. In Modern English language in Gerundial phrases the tendency to elimination possessiveness after a noun and replacement of possessive pronoun by objective, personal pronouns are observed: e. g. *I hope you don't mind me coming? — asked Kit. (J. Lindsay).*

The above mentioned tendency may be explained by the fact, that the using of the possessive construction and possessive pronouns is of the dual nature, if the Modern English language norms are taken into consideration; they are aiming at the attributive relations expression; the Gerund is not a noun, but a verb. Besides subject-predicative relations are expressed between the Gerundial complex components, and they are quite different [5–31].

We've analyzed the Gerund in Russian translations of the book by C. S. Lewis «The Silver Chair» (19), and «The Lion, the Which and the Wardrobe» (20).

We've found the translation of these books by Shaposhnikova and Ostrovskaya. These books are under the edition of N. Trauberg [6.20]. One can see that the authors of the translation used a free technique of translation without paying any attention to the grammar and Russian equivalents. At first we'd like to consider the translation of the Gerund, which is rendered by other Russian parts of speech [7; 22]. There are:

Without speaking — молчание,

for looking while — победил,

for not liking — не любит,

she couldn't help thinking — ей казалось.

Let nothing turn your mind from following the sights!

Не забывай о знаках!

like being in an airplane — напоминал самолет.

The sound of waves breaking on the shore was growing louder

Звуки прибоя становились громче.

We should say that, after analyzing Gerund, Gerundial phrase or construction we established that the English Gerund is rendered in Russian and Uzbek in different ways.

So, rendering Gerund in Russian is ambiguous and difficult for a student. If the translator followed the rules, the translation should be awkward and in understandable for the reader. By this way we want to give a little our own contribution in the analysis of this problem.

References:

1. Бонк Н. А., Лукьянова Н. А., Памухина Л. Г. Учебник английского языка. В 2-х томах. — Москва — Харьков: Деконт — Торсинг, 1997—311 стр. — Т2.
2. Верба Л. Т. Грамматика современного английского языка. — К.: Знание, 2001—370 стр.
3. Жималенкова Т. М., Мыльцова Н. А. Универсальный справочник по грамматике английского языка. — М.: ГЛОССА, 1997—250 стр.
4. Зражевская Т. А., Беляева Л. М. Трудности перевода с английского языка на русский. — М.: Международные отношения, 1972—56 стр.
5. English for daytime students. Под ред. Лебедовича В. А. К.: Таврия, 2001—100 стр.
6. Lewis C. S. Book 4 in the chronicles of Narnia The Silver Chair. — N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1970—218. V4.
7. Льюис Клайв, Лев, колдунья и платяной шкаф. Перевод с английского Островская Т. — М.: Вариант, 1992—128 стр.

Arabismen als interkulturelles sprachliches Zeichen in der gegenwärtigen deutschen Literatur

Adjabi Yassine, PhD der philologischen Wissenschaften, Assistent
Osteuropäische Nationale Lessja-Ukrainka Universität, Luzk, Ukraine

Unter den ungeheuren Globalisierungsprozessen und den zunehmenden Zuwanderungsbewegungen auf der Welt bleibt das unentbehrliche Verständigungsmittel «die Sprache» nicht am Rande solcher Entwicklungen, weil ihr beträchtliche interkulturelle Aufgabe zusteht, die darin liegt, die Wahrnehmungsprozesse der fremden lexikalischen Einheiten zu begünstigen und demgemäß die neue auftauchende Weltanschauung von Andersdenkenden ans Licht zu bringen.

Beim Durchblättern unterschiedlicher Werke der schönen deutschen Literatur, insbesondere deren Schwerpunkt Interkulturalität und multikulturelle Gesellschaften ist, fällt uns die beträchtliche Zahl der eingesetzten Wörter auf, deren Herkunft arabisch ist, wie z. B. «Halal, Hidschab, Imam, Scheich, Harem, Dschihad, Sunna, Scharia, Nikab, Burka, Ramadan, Hedschra, Minarette, Salafist, Dschihadist, Hadsch, usw.».

Arabismen als lexikalische Erscheinung in den deutschsprachigen Gemeinschaften haben anhand ständigen interkulturellen und interreligiösen kommunikativen Interaktionen ihren Weg zur zeitgenössischen deutschen Literatur gefunden, deren Anwendungskontexte sich von einer thematischen Gruppe zu anderen unterscheiden lassen.

Problemstellung und Forschungsstand. Das gegenwärtige Sprachverhalten der deutschen Sprachpersönlichkeit wird häufig durch Einsetzung neuer Arabismen gekennzeichnet, die im Laufe der Verwirklichung des kommunikativen Prozesses mit verschiedenen Kommunikationsteilnehmern vorkommen. Deswegen wird stets der Versuch unternommen, die Bedeutungen jener lexikalischen Einheiten des kulturellen und nationalen Kontexts der deutschsprachigen Gemeinschaften anzupassen, um zu einer erfolgreichen interkulturellen Kommunikationssitua-

tion gelangen und die Wahrnehmungshindernisse zwischen zahlreichen ethnischen, religiösen oder sonstigen kulturellen Gruppen aus dem Weg einräumen zu können.

Die Frage der Arabismen in der gegenwärtigen deutschen Sprache unter besonderer Neigung zur deutschsprachigen Literatur wurde von verschiedenen Fachlinguisten erforscht und erörtert wie z. B. D. Reichenbach «Arabismen im Deutschen» (2004), A. Unger «Von Algebra bis Zucker» (2006), R. Tazi «Lexikalische Transferenzen vom Arabischen ins Deutsche» (1998), W. Schüpbach «Der Arabismus. Seine historischen und spirituellen Hintergründe und sein Fortwirken in der Gegenwart» (1986).

Zielsetzung und Hauptaufgaben. Der folgende Beitrag setzt sich zum Ziel, Arabismen als integrierten Teil des Wortschatzes der zeitgenössischen schönen deutschen Literatur darzulegen. Um das festgesetzte Ziel folgender Forschung erreichen zu können, setzten wir uns mit folgenden **Hauptaufgaben** auseinander:

- Die angewendeten Arabismen in der gegenwärtigen schönen deutschen Literatur heraussuchen,
- Die Anwendungshäufigkeit von Arabismen in der literarischen Werke der schönen deutschen Literatur darstellen,
- Die verschiedenen Auslegungen und Wahrnehmungen von Arabismen unter gewissen Kontexten analysieren und aufklären,
- Die entstandenen Interpretationen von Arabismen in den arabischen und deutschen Sprachgemeinschaften vergleichen,
- Der Einfluss der Interpretationen von Arabismen auf den interkulturellen kommunikativen Prozess und die multikulturellen Annäherung hervorheben.

Problemforschung. Das Einfügen arabischer Wendungen und Wörter findet oft bewusst statt, weil das Fehlen oder die Bedeutungsverschiedenheiten der deutschen Äquivalente, die eine deutsche kulturelle und nationale Prägung haben, das Zurückgreifen auf den Gebrauch arabischer Wörter durchsetzen, obwohl sie dem genauen Inhalt des deutschen Sprachverhaltens und seine Besonderheiten nicht entsprechen.

Darüber hinaus setzten wir uns dafür ein, die Anwesenheit einiger arabischer Wörter auf der Ebene der modernen deutschen Literatur herauszustellen und demzufolge die Anpassung ihrer Bedeutungen mit der arabischen kulturellen und nationalen Umgebung zu analysieren, da sie aus dem deutschen Blickwinkel gebraucht werden.

Die Anlässe, die uns dazu geführt haben, die zeitgenössische schöne deutsche Literatur als Wahl zu treffen, sind die Tatsache, dass heutzutage mehr über multikulturelle Gesellschaften, interkulturelle Missverständnisse, interkulturelle Kommunikation und andere gesprochen wird, insbesondere in den letzten neuerschienenen literarischen Werken, wo häufig ein neuer Arabismus festgestellt wird, der entweder missverstanden und falsch wahrgenommen oder mit Stereotypen verbunden wurde. Ein paar Beispiele davon führen wir folgende an:

«Die deutschen **Dschihadisten**, der **Hadsch** nach Mekka, der radikale **Salafist**, **Ramadan** hat begonnen, Der heikle **Scheich** von Katar zum Besuch in Deutschland, die neue **Kalifat** in Syrien, Auf dem Weg zum **Dschihad**, Deutschland sollte die **Burka** verbieten» usw.

Es ist überdies hinzuweisen, dass in der gegenwärtigen deutschen schönen Literatur unterschiedlich arabishe Wendungen und Wörter festzustellen sind, die sich dem Verstehen der deutschen Leser in ihrer multikulturellen Literaturvielfalt nahen. Ihr Gebrauch unter verschiedenen Kontexten und kommunikativen Situationen und ihre Auswirkungen auf das Auftreten einiger Besonderheiten des deutschen Sprachverhaltens im Rahmen des verbalen Kommunikationsprozesses sind fortwährend festzustellen.

Es gilt ebenfalls zu beachten, dass die Mehrheit der herausgenommenen Arabismen den Romanen der gegenwärtigen schönen Literatur angehört, die von 2011 bis 2016 erschienen wurden. Zudem haben wir uns darauf konzentriert, Arabismen aus den von deutschen Schriftstellern mit Migrationshintergrund (arabisch-deutsche Staatsbürgerschaft) verfassten Romanen herauszunehmen und auf ihre Erklärung einzugehen.

Die Mehrheit der identifizierten Arabismen, die wir aus der einigen literarischen Werken der gegenwärtigen deutschen schönen Literatur herausgenommen haben, könnten in verschiedenen thematischen Gruppen verteilt werden. Deswegen haben wir versucht, eine lexikalisch-semantische Klassifikation von Arabismen zu erstellen, die zu Themen «Religion, Politik, soziales Leben, national-kulturelles Leben» gehören.

a- Soziales Leben:

Unter der thematischen Gruppe *soziales Leben* werden hauptsächlich Arabische Lexika verwendet, die einen stän-

digen Umgang mit dem Alltag der Gemeinschaft und ihrer sozialen Interaktion halten. Arabismen, die auf einen sozialen Kontext hinweisen, legen Brauchtümer einer bestimmten Gruppe dar, die im Laufe des kommunikativen Prozesses auftreten. Im Folgenden führen wir manche Beispiele an, in denen Arabismen mit einer sozialen Wahrnehmung in die deutsche schöne Literatur eingeführt wurden:

«In der verborgenen Welt des **Harems** träumen Fatima und Eliza von ihrer Zukunft. Während die eine alles daransetzt, zur Favoriten des Sultans aufzusteigen, seht sich die andere nach einem Leben jenseits der Palastmauern, nach Liebe und Freiheit» [4, S. 21].

«Ah, eine neue Sklavin für den Scheich! Großen **Harem** hat er denn! Kommt herein» [7, S. 3].

Es ist auffallend, dass das Wort *Harem* in diesen Beispielen mehrdeutig ist, da jede Wahrnehmung auf eine gewisse Bedeutung hinweist, die kulturelle und soziale Besonderheit darlegen. Im ersten Beispiel wurde das Wort *Harem* als die Welt der Frauen oder die weibliche Welt im Gegensatz zur männlichen Welt erfasst. D. h. das Befinden der Frauen in einer gewissen Umgebung deutet häufig *Harem* an. Im zweiten Beispiel erhielt diesen Arabismus einen anderen Sinn, wo *Harem* als Frauengruppen, die versklavt und unterjocht werden, betrachtet wird.

Durchlesend solche Beispiele ist es festzustellen, dass sich das Sprachverhalten der deutschen Sprachpersönlichkeit ausschließlich auf die verbalen Äußerungen beschränken, die aus einigen kulturellen und religiösen Stereotype entstanden, weil die Wahrnehmungsweise des Worts dem kulturellen und nationalen Inhalt des arabischen Kontexts nicht entspricht. Unter dem Arabismus *Harem* wird der Aufenthaltsort oder Wohnplatz von Frauen begriffen, die sich im Palast eines Königs oder Monarchen befinden, wo niemand außer Frauen Zutritt hat, zum Beispiel: «Als junges Mädchen sagte ich mir immer wieder, dass mein Vater mich aus dem **Harem** befreit hatte».

Ein anderer Arabismus, der heutzutage sehr häufig in der modernen deutschen schönen Literatur gebraucht wird, ist «**Scheich**». Im Folgenden geben wir einige Beispiele der Anwendungskontexte dieses Arabismus an:

«**Scheich** Jamil al-Nazari, Herrscher von Daar-el-Abbah, las das Dokument sehr sorgfältig. Er trug die traditionelle Kopfbedeckung der Araber» [8, S. 8].

«Die Piraten hatten vor, sie als Sklavin zu verkaufen. Es gab viele reiche **Scheiche** hier in Arabien, die für eine weiße Frau viel Geld bezahlten» [8, S. 7].

Unter dem Wort «*Scheich*» wird hauptsächlich im deutschen Sprachverhalten einen arabischen Ehrentitel und Anredeform gegenüber derjenigen, der eine edle und ehrenwerte Platz beschäftigen, wahrgenommen. Dies weist den dauerhaften Bedarf an *Scheich* an, um ein paar Fragestellungen, Lösungen und Antworten finden zu können. Er kann ebenfalls ein muslimischer Gelehrter sein, der sich größtenteils in Moscheen befindet und die verschiedenen Empfehlungen des Islam lehrt. Ein Oberhaupt, das für den Staat gewisse Unterschriften bringt, und eine abgehobene Stellung

hat, aber nicht dafür bezahlt wird. Es ist einfach ein Ehrentitel.

Bei der Erläuterung der heutigen Anwendung vom Arabismus *Scheich* in der deutschen Sprache fiel uns auf, dass *Scheich* ein offizielles Oberhaupt eines gewissen Territoriums genannt werden kann. Das sich unter seiner Macht befindendes Territorium wird als *Scheichtum* betrachtet.

Die kulturellen und nationalen Unterschiede zwischen der arabischen und deutschen Wahrnehmung liegen darin, dass der *Scheich* aus der Sicht der arabischen Umgebung ein alter Mann bedeutet, der den Respekt der Leute verdient. Er hat keine offizielle oder ehrenvolle Verantwortung zu übernehmen. Er beschäftigt sich stets mit der Wissenschaft, insbesondere mit der Islamwissenschaft und Theologie, zum Beispiel «*Scheich Karazaoui in Moschee Al-Azhar in Ägypten*» oder der Weiser «*Scheich Ibn-Sina*» [1, S. 1022].

b- Religion:

Islam als die jüngste Religion der Welt hat umfangreiche Auswirkungen und Spuren auf die Lebensbereiche der Menschheit hinterlassen. Mit der Verbreitung dieser Religion wurden mehrere Sprachgemeinschaften tief verändert, insbesondere auf den semantischen und kognitiven Ebenen. Arabismen dieser thematischen Gruppe wurde in andere Sprachen eingedrungen, ohne Änderungen zu unterziehen. Im Folgenden erwähnen wir manche Arabismen, die in den deutschen literarischen Werken unter religiösen Kontexten verwendet wurde:

«*Fünzig Meter vor mir zieht er auf die Standspur. Der Fahrer reißt die Tür auf und schrie Allah Akbar. Ruft er, als er auf den Boden springt. Gott ist groß, heißt das*» [2, S. 201].

«*Von Allah zu Terror erschreckt alle Bewohner des kleinen ruhigen Dorfs*» [12, S. 21].

Es unterliegt keiner Zweifel, dass Arabismus *Allah* aus der deutschen Sicht missverstanden und überflüssig wahrgenommen wurde, weil er stets mit einigen kulturellen und religiösen Überzeugungen und Stereotypen verbunden ist. Und dies setzt die interkulturelle Semantik des Worts in Frage, ob *Allah* der deutschen religiösen und kulturellen Wahrnehmung «Gott» entspricht oder als eine ständige «Bedrohung» angesehen wird, weil der Gebrauch dieses Arabismus immer mit dem sogenannten «heiligen Krieg» oder «Dschihad» vereinigt ist.

Arabismus *Allah* bedeutet den einzigen Gott für allen Gläubigen, die den Islam als Religion haben. Dieses Wort wird häufig von Muslimen als frommes Zeichen gebraucht, die ihr Leben dem einzigen Schöpfer der Welt hingegeben haben. Es kann ebenfalls unter verschiedenen Kontexten als Danksagung, Zuspruch oder Unterstützung verwendet werden, zum Beispiel «*Allah ist groß, Allah sei an deiner Seit, möge Allah Dir Beistand leisten*».

Ein anderer Arabismus, der zurzeit für heftige Gespräche sorgt und umstrittene Fragen in Westen ausgelöst hat, ist «*Hidschab*». Hier heben wir einige Beispiele hervor, denen Kontexte mit diesem Arabismus eng verbunden sind:

«*Ach je, seufzt der Laie, bei den Muslim Girls ist alles so furchtbar schleierhaft mit einem schwarzen Hidschab*» [5, S. 3].

«*Normalerweise hielt ich mich daran, aber an diesem Abend wollte ich einfach nur schnelle nach Hause, den Hidschab abzulegen und zur Ruhe kommen*» [13, S. 3].

Beim Lesen der oben eingeführten Beispielen bezüglich des Arabismus *Hidschab* ist es auffallend, dass dieses Tuch ein Zeichen der weiblichen Unterdrückung und Knechtschaft bedeutet und dass alle Frauen diesen Stoff tragen müssen, um lebendig oder sicher zu bleiben. Die kulturellen Assoziationen der Bedeutung des Worts *Hidschab* nach der Meinung der deutschen Sprachpersönlichkeit sind riesig, weil die Frau sich immer gestört und gehemmt fühlt. Dies ist darauf zurückzuführen, dass das deutsche Sprachverhalten die religiösen Hintergründe des Kopftuchtragens nicht in Betracht gezogen hat.

Es ist zu unterstreichen, dass wegen der Auswanderungsströme aus der islamischen Welt der Arabismus *Hidschab* fortdauernde Anwendung in die gegenwärtige deutsche Sprache hat. Die ständigen ausgelösten Konflikte in Deutschland über das Tragen des Kopftuches lässt den Arabismus *Hidschab* als aktuelles Thema auftauchen, das von einigen Schriftstellern aus unterschiedlichen Blickwinkeln behandelt wird.

In den arabischsprachigen Gemeinschaften wird Arabismus *Hidschab* nicht nur als einfacher Stoff, der um den Kopf der Musliminnen getragen werden muss, betrachtet. Er ist auch ein Teil der islamischen Frauenkleidung, der auf ihr spirituelles, förmiges und religiöses Leben hinweist [1, S. 93].

c- Politik:

Der Gebrauch von Arabismen mit politischer Thematik in der deutschen schönen Literatur stellt in erster Linie die politische Rangordnung der regierenden Systeme in der arabischen Welt dar, deren Besonderheiten sich von anderen westlichen politischen Systemen unterscheiden lassen. Es ist zudem zu betonen, dass die Ära des Osmanischen Imperiums einen bedeutsamen Beitrag zum Erscheinen einiger politischer Begriffe hinterlassen hat, die später in die arabische Sprache eingeführt wurden, wie z. B. *Bey, Emir, Pascha, Sultan, Wesir, Großwesir* u. a.

Hier erwähnen wir einige politische Arabismen, die in die deutsche schöne Literatur eingedrungen wurden:

«*Ich muss sofort eine Antwort entwerfen. Er ist von Mohammed, dem Pascha von Ägypten*» [10, S. 155].

«*Der Zorn des Paschas hatte inzwischen Zeit gehabt, sich abzukühlen*» [4, S. 7].

Arabismus *Pascha*, aus dem Arabischen *Bascha*, war im osmanischen Reich seit dem 15. Jahrhundert und im osmanischen Vizekönigreich Ägypten und dessen Nachfolgestaaten der Titel der höchsten Zivilbeamten und Militärs. *Pascha* im deutschen Kontext geht auf das türkische *paşa* zurück.

«*Er ist Gottes Schatten auf Erden, der Herrscher am Goldenen Horn, er ist der erhabene Wesir seiner Zeiten*» [6, S. 155].

«Doch hier lag der große Herrscher Ägyptens, der *Wesir*, dessen Name die meisten Bewohner nur flüsternd von sich gaben» [11, S. 149].

Arabismus *Wesir* bezeichnet ein Regierungsamt in muslimischen Ländern seit dem 9. Jh.. Der Titel wurde von den *Barmakiden* wahrscheinlich im 9. Jh. n. Chr. eingeführt. Der *Wesir* war eine Art wichtigster Helfer und Repräsentant des *Kalifen*. Er übte die weltliche Verwaltung im Namen des *Kalifen* aus und leitete die Gerichtsbarkeit, was voraussetzte, dass sie Schriftgelehrter im *Islam* waren. Der *Wesir* übernahm immer mehr Regierungsämter und übte damit im Laufe der Zeit ein mächtiges Hofamt aus. An der Wende vom 9. zum 10. Jh. n. Chr. war der *Wesir* bereits der mächtigste Mann unter den *Kalifen* [www.eslam.de].

d- National-kulturelles Leben:

Der national-kulturelle Charakter der arabischen Welt wird häufig mittels spezifischer Fachwörter widergespiegelt, deren semantische Inhalte im Laufe der kommunikativen Interaktionen und zum Vorschein kommen. Einige von diesen arabischen Wörtern wurden mit ihrem Inhalt in die deutsche Sprache übermittelt, weil sie mit der arabischen Kultur und den nationalen Besonderheiten der arabischsprachigen Gemeinschaft eng verbunden sind. Es ist zudem zu erwähnen, dass die Arabismen mit der national-kulturellen Thematik bemerkbare Anwendung in der gegenwärtigen deutschen schönen Literatur haben, insbesondere *Phantasie für Jugendliche, Märchen, Sagen und Legenden*. Im Folgenden geben wir einige national-kulturelle Arabismen an:

«Als Emma den Korken herauszieht, steigt eine Rauchsäule empor: Karim, der Blaue *Dschinn*» [9, S. 12].

«Der *Dschinn* Bartimäus bekommt eines Tages in London den Auftrag, dem hochnäsigen Zauberschüler Nathanael zur Seite zu stehen» [14, S. 92].

Arabismus *Dschinn* deutet eine Seele, ein Geist, einen Teufel in den arabischen und islamischen Gemeinschaften an. Die Wahrnehmung dieses Arabismus unterscheidet sich von einer sozialen Gruppe zu anderer, da sich jede Gemeinschaft auf gewisse Quellen stützen, wie z. B. *Dschinn* im Koran wird häufig als *Satan* «*Iblis*» angesehen, der das

Menschwesen in die Irre führt und die Gläubigen vom richtigen Weg Gottes abbringt; *Dschinn* wird in der arabischen Kinderliteratur durch *Glückbringer* «*Selahaddin*» gekennzeichnet.

«Beim Verlassen der Türkei sollen wir das Geld wieder zurückerhalten...*Inschallah!* Langsam setzen wir uns wieder in Bewegung» [3, S. 161].

«Schiraz werden in dieser Hinsicht noch als besonders schön gepriesen. *Inschallah* (so Gott will), wird es noch so sein» [3, S. 161].

Arabismus *Inschallah* besteht aus zwei Teilen, *Inscha* (wenn er will) und *Allah* (Gott). Es bedeutet auf ein zukünftiges Ereignis bezogener Ausdruck in der muslimischen Welt (Wenn Allah will). Der Gebrauch solches Arabismus weist auf den geprägten religiösen Aspekt des kommunikativen Prozesses der arabischen Sprachgemeinschaft hin.

Es ist demzufolge der Erwähnung wert, dass Arabismus *Inschallah* oft von der deutschen Sprachpersönlichkeit gebraucht wird, um den interkulturellen kommunikativen Prozess zu ermöglichen und dann zur Bildung des gegenseitigen interkulturellen Vertrauens beizutragen.

Schlussfolgerung und Forschungsperspektive. Die Untersuchung von Arabismen als interkulturelles Phänomen der deutschen Sprachpersönlichkeit lässt behaupten, dass die Sprache sich mit unterschiedlichen Wahrnehmungsprozessen und multikulturellen kommunikativen Situationen auseinandersetzt, die im Laufe des kommunikativen Alltags von Individuen zum Vorschein kommen. Eine interkulturelle Strategie zwecks Ausweichen eventueller Missverständnisse, Kommunikationsabbrüche oder Irritationen ist von großer Bedeutung, weil jeder eingesetzter Arabismus in der deutschen Sprache kulturspezifische Bedeutungen und semantische kontextuelle Besonderheiten einschließt, die dem deutschsprachigen Raum nicht entsprechen könnten. Darüber hinaus würde eine kontrastive Untersuchung von Arabismen (auf der semantischen Ebene) nützlich, weil zwei verschiedene Sprachsysteme aufeinander prallen, deren Auswirkungen auf die einwandfreie interkulturelle Kommunikation nicht zu unterschätzen sind.

References:

1. Al-Kamous Al-Jadidi. Großwörterbuch der arabischen Sprache. — 1. Neue Auflage. — Tunis, Algier, Rabat, 2004. — 3155 S.
2. Bauer T. Möge Allah dir Flügel verleihen. — Frankfurt a. M.: Konkursbuch Verlag, 2005. — 201 S.
3. Bittrich F. O. Orient ohne Schleier. — Berlin: Verlag Salzwasser, 2012. — 272 S.
4. Daria C. Flucht aus dem Harem. — Berlin: Kindle Edition und Digital Dreams Verlag, 2014. — 288 S.
5. El-masrar Z. Muslim Girls: Wer wir sind, wie wir leben. — Bonn: Bastei Entertainment, 2012. — 256 S.
6. Erbertowsk J. Die Sklaven des Sultans Broschiert. — Hamburg, 2013. — S. 126–142.
7. Maja A. Im Harem des Scheichs. — Berlin: Cora Verlag, 2013. — S. 03–09.
8. Marguerite K. Die verbotene Küsse des Scheichs. — Stuttgart: Drachenmond Verlag, 2014. — S. 7–18.
9. Meyer K. Emma und der Blaue Dschinn. — Dressler, 2002. — 96 S.
10. Obrian P. Die Inseln der Paschas. — Verlag: Ullstein. — Berlin, 2002. — 512 S.
11. Otter A. Die Stadt der tausend Könige. — Verlag: Create Space Independent Publishing Platform. — Berlin, 2015. — 648 S.

12. Raddatz H. Von Gott zu Allah?: Christliche Glaubenskrise und Islam-Expansion. Gebundene Ausgabe — Frankfurt a. M.: Rororo Verlag, 2005. — 528 S.
13. Saberi R. Hundert Tage: Meine Gefangenschaft im Iran. — Berlin: Kindle Edition, 2011. — 352 S.
14. Stroud J. Bartimäus: Das Amulett von Samarkand. — Blanvalet Taschenbuch Verlag. — Berlin, 2007. — 455 S.
15. Urquhart D. Reisen unter Osmanen und Griechen. — Verlag: Edition Erdmann. — Wiesbaden, 2008. — 440 S.
16. Enzyklopädie des Islam: [Electronic Ressource]. — Mode of access: [http:// www. eslam. de](http://www.eslam.de)

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Системы управления контентом (CMS) электронного информационного ресурса: определение понятия, функции и классификация

Виткин Сергей Юрьевич, студент;
Захарова Марина Вадимовна, преподаватель, аспирант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной работе описаны общие принципы функционирования статического и динамического сайта, описано взаимодействие с ними администратора. Дается определение понятия «система управления контентом (CMS)», рассматриваются функции и классификация CMS. Актуальность данной статьи определена проблемой выбора CMS в процессе разработки и запуска веб-сайта.

Ключевые слова: CMS, система управления контентом, сайт, функции CMS, классификация CMS, SaaS, front-end, back-end, open-source, пользователь, контент сайта, лицензия

«В современных условиях глобальная телекоммуникационная сеть информационных и вычислительных ресурсов приобретает свойства технически доступного и социально-массового явления, затрагивающего все сферы человеческой деятельности, что актуализирует исследование культуры Интернета». [1, с. 247] На смену рутинным работам по верстке и наполнению сетевых ресурсов контентом пришли программные комплексы CMS, автоматизирующие целый ряд информационных задач сайта и осуществление обратной связи с его посетителями. Актуальным на сегодня является дальнейшее изучение и применение современных информационных технологий в системе массовой коммуникации, что и определило тему данного исследования.

Развитие систем массовых коммуникаций сегодня идет в ногу с постоянным совершенствованием информационных технологий, что вызывает интерес у частных лиц и необходимость у предприятий создавать собственные веб-сайты для взаимодействия с аудиторией. Веб-сайт — это совокупность гипертекстовых страниц, которые могут иметь статическую и динамическую форму представления содержания. В первом случае все информационные материалы, элементы дизайна и их обновления размещаются и публикуются на сайте в ручном режиме. Текстовое содержание сайта при этом хранится в файлах веб-страниц. Специалистами прописывается абсолютно каждая часть их исходного кода. Это требует глубоких знаний языка гипертекстовой разметки HTML и Каскадных таблиц стилей CSS. Такой сайт не обладает высокой скоростью обновления и имеет минимальный набор функций, главной из которых является информационная. При больших объемах контента поддержка и

развитие статических сайтов очень трудоемка и растянута во времени.

В основе динамического сайта лежит модульный принцип. Каждая страница состоит из отдельных блоков скриптового кода, который при запросе веб-страницы в окне браузера автоматически («на лету») формирует ее в единое целое по заранее заданным программистами правилам. В этом случае файлы кода содержат гипертекстовую разметку и управляющие команды для подгрузки на страницы сайта текста и числовых значений, хранящихся в базе данных (реже в самих файлах), медиа- и других файлов, находящихся на прочих серверах сети Интернет. Так как дизайн и контент при таком взаимодействии динамических кусков кода (скриптов) отделены друг от друга, наполнение и обновление сайта упрощается. Дизайн (оформление) сайта имеет постоянную (шаблонную) структуру, которую не нужно прописывать каждый раз при добавлении нового текстового и другого содержания.

Как правило, динамический сайт многофункционален: помимо информационной функции, имеет коммуникативную, позволяющую пользователям оставлять комментарии, публиковать свои материалы, выполняет роль мультимедиа- или файл-хостинга, различного рода веб-сервисов и т. п. Динамический сайт имеет очевидные преимущества при работе с большим объемом публикуемых данных, изменении дизайна страниц, установлении коммуникации с аудиторией ресурса. Однако написание кода для каждого сайта отдельно, управление всеми его функциями также требует определенных технических знаний, в том числе скриптовых языков (PHP, JavaScript и подобных), системы управления базами данных (MySQL, PostgreSQL или других).

Для упрощения процесса работы с сайтом и повышения эффективности финансовых и трудовых затрат разработаны системы управления контентом, которые используют принципы работы динамических сайтов. CMS (от англ. Content Management System) — система управления контентом, представляющая собой программный комплекс, автоматизирующий процесс размещения материалов, коммуникационное взаимодействие с пользователями, а также обмен данными между сайтом и другими информационными частями IT — системы организации (базами данных, CRM, социальными веб-сервисами, платежными шлюзами и т. п.)

Контентом (от англ. content — содержание) называют информационное содержание — любые виды электронных материалов: текст, документы, аудио-, видеофайлы, фотографии, прочие графические изображения, программы и так далее. Таким образом, задача CMS — упростить управление размещением и обменом подобными материалами между пользователями и веб-ресурсами.

Главное достоинство CMS — легкость управления сайтом, не требующая от администратора ресурса глубоких технических знаний веб-технологий. Каждая функция CMS традиционно выполняется отдельным программным модулем, написанным на скриптовом языке. Это позволяет владельцу сайта, работающего на CMS, устанавливать, активировать, удалять выбранный модуль, не затрагивая остальные функции. В связи с этим CMS за ее гибкость часто называют конструктором сайта. Основными функциями CMS являются:

- управление структурой — создание редактирование разделов, страниц, меню, навигационных элементов;
- публикация новостей, статей;
- импорт/экспорт данных;
- комментарии пользователей;
- оповещения по электронной почте;
- база знаний (Wiki);
- календарь событий;
- поиск по сайту;
- блог;
- форум;
- социальная сеть;
- реклама и управление баннерами на сайте
- корзина товаров;
- управление заказами;
- складской учет.
- Поисковая оптимизация (SEO)

CMS имеет две взаимосвязанные визуальные части для разных групп пользователей. Одна из них — это набор информационных страниц, содержащих интерфейс для взаимодействия конечного пользователя с программной частью сайта (front-end, то есть внешний интерфейс). Другая — панель управления CMS, которая является совокупностью веб-страниц, представляющих собой закрытый от обычного посетителя раздел сайта (back-end — задний, фоновый интерфейс) для манипулирования всеми функциями, структурой и дизайном сайта. Доступ к редак-

тированию через back-end может быть разделен между группами пользователей: администраторами, менеджерами контента (редакторами) и другими лицами, участвующими в наполнении, обновлении ресурса.

Ниже приведем некоторые классификации CMS.

По набору функций и особенностей CMS можно разделить на два вида:

— созданные под конкретные задачи: интернет-магазин, форум, социальная сеть и другие (CS-Cart, VBulletin, SOCIAL ENGINE и прочие);

— универсальные — имеют множество модулей для расширения функционала до необходимого уровня, могут использоваться как для конкретных задач, так и для комплексных решений, таких как порталы. (MODX, Drupal, WordPress, Joomla! и другие).

По признаку отчуждаемости выделяются:

— коробочные CMS — являются отчуждаемым программным продуктом, поставляемым в виде дистрибутива, не ограниченном по времени использования;

— «Студийные» или «индивидуальные» системы — используются только компанией-владельцем;

— SaaS (от англ. software as a service) — выделенная CMS, работающая на общем для всех пользователей сервере (в «облаке»), как правило, имеет временное ограничение на использование, снимаемое за регулярную плату.

По типу лицензии на использование выделяют:

— коммерческие коробочные CMS — требуется единовременная оплата за каждый домен второго уровня, на котором она используется, а также регистрация данного домена в базе данных разработчика CMS (1С-Битрикс, UMI. CMS, NetCat и другие);

— коммерческие SaaS CMS — оплата производится ежемесячно на протяжении всего срока использования системы управления; при прекращении оплаты или по желанию пользователя доступ к CMS ограничивается, а все ее содержимое может быть удалено из «облака» (Nethouse. ru, Merchium. ru, StoreLand. ru и другие);

— Коробочные CMS с правами свободного использования и распространения — данные CMS разрешено использовать и модифицировать в любых некоммерческих и коммерческих целях по лицензии GNU General Public License и прочим лицензиям (MODX, Drupal, WordPress, Joomla!)

По доступности модификации исходного кода выделяют:

— коммерческие CMS с открытым исходным кодом;

— коммерческие CMS с закрытым исходным кодом;

— CMS с правами свободного использования и распространения с открытым исходным кодом.

Открытый исходный код (от англ. open-source software) позволяет вносить изменения в структуру системы управления, модифицировать модули, создавать собственные сборки CMS (ядро системы с необходимым предварительно настроенным набором модулей, шаблонов для ускоренного запуска сайта). Закрытый исходный код не позволяет вносить изменения в структуру системы всем

желающим, используется в целях контроля за распространением копий CMS, защиты авторских прав и коммерческих интересов разработчиков.

В заключение надо отметить, что необходимость использования CMS при создании сайта очевидна, так как данные системы повышают эффективность работы ресурса, сокращают временные, трудовые и финансовые затраты на его запуск и обновление. Сегодня запустить свой

веб-проект может любой желающий, даже не владеющий знаниями веб-технологий. Этому способствует широкий выбор на рынке систем управления контентом, общее количество которых подсчитать очень сложно, учитывая, что помимо рекламируемых коммерческих и популярных свободных open-source систем, существуют и закрытые корпоративные CMS, а также разрабатываемые частными лицами для собственных нужд.

Литература:

1. Захарова, М. В Основные этапы и принципы процесса создания веб-сайта/ Наука, образование и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 октября 2016 г., г. Екатеринбург) в 3 ч. 3/ Уфа: АЭТЕРНА, 2016.
2. Системы управления контентом/ Национальный открытый университет «ИНТУИТ» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.intuit.ru/studies/courses/1036/239/lecture/6178> (дата обращения: 15.12.2016).
3. Рейтинг CMS / Open Source/ Рейтинг Рунета [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ratingruneta.ru/cms/opensource/> (дата обращения: 15.12.2016).
4. Системы управления сайтами: как сделать правильный выбор CMS/ Аналитический портал рынка веб-разработок «CMS magazine» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.cmsmagazine.ru/library/items/cms/choice_cms (дата обращения: 15.12.2016).
5. Система управления сайтом «1С-БИТРИКС» (Раздел «Возможности»)/ Официальный сайт CMS «1С-БИТРИКС» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.1c-bitrix.ru/products/cms/features> (дата обращения: 15.12.2016).

Использование сервисов мгновенного обмена сообщениями в современной массовой коммуникации

Манукова Елена Юрьевна, студент;
Захарова Марина Вадимовна, преподаватель
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной работе описаны общие принципы одной из современных форм коммуникации — системы мгновенного обмена сообщениями. Дается определение понятия (Instant Messaging, IM), рассматриваются функции и классификация IM.. Актуальность данной статьи определена все более широким внедрением подобных сервисов в повседневную массовую коммуникацию.

Ключевые слова: Instant Messaging, IM, система мгновенного обмена сообщениями, сайт, мессенджер, Facebook Messenger, Mail. Ru Агент, Skype, Telegram, Viber, Whatsapp

В условиях современного информационного общества компьютерные технологии настолько укоренились в нашей жизни, что полностью изменили способы обмена информацией, которые мы используем для общения с друзьями, членами семьи и деловыми партнерами. Несмотря на то, что электронная почта становится все более мобильной, деловые люди все больше и больше обращаются к тем же самым средствам коммуникации, которые обычные пользователи применяют давно и с огромным успехом: к мгновенному обмену сообщениями (Instant Messaging, IM). Система мгновенного обмена сообщениями — это службы для обмена сообщениями в режиме реального времени. Чтобы использовать подобные сервисы, необходимы лишь

выход в интернет и соответствующая клиентская программа (IM-клиент).

Традиционно в корпоративной системе использовалась электронная почта, но с развитием Instant Messaging она постепенно отошла на второй план. Различие между мессенджерами и электронной почтой заключается в том, что сообщения передаются мгновенно, а также есть возможность видеть, находится ли абонент в сети. Однако, следует учесть, что IM работает не автономно, а в зависимости от сервера.

Для начала работы в IM-системе пользователю необходимо получить уникальный идентификатор (в этом качестве может выступать UIN, уникальное имя пользователя, либо адрес его электронной почты) и загрузить на

свой компьютер клиентскую программу. Долгое время самой популярной и всеми любимой службой для общения в режиме реального времени была ICQ. Но у этой платформы есть существенный недостаток — она представляет собой закрытую собственность своих разработчиков и все передающиеся по этой сети данные являются интеллектуальной собственностью компании. Это серьезная угроза конфиденциальности для бизнеса. Поэтому крайне нежелательно использовать систему ICQ внутри компании. [1]

В IM могут передаваться текстовые сообщения, звуковые сигналы, изображения, видео, а также производиться совместные действия (например, рисование или игры). Многие из таких программ могут применяться для организации групповых чатов или видеоконференций. Традиционными функциями программных клиентов для мгновенного обмена сообщениями являются:

- чат (текстовый, голосовой и видеочат);
- передача файлов;
- инструменты для совместной работы в режиме реального времени;
- напоминания и оповещения;
- звонки на компьютер;
- возможность отправки SMS;
- хранение истории общения с контактами;
- индикация сетевого статуса присутствия собеседников (в сети или отсутствует), занесенных в список контактов.

У всех систем обмена мгновенными сообщениями есть ряд ощутимых плюсов:

Экономия времени. Прислать одно сообщение с подробными инструкциями, иллюстрациями и сопроводительными документами всегда легче, чем объяснять все, например, по телефону. К тому же это сообщение не потребует повторных звонков с уточнениями, ведь оно хранится на компьютере, в истории принятых сообщений.

Работа с группой. Сервисы мгновенного обмена сообщениями позволяют одним оповещением в соответствующий чат информировать группу сотрудников о каком-то событии.

Всегда точная доставка до адресата. Отправленные сообщения хранятся на сервере и будут доставлены получателю, даже если его нет на рабочем месте в текущий момент времени. Сотруднику достаточно только включить свой компьютер и получить их. А если требуется прочитать свою историю сообщений в дороге, сотрудник сможет это сделать через обычный web-браузер, имея лишь подключение к интернету.

Единая среда взаимодействия сотрудников. При распределенной филиальной структуре компании, общение между сотрудниками значительно упрощается. Нет разницы, сидит собеседник за стенкой, в другой комнате офиса, или в другом городе — все сообщения передаются и принимаются в реальном времени, мгновенно.

Снижение затрат на связь. Обмен сообщениями позволяет значительно снизить затраты на междугородную

и сотовую связь. Ведь для этого будет использоваться уже оплаченный интернет-канал. [2]

Безопасность. Как правило, большинство сервисов IM надежно шифруют сообщения, что делает общение сотрудников безопасным.

При всех существенных преимуществах также следует поговорить о слабых сторонах IM-служб, такие как:

Зависимость от качества связи. Эти службы более зависимы от хорошей работы интернета. Если сеть не работает или работает слишком медленно, обмен мгновенными сообщениями использовать нельзя. С качеством связи также связан следующий пункт.

Искажение сообщений. Если сотрудник находится в движении, с мобильным устройством, и на его пути встречаются зоны с плохой связью, сообщение может прийти искаженным, с опозданием или его передача в итоге может вообще не завершиться.

Неудобство работы. Поскольку во многих компаниях мессенджеры все же не являются официальными программами, то уведомления о сообщениях могут быть скорее надоедливыми и мешать пользователю работать с основной системой. А во время работы нескольких программных продуктов небольшие мигающие уведомления о сообщениях могут даже не быть видны на экране.

Возможные сбои. Некоторые приложения могут зависнуть или дать сбой во время приема или отправки сообщения. В итоге служба может быть не в состоянии вернуться к операции, которую она выполняла до получения сообщения.

Для целей внутрикорпоративного взаимодействия применение системы обмена мгновенными сообщениями подходит гораздо больше, чем электронная почта. Более того, мгновенный обмен информацией между сотрудниками стал уже просто необходимой частью многих программных продуктов. Приложения, даже те, которые предназначены для отличных от обмена информацией целей, часто включают в себя функцию чата. Это позволяет пользователям быстро и легко общаться в едином информационном пространстве, не меняя интерфейса. Рассмотрим особенности некоторых современных программ для мгновенного обмена сообщениями:

Facebook Messenger — это быстрый и бесплатный способ виртуального общения. Как ни странно, для использования приложения не требуется открывать Facebook. Функционал этого мессенджера похож на вышеописанные: создание чатов, отправка медиаматериалов, точек геолокации, голосовых сообщений и т. д. Также пользователь может увидеть список людей, находящихся онлайн. Сообщения доходят даже когда пользователь находится в оффлайне. Если вы заняты, всегда можно отключить звуковое уведомление.

Mail. Ru Агент — самая популярная отечественная программа-мессенджер. Приложение универсально как для смартфона, так и для компьютера. Сервис позволяет обмениваться сообщениями, отправлять смс бесплатно, прикреплять фото и видео к сообщению. Из от-

личительных особенностей стоит отметить: возможность играть в компьютерные игры в онлайн режиме, удобный поиск собеседника по анкетным данным, быстрая проверка орфографии. Мессенджер можно скачать бесплатно.

Skype — бесплатное, популярное во всем мире приложение для общения. В отличие от других мессенджеров, Skype ориентирован больше на видео-звонки, чем на общение посредством сообщения. Поэтому в приложении реализованы видеоконференции, в которых могут участвовать до 10 человек, а аудио-конференции могут включать до 25 человек. Обмен сообщениями тоже присутствует в Skype. Как и в других мессенджерах можно прикреплять различные медиа-ресурсы. Также в Skype есть интересная функция, которой нет в других приложениях. Опция позволяет собеседнику видеть Ваш монитор, что очень удобно. Приложение позволяет совершать звонки и на мобильные, и городские номера, правда, такая услуга платная.

Telegram — бесплатное приложение для обмена мгновенными сообщения для смартфонов. Проект создан Павлом Дуровым, создателем социальной сети ВКонтакте. Приложение ориентировано на зарубежную аудиторию, поэтому интерфейс английский. Telegram доставляет сообщения в разы быстрее, чем это делают другие мессенджеры. Приложение также имеет высокую степень защиты, что подтверждается заявлением Павла Дурова о денежном вознаграждении человеку, способному взломать его. Еще один плюс в том, что Telegram бесплатный и без рекламы.

Viber позволяет как обмениваться сообщениями, так и совершать звонки. Сейчас сервис распространяется бесплатно. В приложении отсутствует регистрация — идентификация абонента происходит по номеру сотового телефона. При первом запуске пользователю предлагается ввести информацию о себе. Список контактов загружа-

ется из телефонной книги смартфона, причем только те номера абонентов, у которых установлено приложение Viber. На поступающий звонок можно ответить даже при закрытой программе, а плюсом сервиса является отсутствие рекламы. Viber — функциональное приложение, работающее с малыми затратами энергии телефона и являющееся универсальным для всех платформ.

Whatsapp — клиентская программа обмена мгновенными сообщениями для смартфонов. Разработчики позиционируют ее как систему для замены SMS сообщений, которая дает возможность обмениваться текстовыми сообщениями, картинками, видеозаписями, аудиофайлами практически на всех известных платформах. Принцип работы программы заключается в том, что создается аккаунт с использованием телефонного номера абонента и добавляются те контакты, которые пользуются данным сервисом. К удобствам этого приложения можно отнести: отсутствие регистрации и авторизации; нет необходимости искать друзей. Открыв окно чата, можно отметить еще несколько плюсов: возможность добавлять в сообщение мультимедийные файлы, а также геолокацию. Сервис оповещает об отправке сообщения, ставя галочку напротив и вторую галочку, если сообщение прочитано. В программу не нужно специально заходить: если приходит новое сообщение, появляется уведомление при наличии подключения к Интернету. [5]

Итак, сфера обмена мгновенными сообщениями многообразна, и с каждым днем появляется все больше подобных программ. Мессенджеры очень удобны в использовании и каждый из них завоевал свою аудиторию пользователей. На данный момент большинство компаний пользуются сервисами IM в своей работе, их актуальность только растет с каждым годом, а потому можно сделать вывод, что развитие данной области не будет останавливаться и впереди нас ждут более совершенные мессенджеры.

Литература:

1. Северин, В. А. Комплексная защита информации на предприятии. — М.: Городец, 2008. — 368 с.
2. Скрипкин, К. Г. Экономическая эффективность информационных систем. — М.: Книга по Требованию, 2002. — 250 с.
3. Титов, А. В. Медиарынок в мировой экономике. Российские перспективы. — М.: Научная книга, 2006. — 208 с.
4. Внутрикorporативное взаимодействие. Почта или мессенджер — что выбрать? / ECM-Journal. ru [Электронный ресурс] URL: <http://ecm-journal.ru/card.aspx?ContentID=90128775> (дата обращения 27.11.2016)
5. Обзор сервисов обмена мгновенными сообщениями / Корпорация связи [Электронный ресурс] URL: <http://www.sogoracia.ru/pages/page/show/2529.htm> (дата обращения 27.11.2016)

Дисфемизмы как средство искажения информации в печатных СМИ

Навасартян Лариса Гагиковна, аспирант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Современные СМИ уже не просто информируют о событиях, но и интерпретируют их «в свете той или иной идеологии, представляя массовой аудитории видение происходящего сквозь призму определенной системы культурных ценностей и политических ориентиров» [1, с. 22]. Манипулируя информацией, они искажают реальное положение дел, контролируют мнение и поведение людей, навязывают свою точку зрения, а также формируют в сознании адресата новую ценностно-оценочную парадигму. Исследователи говорят о становлении «информационной картины мира» [2, с. 12]. «Специфика этой картины мира состоит в том, что она не только трансформирует и деформирует привычный образ мира носителей русского языка, но и конструирует посредством этого языка квазиреальную картину мира, в которой действительная реальность замещается реальностью медиадискурса и предлагается массовому адресату в качестве единственно возможной и единственно верной» [3, с. 15].

Объектом манипуляции выступает читатель, который некритично воспринимает информацию, склонен больше доверять конкретным изданиям или журналистам. При этом информация подается таким образом, что адресату кажется, будто он самостоятельно приходит к выводам или выполняет действия.

Искажение информации осуществляется с помощью различных языковых средств. Лексическое богатство и стилистическое многообразие русского языка позволяет журналистам по-разному описывать одни и те же события, смещая акценты в нужную сторону. «Искусный подбор слов позволяет актуализировать в сообщении те или иные оттенки их значений, в результате чего слова несут в тексте двойную смысловую нагрузку и незаметно искажают реальную действительность в представлениях адресата» [4, с. 92]. В данной статье мы рассматриваем дисфемизмы как средство искажения информации. Материалом послужили публикации на общественно-политические темы в газетах «Известия», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Новая газета».

Дисфемизм — это «намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и оборотов с целью выражения резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление» [5, с. 151]. В качестве дисфемизмов используются разговорные эмоционально-оценочные слова и выражения, а также жаргонизмы, что позволяет сформировать восприятие объекта как подозрительного и нежелательного, квалифицировать его так для того, чтобы вызвать неприязнь или отвращение.

Например, телевизор все чаще называется *зомбоящиком*: *Российский креативный класс не на шутку обиделся на свою страну. «С какого-то момента мне стало совершенно плевать, что будет с этой страной... Я не могу ничего изменить в этой стране, где две трети населения съело свой мозг, где зомбоящик превратил людей в не желающую думать, орущую протоплазму с пеной на губах...»* (МК 11.09.2015); *То, что мы сейчас имеем — и безудержная поддержка власти, и нежелание видеть промахи руководства страны, и безмерное доверие зомбоящику — есть следствие нашей культуры, определяющей менталитет среднестатистического россиянина* (Новая газета 21.10.2015); *Смотришь в зомбоящике Киселева и не читаешь расследования «Роспила», «Диссернета» или «Руси сидящей» — твои проблемы. Надо бы читать* (Новая газета 25.02.2014); *Из речи Гудкова мы с изумлением узнаем, что в России произошла интернет-революция: интернетом пользуется каждый третий гражданин, «зомбоящик» всё менее популярен, сотни тысяч людей выходят на площади, а в стране тем временем установился авторитарный строй, подумать только* (Известия 07.03.2013).

Телевизор характеризуется как устройство, которое влияет на психику людей, зомбирует их (*зомбоящик*), мешает им думать и принимать самостоятельные решения. Отрицательный образ телевидения усиливается отсутствием достойных программ: *Надо признать, будничные репертуар нашего ТВ выдался не слишком оптимистичным. В эфире все те же ментовские сериалы с бесконечными драками, пытками, перестрелками, автопогонями... Сериалы — разные, а сюжет практически один: спецслужбы борются с мафиозными группировками, на службе у которых жируют оборотни в погонах, в том числе и с большими звездами. Уровень жестокости расправ зашкаливает. Иногда до такой степени, что у самих братков кровь стынет в жилах* (РГ 19.03.2013).

Криминальные жаргонизмы придают информации негативную окраску. *Ментовские сериалы* — это те сериалы, в которых милиционеры (теперь уже полицейские) с успехом ловят всех преступников. *Оборотни в погонах* — обозначение сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления под прикрытием своих званий и должностей. *Братки* — члены преступных группировок. *Жировать* — жить в богатстве. Фразеологизм *кровь стынет в жилах* означает испытывать чувство сильного страха. Очевидно, что подобные сериалы ничему хорошему не учат, и автор статьи не рекомендует

смотреть их. С помощью грубой сниженной лексики подчеркивается вред телевидения. Все это приводит к тому, что у читателя формируется недоверие к СМИ как источнику информации, несмотря на то что, сегодня существует много интересных информационных, образовательных и развлекательных программ, и каждый сам выбирает, что ему смотреть.

Дисфемизмы используются также для выражения отрицательного отношения к людям и их действиям. Например, журналист назван собакой: *Российский журналист облаял украинских. <...> И произошло это не на каком-нибудь междусобойчике, а в минском Дворце независимости, где в ожидании начала переговоров нормандской четверки собрались сотни журналистов со всего мира. Звонкий лай прорвался и в прямую трансляцию, вызвав немалое, полагаю, зрительское недоумение: что в такой ответственный момент, когда решается судьба мира, делает в самом центре события собака? Когда же сенсационные кадры попали в сеть, загадка разъяснилась. Оказалось, это российский журналист с цепи сорвался. <...> Не выдержав поношения и проявив себя подлинным патриотом родного СМИ, бедняга и залаял, а они, вражины, этот уникальный случай зафиксировали на камеру и выложили в интернет* (Новая газета 13.02.2015).

До начала переговоров «нормандской четверки» (В. Путина, П. Порошенко, А. Меркель и Ф. Олланда) по ситуации на Украине, в зоне журналистов произошла словесная перепалка, в ходе которой корреспондент «Лайфньюс» подошел к коллеге с украинского канала «1+1» и гавкнул на нее. Такое поведение характеризует журналиста как человека эмоционального, несдержанного, однако в статье создается образ собаки, которая «с цепи сорвалась». А существительное *вражины* используется по отношению к украинским корреспондентам. «Процесс вульгаризации, который затронул многие сферы общественной жизни, привел к увеличению употребления просторечных грубых слов и высказываний» [6, с. 70]. Обилие стилистически сниженной лексики в медиатексте свидетельствует о том, что освещение событий выходит за рамки беспристрастного описания, хотя журналисты должны стремиться к объективности и избегать излишней враждебности и агрессивности.

Экспрессивность создается именно с помощью лексических средств языка: *Российская авиация уже шестой день продолжает круглосуточно утюжить позиции боевиков ИГИЛ в Сирии* (МК 05.10.2015). Глагол *утюжить* здесь используется в значении *обстреливать, бомбить, сравнивать с землей* и подчеркивает силу и интенсивность действий российских военных.

Использование дисфемизмов в манипулятивных целях характерно для статей, в которых затрагиваются социальные проблемы и которые вызывают общественный резонанс. С помощью слов с отрицательной семантикой журналисты выражают свое недовольство и возмущение,

а также воздействуют на адресата, что приводит к искаженному восприятию информации. Так, трудовые мигранты названы *рабами*, а их работодатели — *богачами*, у которых «всегда есть бандитская крыша»: *Был случай: вырвалась одна девушка, когда зазевались охранники (рабов даже на улицу годами не выпускали), забежала в соседний подъезд, впустила ее в квартиру клиента, покупавшая в магазине тот самый хлеб, почувствовала, даже поплакала, но потом передала в магазин. Боялась, видимо, мести, ведь у богачей всегда есть бандитская «крыша»; А мигрантов у нас, действительно, много, может быть, слишком много, и едет большинство наобум, попадая здесь в рабство и криминальные сети* (РГ 07.11.2012).

На наш взгляд, ситуация преувеличена, так как рабство в России запрещено. На самом деле некоторые недобросовестные работодатели ущемляют права иностранцев, приехавших на заработки, заставляют работать сверх нормы, но создается впечатление, что их держат в плену.

Последние политические изменения (смена власти, протесты на юго-востоке страны, присоединение Крыма к России) привели к тому, что между Россией и Украиной установились напряженные отношения: *И вот на фоне этой стремительной мировой гонки мы прочно вляпались в украинский кризис — вляпались и никак не можем оттуда вылезти* (МК 04.09.2015). *Вляпаться* означает попасть в неприятное, затруднительное положение. С помощью разговорного слова выражается недовольство и отрицательная оценка политической ситуации.

Дисфемизмы также используются по отношению к чиновникам с целью дискредитации. Бездоказательные слова с негативной оценкой подрывают ее авторитет. Чтобы воздействовать на аудиторию, журналисты, как правило, используют те слова и выражения, которые вызывают в сознании адресата неприятные ассоциации. При этом речь идет не о конкретном человеке, а в целом обо всех госслужащих. Экспрессивно-оценочными могут быть не только слова, но и отдельные аффиксы: *Если сведения об особняках, яхтах, самолётах публичны — то и дознание должно быть публично, и суд над пойманным ворюгой будет публичным* (МК 07.10.2015); *После ремонта казарма простояла полтора года. И 23 молодых человека уже никогда не защитят нас от врага. Потому что мы не защитили их от воря* (Известия 14.07.2015); *«Если поднялся наш маленький район, который всегда голосовал за того, кого укажут власти, — вот это уже серьезно. Боюсь, что последствия могут быть непредсказуемыми, если власть не найдет управы на это воря и жулье из Орехово-Зуева», — такие вот раздавались речи* (Новая газета 11.07.2014).

Суффикс *-юг-* в слове *ворюга* передает пренебрежение, презрение к обозначаемому лицу. Слова с суффиксом *-юг-* имеют негативное лексическое значение, например, *хитрюга, зверюга* и т. д. С помощью таких слов с

аффиксами субъективной оценки (*ворюга, ворье, жулье*) формируется собирательный отрицательный образ чиновника и стереотипное восприятие политических реалий. Создается обманчивое впечатление, что все чиновники коррумпированы. Но ведь среди них есть и те, кто добросовестно выполняет работу.

Итак, дисфемизмы могут использоваться в манипулятивных целях, то есть в качестве средства искажения информации. В этом случае грубые, разговорные, просторечные слова и выражения, а также жаргонизмы

включаются в текст намеренно для того, чтобы выразить отрицательное отношение к событию (неодобрение или возмущение), дискредитировать оппонентов, подчеркнуть остроту проблемы и вызвать общественный резонанс. Искусный подбор языковых средств (стилистически сниженной лексики) позволяет изменить представления адресата о действительности. В результате такого воздействия в его сознании формируются негативные образы, которые препятствуют объективному восприятию информации.

Литература:

1. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 288 с.
2. Кормилицына, М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ: учебное пособие по курсу «Язык СМИ» для студентов I и II курсов подготовки бакалавров по направлению «Журналистика». — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. — 92 с.
3. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. — М.: Изд-во Моск. ун-та. Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 2011. — 392 с.
4. Быкова, О.Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. — с. 91–103.
5. Булгакова, Н.Е. Дисфемизм, или Какофемизм // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. — с. 150–151.
6. Пастухова, О.Д. Основные функции дисфемизмов и причина их употребления в политическом дискурсе // Вестник Челябинского университета. — 2014. — № 6. — с. 69–72.

Авторский контент сайта. Копирайтинг и рерайтинг. Фотобанки.

Лицензирование контента

Никулина Мария Сергеевна, студент;
Захарова Марина Вадимовна, преподаватель
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье описаны основные формы контента современных электронных средств массовой информации (сайтов). Дается определение понятия «контент сайта», рассматриваются основные принципы работы поисковых систем. Актуальность данной статьи определена все более возрастающей необходимостью создания уникального контента для любого сайта.

Ключевые слова: *информационный контент, рекламный контент, пользовательский контент, сервисный контент, копирайтинг, рерайтинг, фотобанки*

Эпоха интернета ознаменовалась переходом коммуникации на новый уровень. Появилось множество сайтов и с развитием всемирной паутины потребовалось вывести содержимое этих сайтов на новый уровень. Контент сайта — наиболее важная его часть, поэтому, чтобы привлечь посетителей с рекламной или любой другой целью, нужно создавать профессиональный авторский контент — то, что выделит сайт из множества ему подобных.

Интернет характеризуется практически неограниченной свободой, а потому в наше время остро стоит во-

прос об авторстве контента. Зачем нужны уникальные тексты для сайта? Не проще ли скопировать информацию с чужого ресурса и разместить ее на своем? Даже если закрыть глаза на «Закон об авторском праве», пользы это не принесёт никакой. Роботы поисковых систем, таких как Яндекс, Google и другие обрабатывают информацию, собирают страницы с новым контентом. Найдя новую страницу, поисковая система выдает странице индексированный номер и «прописывает» их в свою память, если она уникальна по своему контенту. [1] По текстам поис-

ковый робот определяет в какую именно категорию разместить ваш сайт и по каким ключевым фразам пользователи (потенциальные заказчики) в дальнейшем смогут прийти на ресурс для ознакомления с информацией.

Робот находит страничку, где находится контент, который уже где-то повторялся на каком-либо сайте. Благодаря многочисленному программному обеспечению, которое выявляет наличие неуникального содержания, автор краденой статьи может легко отыскать вас по своему контенту и наказать. Хорошо если он предупредит вас о том, чтобы вы забрали его авторскую статью со своего сайта, или хотя бы поставили ссылку на первоисточник. А может пожаловаться в Яндекс или Google о нарушении вами авторского права. Робот никогда не засоряет свою память уже имеющейся информацией, так уж устроен алгоритм его работы. Поэтому продублированные тексты не имеют индекса, а это значит их расположение на вашем сайте для робота «пустое место». Ни популярности от продублированной информации, ни рейтинга, ни посетителей на ваш сайт. Вот почему так важно иметь авторский контент, для создания которого используются такие методы, как копирайтинг и рерайтинг, а для его заполнения — фотобанки.

Контент сайта

Контент (англ. content — содержание) — это информационное наполнение ресурса, т. е. графика, текст, аудиоинформация, видеоролики, фотографии, картинки и все, что можно посмотреть, послушать или прочитать. При продвижении ресурсов первостепенную роль играет контент сайта или текстовое содержание страниц. Исторически так сложилось, что не существует алгоритмов поиска по графике или медиаконтенту, релевантность документов определяется при помощи анализа длины текстов, плотности ключевых слов и других параметров. Поэтому без письменного текста не обходится ни один сайт. [1]

Контент сайта имеет свои особенности. Важные параметры текста — это объем, максимальная информативность, читабельность, грамотность и доступность. Контент создается в соответствии с правилами оптимизации web-страниц и алгоритмами работы поисковых машин. Тексты для сайтов содержат keywords (ключевые слова), имеют заголовки, абзацы, маркированные и немаркированные списки, таблицы и пр. Важно, чтобы пользователь мог легко пробежаться глазами при чтении информации с экрана.

Основные виды контента сайта

Текстовое наполнение сайта можно разделить на информационный, рекламный, пользовательский и сервисный контент. Информационный текст содержит важные разъяснения относительно товаров или услуг и отвечает на все вопросы потенциальных клиентов. Сервисный контент помогает пользователям понять, где они находятся, как перейти на следующую страницу, как пользоваться интерактивными сервисами и пр. Без таких текстов посетителям трудно путешествовать по ресурсу. [2] Пользовательский контент — это отзывы, комментарии и другие тексты, написанные интернет-аудиторией. Ре-

кламные тексты побуждают заказать услуги, приобрести товары, рассказывают о преимуществах продукции. Такие тексты особенно актуальны для интернет-магазинов и коммерческих ресурсов.

Авторский контент

Контент сайта подразделяют на авторский и пользовательский. Авторский контент написан лично автором сайта, а пользовательский контент это все то, что размещают пользователи (обычно это видео и фотографии). Например, пользовательский контент можно найти в социальных сетях, форумах, досках объявлений и т. п. — везде, где люди проявляют свою активность.

Понятие «уникальность контента»

Контент очень часто «воруют», поэтому сегодня существует понятие «уникальность контента». Чем уникальней контент, тем ценней он в глазах поисковых машин. Например, если Вы скопируете текст с одного сайта и вставите его у себя на сайте, то сайт, с которого вы контент взяли, будет ранжироваться выше по всем запросам из этого текста, т. к. этот сайт является первоисточником, следовательно, копировать тексты практически нет смысла. Неуникальный контент встречается очень часто, поскольку многие вебмастера не задумываются об авторстве текста. В конечном итоге страдают пользователи, которые долго не могут найти нужную информацию, поскольку в топе часто находятся одинаковые статьи.

Копирайтинг и рерайтинг

Копирайтинг — написание статей, текстов на различные темы. Копирайтер — пользователь, который зарабатывает в сфере копирайтинга. Рерайтинг — переписывание текста или статьи своими словами с сохранением основного смысла, идеи. Рерайтер — пользователь, который зарабатывает в сфере рерайтинга.

Копирайтеры пишут авторские тексты, рекламные материалы, слоганы, лозунги, речи и т. д. Их задачей является создание интересных статей, которые не похожи на имеющиеся в Интернете. Данные шедевры могут создавать копирайтеры, которые хорошо разбираются в теме, на которую они пишут статью. Но в реальности, таких копирайтеров очень мало. Чтобы материал получился качественным, без воды необходимо для начала изучить тематику и выбрать несколько источников информации. И после их тщательного анализа приступить к работе. В таких статьях автор может поделиться личными мыслями, изложить свой взгляд на рассматриваемую проблему, прокомментировать изложенное, вследствие чего текст получается оригинальным, с осмысленными идеями. [2]

При написании рерайтов, автор не должен излагать собственные мысли. Чаще всего статья пишется от третьего лица, она должна быть близка к оригиналу, не терять структуру и смысл. Можно написать рерайт и с двух-трех источников, если в исходном материале недостаточно информации. В итоге рерайтинг передает смысл исходников, и нацелен он, как правило, для уникализации поисковыми машинами. Отталкиваясь от составленного плана, рерайтер оформляет идеи автора своими словами, что-то

сокращает, добавляет. Здесь все будет зависеть от объема, указанного заказчиком, от творческого вдохновения и качества перерабатываемой статьи. В интернете сейчас редко встречаются тексты, которые легко переделать. Так как все, что мы видим, обычно уже несколько раз было переписано. Рерайтинг дает возможность получения недорогого контента в больших количествах. Услуги специалистов копирайтинга и рерайтинга чаще всего оцениваются по-разному. Рерайты обычно дешевле копирайтов.

Фотобанки

Фотобанк — это банк изображений, который выступает посредником между авторами изображений и их покупателями. Он берёт на себя задачу поиска покупателей и приёма платежей, что значительно упрощает жизнь фотографам и иллюстраторам. Фотобанки бывают двух видов: «традиционные» и «микрорейментовые».

«Традиционные» фотобанки работают с цифровыми изображениями или со слайдами с использованием различных лицензий, например, «Right Managed» (RM) или «Royalty Free» (RF). Иногда используются эксклюзивные условия продаж, в соответствии с которыми фотография может продаваться только в одном фотобанке. При этом фотобанк хранит историю продаж фотографии и клиент может быть уверен, что купленное им изображение не использовалось ранее конкурирующей фирмой. Цена фотографии в традиционном фотобанке зависит от таких факторов, как:

- срок использования изображения
- тираж
- формат изображения
- территория использования
- другие параметры использования

Цена фотографии при покупке в традиционном фотобанке по Right Managed лицензии обычно 100–400\$. Фотограф получает с такой продажи около 50%, за вычетом налогов. [5]

«Микрорейментовые» фотобанки (синоним: «микростоковые фотобанки») отличаются от традиционных продаж изображений на неэксклюзивной основе и с использованием лицензий («Royalty Free» (RF)

и подобных) за сравнительно небольшие деньги. Изображения из микростоковых фотобанков удобно использовать для иллюстрирования статей, презентаций, телепередач, годовых отчетов компаний, web-сайтов. Автор изображения с каждой продажи получает заранее оговоренный процент. Каждая продажа приносит небольшую сумму, но самих продаж может быть много, что позволяет фотографам прилично зарабатывать на продажах по, на первый взгляд, «бросовым» ценам. Фотографы и владельцы традиционных фотобанков часто открыто недолюбливают «микростоковых конкурентов». Обычно эта конфронтация основана на недопонимании, что «традиционные» и «микростоковые» фотобанки обслуживают разных клиентов. Тот, кому нужна эксклюзивность, никогда не пойдёт в микростоковый фотобанк. Наиболее популярными в рунете являются фотобанки Getty Images, Vostock Photo Depositphotos, Shutterstock и Fotolia. [5]

Лицензирование контента

Если контент чужой — это ещё не обязательно должно означать, что его запрещено использовать. Контент делится по правилам лицензии. Когда вы берёте контент, обратите внимание на указанный там тип лицензии, если у контента «Лицензия Creative Commons» — значит особой защиты от копирования эта информация не имеет, его вряд ли кто-то заблокирует по авторским правам. Если лицензия принадлежит какой-то организации — то тут сложнее: при использовании такого контента в своих работах вас могут заблокировать в некоторых странах — в соответствии с лицензией. И то, и другое может произойти как автоматически (что более вероятно), так и по заявке правообладателя.

Интернет — одна из самых динамичных развивающихся сред, без которой невозможно себе представить современное существование. Интернет наполнен информацией, различным контентом, который создают люди, защищают его либо же дают на общее пользование всем. Интернет так же предоставляет возможности для создания контента — наличие уже существующих текстов и изображений может стать не только вдохновением для автора, но и весьма полезным материалом.

Литература:

1. Контент сайта. SEO-копирайтинг. Уникальность контента/ pr-cy [электронный ресурс] — URL: <http://pr-cy.ru/> (дата обращения — 28.12.2016)
2. Копирайтинг и рерайтинг — Сходства и отличия/ elitecraft [электронный ресурс] — URL: <http://elitecraft.ru/> (дата обращения — 28.12.2016)
3. Лицензия на контент — что это? Нужно ли? / kepler-observatorium [электронный ресурс] — URL: <http://kepler-observatorium.ru/> (дата обращения — 28.12.2016)
4. Права на фотоизображения. Работа фотоагентства, фотобанка. Взаимоотношения с фотографом [электронный ресурс] — URL: <http://ifreestore.net/4970/20> (дата обращения — 28.12.2016)
5. Что такое контент сайта/ Заработать на сайте [электронный ресурс] — URL: <http://zarabotat-na-sajte.ru/> (дата обращения — 28.12.2016)

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Гендерные аспекты перевода художественных текстов

Салтовская Наталья Анатольевна, учитель иностранного языка
МБОУ г. Астрахани «СОШ № 11 имени Г. А. Алиева»

Сарычева Екатерина Ивановна, учитель иностранного языка
МБОУ г. Астрахани «СОШ № 36»

Интерес к гендерной проблематике существовал достаточно давно, но находился в основном в области антропологии и этнографии. В нашей стране процесс формирования научной дисциплины «лингвистической гендерологии» развивается в рамках нескольких подходов. Первый подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин, и нацелен на выявление тех языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом, язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии. Второй социопсихолингвистический подход редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения полов, для ученых, работающих в данном направлении, статистические показатели имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий мужского и женского типов речевого поведения. Представители третьего направления в целом делают упор на когнитивном аспекте в языковом поведении полов. Для них оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование ее показателями, но и создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий. В отличие от категории *sexus*ный статус, и соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения, задаются не природой, а «конструируются» обществом, (*doing gender*), предписываются институтами социального контроля и культурными традициями.

Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение личности, в том числе и речевое. Сегодня известно, что одни и те же новорожденные воспринимаются, в зависимости от того, как их представили наблюдателю — мальчиками или девочками. В процессе роста человек в соответствии со своей принадлежностью к одному из двух классов пола усваивает тот тип поведения, который характерен в данном обществе для их социального пола (гендера). Таким образом,

формируется гендерная идентичность человека, составляющая важный источник самоидентификации личности. Воспроизводимые в СМИ или иным образом клише способствуют дальнейшей гендерной типизации. Параллельная организация повседневной жизни — мужские и женские туалеты, отделы мужской и женской одежды, мужские и женские журналы, игрушки для мальчиков и девочек — поддерживают гендеризм, пронизывающий всю жизнь и идеологизированную систему значимости пола. Общение не мыслим без соблюдения определенных ритуалов. Гендер является составляющей многих ритуалов. Ритуалы многочисленны, совершаются при общении людей постоянно и воспроизводят принятые в обществе нормы и статусные отношения. Ритуалы облегчают общение, так как имеют сигнальную функцию. Так, стиль одежды мужчин и женщин ритуализирован. Мужчины, как правило, одеты просто, строго, функционально; женщины — более пестро, игриво, менее функционально. Различные действия или их компоненты могут быть также ритуализированы: выбор лексики, стиль речи, само право говорить, положение говорящего в пространстве, интонация. Совершение ритуальных действий диктуется обществом. В целом же ритуальные нормы, известные всем членам коммуникации, формируют круг ожидания людей и их готовность вести себя, в соответствии с их ожиданиями, которые реконструируют и символизируют общественный порядок. Такие ожидания существуют в обществе относительно мужского и женского поведения, внешности, одежды. Туфли-шпильки на мужской ноге воздействуют на окружающих совершенно определенным образом, хотя биология пола здесь совершенно не при чем. Вся жизнь общества пронизана дихотомией — мужское и женское.

Понятие гендер уже не одно десятилетие волнует умы как зарубежных, так и российских ученых. Гендерные исследования в языкознании уже оформились в самостоятельное направление и вопросы взаимосвязи языка и пола его носителей (как и вообще проблема пола и значимости этого фактора в процессе социализации личности), привлекают все большее внимание современных ученых. Важнейшим сдвигом в этом направлении стало обращение языкознания к человеческому фактору, то есть

изучение языка «в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью». [Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Монография / Под ред Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. — Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. — 435 с.]

Переход от лингвистики имманентной, изучавшей язык в самом себе и для себя, к лингвистике антропологической, ознаменовал новую парадигму лингвистических исследований — когнитивную, в центре внимания которой находится изучение человека как системы получения, переработки, хранения и передачи информации. Значительным достижением является создание теории языковой личности, представляющей собой оптимальную базу лингвистических исследований в результате охвата всех этапов речемыслительной деятельности человека от зарождения коммуникативного намерения до порождения конечного продукта — текста. Данные научных исследований показывают, что в обществе реально существуют традиционное распределение ролей, социальные ритуалы, стереотипы и ожидания, касающиеся, в том числе, эмоциональной сферы мужчин и женщин.

Так как тема гендерных особенностей речи представляла для нас большой интерес, мы провели самостоятельный анализ мужского и женского стиля письма. Полученные от учащихся переводы анализировались по следующим параметрам:

1. Количество слов в тексте (за слово принимался отрезок в тексте между двумя соседними пробелами).
2. Количество предложений в тексте.
3. Средняя длина предложения (среднее количество слов в предложении, бралось как отношение количества слов к количеству предложений).
4. Количество речевых ошибок в тексте перевода.
5. Лексическое разнообразие словаря (подсчитывалось как отношение количества различных, т. е. встретившихся один раз в тексте слов к общему количеству слов к общему количеству слов в переводе).
6. Распределение слов в тексте по частям речи.
7. Соотношение количества прилагательных к количеству существительных.
8. Соотношения количества глаголов к количеству существительных.
9. Количество простых предложений.
10. Количество сложных предложений.
11. Количество восклицательных предложений.
12. Стилистический анализ письменной речи учеников и учениц выявил определенные различия между образцами их речи:

1. Мужские предложения по своей длине были короче женских. Средняя длина женского предложения составила около 27–30 слов, тогда как мужские предложения в среднем 20–23 слова.

Примеры:

*После расстрела у матадеро, они повели нас, родственников, видевших все, но не расстрелянных, с мата-

деро, находящегося на крутом холме на лавную площадь города. (Т. А. 16 лет муж., 23 слова).

* После перестрелки у матадеро они собрали всех тех членов семей, которые были свидетелями всего происшедшего, но оставшихся в живых, и погнали нас в матадеро вверх по крутому холму к главной площади города. (Р. И. 16 лет, жен., 20 слов).

2. Количество слов в тексте. В мужском переводе всего текста насчитывается около 324–336 слов, в женском переводе всего текста около 351–369 слов.

3. Количество предложений в тексте. У мужчин в среднем 13–15 предложений, у женщин 17–23 предложений.

4. У мужчин была отмечена более высокая частота использования существительных и прилагательных.

5. В речи женщин было гораздо меньше глаголов, тогда как в речи мужчин они доминируют. При переводе всего текста, сделанного учениками мужского пола, было выявлено около 44 глаголов, в женском переводе насчитывается в среднем 32–39 глаголов.

Примеры:

*Я увидела свое лицо в зеркале и лица тех, кто держал меня и еще троих, что склонились надо мной, и я не знала никого из них, но в зеркале я видела и себя и их, тогда как они видели лишь меня. (Г. С. 12 лет, муж.)

* Я видела свое отражение в зеркале и лица тех, кто меня держал, и троих, которые склонились надо мной. (С. Е., 15 лет, жен.)

6. Количество прилагательных в мужском переводе около 7–10, в женском 4–6.

7. Лексическое разнообразие словаря характерно более для женского перевода. Так в переводе, сделанном одной из учениц, глаголы действия часто заменяются эквивалентными глаголами, во избежание повторов и для более широкой передачи смысла. Например, глагол плакать заменяется эквивалентным глаголом рыдать, глагол видеть заменяется глаголами смотреть, наблюдать.

8. Эмоциональных и сенсорных оценок в переводе мужчин было меньше, чем в переводе женщин.

Примеры:

Послушай! Я тебе расскажу о том, что нас волнует. (З. Г. 17 лет, муж.)

Послушай! Я расскажу тебе об одном событии, которое наложило отпечаток на всю нашу жизнь! (П. В. 17 лет, жен.)

9. По показателям построения структуры текстов женщины изображают мир и действительность в большем разнообразии качественных характеристик, красок, и признаков, чем это делают мужчины.

Примеры:

Из всего произошедшего я ничего не замечала, так как видела лишь отца с матерью в самый момент расстрела и как мама сказала: «Да здравствует муж мой, глава этой деревни!», и это отозвалось в моей голове воплем, что будет не угасать, но возвращаться снова и снова. (К. К. 13 лет, жен.)

Я не замечала ничего, только отец и мать были у меня перед глазами и то, как мать произнесла: «Да здравствует мой муж, который был мэром этой деревни!» Это звучало в моей голове и не прекращалось. (В. А. 13 лет, муж.)

10. Речь мужчин более связна.

11. Также, для мужчин характерно использование в переводе подчинительной связи, а не сочинительной.

12. В переводах, сделанных мальчиками, встретилось большее количество ошибок, чем у девочек.

13. В мужской речи обнаружено большее количество абстрактных существительных, чем в женской. Существительные «расстрел, вопль, событие» в мужском переводе встречаются очень часто. В женском переводе наиболее частотны существительные «винтовки, человек, муж, палач».

13. Мужчины чаще используют повелительное наклонение, а женщины сослагательное.

Примеры:

*Затем двое мужчин посмотрели на нас и один заметил: «Это дочь мэра». Другой сказал: «Начни с нее!» (М. П. 14 лет, муж.)

* Затем двое посмотрели на нас и один сказал: «Вот это дочь мэра, с нее мы и начнем» (К. А. 14 лет, жен.)

Проблема существования психолингвистических различий между мужчинами и женщинами считается одной из самых актуальных в современной лингвистике и психологии. Сегодня, в условиях серьезного влияния феминизма на разные сферы жизни и науки, интерес к ней особенно велик. Многие исследователи, как зарубежные, так и российские пытаются обнаружить действительно характерные черты и различия в речи мужчин и женщин, которые могли бы быть объяснены с позиции зависимости речи индивида от его половой принадлежности. Таким образом, исследование, проведенное на основе перевода фрагмента художественного текста, показало ряд интересных отличий. Исходя из результатов нашего эксперимента, мы выявили существенную зависимость между гендерной принадлежностью автора и особенностями употребления им структур языка. Мужские предложения по своей длине были короче женских, а также имело место доминирование глаголов в речи мужчин. Лексическое разнообразие словаря и преобладание эмоциональных и сенсорных оценок было характерно для женщин. Данное исследование показало, что женщины изображают мир и действительность в большем разнообразии качественных характеристик, красок и признаков, чем это делают мужчины.

Литература:

1. Богин, Г. И. The reflective experiences of the human body in Modernism and Postmodernism-Erlangen, 2000.
2. Винокур Собрание трудов. М., 2000.
3. Каменская, О. Л. Эмоциональный уровень языковой личности. // Актуальные проблемы теории референции. / Сб. науч. статей. Вып. 435. — М.: Изд-во МГЛУ, 1997. — с. 9–18.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность, 2010.
5. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Монография / Под ред Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. — Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. — 435 с.

Tracing the factor of language difference in distinctions between English and German versions of John Steinbeck's «The Grapes of Wrath»

Шичкина Мария Геннадьевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Distinctions between languages underlie various translational transformations and occur to many contexts of translational procedure. Spontaneous and consciously arranged changes made in the process of translation can be viewed as a result of differences between languages on many levels of equivalence. The levels I refer to in this context are the levels exposed in Professor V.N. Komissarov's theory, one of the most famous and popular theories in Translation Studies (TS). It is a scheme, a series of levels which «all build upon each other with the lowest level of equivalence being retained and built on by the next higher level of equivalence» [6, с. 27]. There are the following five levels, as stated:

- 1) The level of the aim of communication (also called the pragmatic level in English)
- 2) The level of the situation described (the situational level)
- 3) The level of the way of describing the situation (the semantic paraphrase)
- 4) The level of the meaning of syntactic structures (transformational equivalence)
- 5) The level of the meanings of lexical units (lexical and grammatical equivalence).

It should be noted that by the reason of the same roots German and English share, they mostly have differences only on the last three (and more often, two) levels. With regard to

the fact that historically the German and English languages come from the same Germanic language family, it is legitimate to presuppose that many lexical units, as well as grammatical structures are similar in English and German. The above-mentioned statement is testified in every context, as these genetically-related words and constructions are found throughout almost every original text and its translated version. On the fifth level, only the difference in the meanings of lexical units is displayed, whereas many German and English words retain also similarities and in some cases even the same features in spelling and sound. This could be explained by the fact of the impressing contrast separating English and Russian, the latter of which is V. N. Komissarov's native language. However, the above-mentioned specific feature is recurrently observed in translational process, while interacting with German and English. John Steinbeck's «The Grapes of Wrath», an American novelist novel published in 1939, and its translation are abound with these.

To the **red** country and part of the **gray** country of **Oklahoma**, the **last rains** came gently, and they did not cut the scarred **earth**.

Über das **rote** Land und einen Teil des **grauen** Landes von **Oklahoma** fiel sanft der **letzte Regen**; aber er drang nicht in die rissige **Erde** ein.

It is also worthy to consider the parallel equivalence on the fifth level which occurs to many lexical units in German and in English. Exempli gratia, all the words in bold in the previous example completely share the same meaning. This could be explained by extra-linguistic factors as in the situation related to pronunciation and spelling. The translational process, thus, becomes easier to carry out, and the translator can instantly determine the meaning of the word in the other language.

On the fourth level, many units also correspond to each other. The target and the source language sentences manifest transformations in the aspect of grammar, and the number of transformations can vary due to certain extra-linguistic and linguistic factors. The similarity is manifested in the following sentence:

The wind grew stronger, whisked under stones, carried up straws and old leaves...

Der Wind wurde stärker, fegte unter die Steine, trug Stroh und alte Blätter...

Both sentences in the two languages share the same voice and the same part of speech for words. However, there appears the article «die» in the second sentence, which indicates that still some differences and distinctions are present in the two languages. No other change of the grammar meaning within the sentence displays the original and translated versions virtually correspond to each other.

The third level in V. N. Komissarov's scheme illustrates the closeness of German and English as well. On this level of equivalence, the source and target sentences have only grammar structures different which is not the case in many sentences of John Steinbeck's novel and its translation. A number of sentences could be given to prove this statement:

1) Men and women huddled in their houses...

Die Männer und Frauen drängten sich in ihre Häuser...

2) «No», said the waitress, and she lovingly fingered the lump under her ear.

3) «Nein», sagte die Kellnerin und betastete liebevoll die Beule unter ihrem Ohr.

On the second level, the same situation is described with other conventional means. This is usually caused by serious structural differences between languages, which commonly occurs to Russian and English or any other languages, totally different from each other. However, German and English belong to the same family branch and by that reason coincide in many areas and parts of the languages. All the sentences cited above could be an example of their affinity.

The same could be stated regarding the first level of equivalence as well, which looses the bond between the source and target sentence even to a higher degree. The only chain, which connects the sentences, is their function and presupposed effect, thus the abyss between the languages becomes even bigger.

However, the question is: are the German and English languages to that extent similar? As a matter of fact, they have a number of things in common: similar structures, grammar constructions, lexical units with the same meaning and phonetic similarity. However, it is essential to differentiate the source and target texts, as they are designed on the basis of the two languages, which, although similar, have many distinctions. The contrast is caused by extra-linguistic factors and includes mainly grammatical contrast, meaning there is a gap between German and English in relation to certain tenses and forms of verbs. It could be considerably difficult to transform one sentence into other and literally «step over» the abyss. The contrast could be easily seen in certain phrases and sentences of the original and translated texts:

«Well, that's better'n stickin' aroun' Sallisaw an' starvin' to death», he said. «We better look out for a place to stop».

«Ist immer noch besser, wie in Sallisaw zu hocken und zu verhungern», sagte er. «Jetzt wollen wir uns lieber mal 'n Platz suchen für die Nacht».

First and foremost, in the comparison scheme one can notice the lapse of the accent typical particularly for Oklahoma: instead it was replaced by colloquial German and colloquialisms, as well as the contraction ««n» which stands for «einen». With the source text, it was possible to instantly identify the origin of the characters, but with the target text the context is required to discern this fact.

In regard to the levels of equivalence, one can indicate the following levels of equivalence that are not completely matched in certain fragments of the text.

For instance,

«No gettin' away from that.»

«Da ist nichts dran zu ändern».

The levels, which match this target text, are equivalence on the level of the aim of communication and on the level of

the situation described. The distinction of such a kind between the source and target texts is caused by the lack of similar grammatical constructions in German and consequently impossibility to translate the English sentence with retention of the same forms.

«The surface of the earth crusted, a thin hard crust, and as the sky became pale, so the earth became pale, pink in the red country and white in the gray country.»

«Die Erde setzte eine Kruste an, eine dünne, harte Kruste, und wie der Himmel bleich wurde, so wurde auch die Erde bleich — blaßrot das rote Land und weiß das graue Land.»

The equivalence is on the levels of the aim of communication, the situation described, the way of describing the situation and in some parts also of the meaning of syntactic structures and of the meanings of lexical units. But it is also possible to observe that some structures and forms are different and cannot be replaced by something more similar. It should be marked out that English and German, although similar, due to extra linguistic factors, have significant distinctions, which the comparison of the source and target texts manifests. The distinctions should be learnt and further explored, as they could promote the learning process, as well as become the key to the other important breakthroughs in Translation Science.

References:

1. Proshina Z. G., Etkin B. P. English — Russian language contacts // World Englishes. — 2005. — Т. 24. — №. 4. — с. 439–444.
2. Komissarov V. The semantic and the cognitive in the text: a problem in equivalence // Meta: Journal des traducteurs Meta: /Translators» Journal. — 1987. — Т. 32. — №. 4. — с. 416–419.
3. Steinbeck J. The grapes of wrath (1939). — на, 1939.
4. Steinbeck J., Lambrecht K., von zur Mühlen M. Früchte des Zorns. — DZB, 2002.
5. Усен Б. Theory of equivalence in translation: historical review // Вестник КазНУ Серия Востоковедения. — 2016. — Т. 52. — №. 3.
6. Durao R. Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. — 2009. — С. 27.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

V Международная научная конференция
Самара, март 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

ООО «Издательство АСГАРД», г. Самара

Подписано в печать 24.03.2017. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,80. Уч.-изд. л. 4,83. Тираж 300 экз. Заказ 16.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.